

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА

ВЕСТНИК

**Ленинградского государственного университета
имени А.С. Пушкина**

Научный журнал

№ 3

Том 4. История

Санкт-Петербург
2012

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А.С. Пушкина**

Научный журнал

№ 3 (Том 4) 2012
История
Основан в 2006 году

Учредитель Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Редакционная коллегия:

В. Н. Скворцов, доктор экономических наук, профессор (главный редактор);
Л. М. Кобрин, доктор педагогических наук, доцент (зам. гл. редактора);
Н. В. Поздеева, кандидат географических наук, доцент (отв. секретарь);
Л. Л. Букин, кандидат экономических наук, доцент;
Т. В. Мальцева, доктор филологических наук, профессор;
Г. П. Чепуренко, доктор педагогических наук, профессор

Редакционный совет:

Е. А. Бочков, доктор исторических наук, профессор;
В. А. Веремченко, доктор исторических наук, доцент (отв. ред.);
Н. Д. Козлов, доктор исторических наук, профессор;
В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент;
Г. Л. Соболев, доктор исторических наук, профессор;
А. М. Судариков, доктор исторических наук, доцент;
М. И. Фролов, доктор исторических наук, профессор

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, определенный Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации

Свидетельство о регистрации: **ПИ № ФС77-39790**
Подписной индекс Роспечати: **36224**

Адрес редакции:

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д.10
тел. / факс: (812) 476-90-34
<http://www.lengu.ru>

© Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
имени А. С. Пушкина, 2012
© Авторы, 2012

Содержание

ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

З. З. Мухина

Послеродовой период в жизни крестьянки пореформенной России (преимущественно центральных губерний)..... 7

В. А. Веретенко

Уход за детьми раннего возраста в дворянских семьях России во второй половине XIX – начале XX в. 18

ИСТОРИЯ ПАРТИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Д. И. Стогов

Кружок А. А. Римского-Корсакова и его влияние на внутреннюю политику Николая II 32

А. А. Смирнова

Участие социалистов во Временном правительстве и петроградские меньшевики в мае 1917 года 42

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

З. С. Гаурбекова

Кавказская война как столкновение исторических времен, культурных миров, этнических мировоззрений 50

А. В. Гостенков

Трансваальский кризис и Вильгельм II..... 63

А. Е. Кузовлев

История исследований оборонного потенциала ненасилия 72

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

М. И. Фролов

Вклад ленинградских ученых в создание и развитие военной техники, вооружения и в обеспечение жизни населения блокированного Ленинграда (1941–1944 гг.) 83

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Е. В. Польская, С. М. Стасюкевич

Частная собственность на землю на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX века..... 91

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РОССИИ

Е. В. Костина

Основание военно-учебных заведений в России в начале XIX века 102

<i>А. В. Апанасенок, К. В. Симоненков</i> «Старообрядческий вопрос» в жизни предреволюционной российской провинции: 1905–1916 гг. (на материалах Курской губернии).....	109
<i>К. В. Симоненков</i> Старообрядчество Курского края в условиях советской антирелигиозной кампании 1920-х – 1930-х гг.....	119
Сведения об авторах.....	127

Contents

THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE

Z. Z. Mukhina

The postnatal period in the life of a peasant post-reform Russia
(mainly the central provinces) 7

V. A. Veremenko

Care for children of early age in the noble families
of Russia in the second half of XIX – early XX centuries 18

THE HISTORY OF POLITICAL PARTIES AND POLITICAL TEACHINGS

D. I. Stogov

Section of A.A. Rimsky-Korsakov
and his influence on the internal politics of Nicolay II 32

A. A. Smirnova

The socialist' participation in the Provisional Government
and Petrograd Mensheviks in May 1917 42

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS

Z. S. Gairbekova

The caucasian war as a conflict of historical times,
cultural worlds and ethnical mentalities 50

A. V. Gostenkov

Transvaal crisis and Wilhelm II 63

A. E. Kuzovlev

The History of Researches of Nonviolent Defence Potential 72

THE HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

M. I. Frolov

The contribution of Leningrad scientists in the creation
and development of military equipment, weapons and provision
of life of the population of the blockaded Leningrad (1941–1944) 83

ECONOMY HISTORY

E. V. Polskaya, S. M. Stasiukevich

Private ownership of land in the Far East
of Russia in the second half of XIX – early XX century 91

RUSSIAN HISTORY PAGES

E. V. Kostina

The base of military schools in Russia
at the beginning of the XIX century 102

<i>A. V. Apanasenok, K.V. Simonenkov</i>	
«Old Believer's problem» in the life of prerevolutionary Russian province: 1905–1916 (based on materials of Kursk region) ..	109
<i>K. V. Simonenkov</i>	
Old Belief of Kursk region in conditions of Soviet anti-religious campaign in 1920-s – 1930-s	119
About authors	127

ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 94(47)"18"-055.2

3. 3. Мухина

Послеродовой период в жизни крестьянки пореформенной России (преимущественно центральных губерний)

В статье на базе опубликованных и архивных документов рассмотрены обряды и ритуалы послеродового периода как часть истории женской крестьянской повседневности центра России во второй половине XIX – начале XX в. Особое внимание уделено описанию и анализу деталей обрядов и ритуалов, их интерпретации с точки зрения гендерного подхода к истории семьи.

The article on the basis of published and archival documents considered rites and rituals of the postnatal period as part of the history of women's daily life of peasant center of Russia in the second half of XIX – early XX century. Particular attention is paid to the description and analysis of details of rites and rituals, their interpretation in terms of gender-based approach to family history.

Ключевые слова: женская история, гендерная этнография, крестьянка, семья, повитушество, послеродовые обряды.

Key words: women's history, gender ethnography, a peasant woman, family, peasant midwifery, postnatal rituals.

Рождение детей – важнейшая часть жизненного цикла женщины. Отдельные аспекты этой темы (обряды и ритуалы в послеродовой период) разрабатывались в работах дореволюционных авторов: Н.Ф. Сумцова [24], Д. Успенского [25], В.Н. Добровольского [7], А.Н. Соболева [23], О. Семеновой-Тянь-Шанской [21]. Много сделано и российскими историками и этнографами в исследовании ритуалов (Т.А. Листова [11], Д.А. Баранов [4], Г.И. Кабакова [8]). Обрядовой стороне во время беременности и родов значительное место уделено в монографии А.К. Байбурина [3], новые этнографические материалы представлены в сборнике «Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры» [18], а также в работах историков повседневности и фамилистов В.Ю. Лещенко [9], В.А. Федорова [26], К.Э. Шумова и А.В. Черных [27], свой взгляд предложен и теми, кто реконструирует женскую историю (Н.Л. Пушкарева [15; 16, с. 17]; 3.3. Мухина [14]). Как во всякой многообразной проблеме, не все попало в поле зрения исследователей, и весьма актуальный вопрос,

касающийся изменений в повседневной жизни русской крестьянки в пореформенный период (по сравнению с дореформенным), не выделялся в историографии. В данной работе делается попытка осветить этот вопрос. В основу положены материалы недавно введенных в научный оборот выпусков многотомного издания «Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева» [20], географически охватывающие интересующий нас регион.

Функционирование традиционного крестьянского общества было обусловлено целым рядом социально-экономических факторов. В основе крестьянской экономики лежала семейная форма хозяйства, которая строилась на гендерном разделении труда и могла существовать при наличии как мужских, так и женских рабочих рук. Представления о семье и детях составляли фундамент всего уклада жизни. Брачно-семейные отношения являлись системообразующими для всего крестьянского общества. Священность института брака нашла свое отражение в нормах обычного права и в крестьянской этике: «Без мужа, что без головы; без жены, что без ума», «Без мужа голова не покрыта; без жены дом не крыт» [6, с. 289]. Только семейная жизнь давала индивиду возможность стать полноправным членом общества, поэтому вступление в брак рассматривалось как моральный долг. «Отношение же к тем, которые почему-либо остались без жены или медлят жениться, самое худое» (Тверская губ.) [20. Т. 1, с. 465, 467].

Крестьянская экономика с ее низкой продуктивностью, всецело зависевшая от погодных условий и носившая весьма рискованный характер, оказывала непосредственное влияние на репродуктивную функцию женщины. В среднем она рожала по 7–8 детей, некоторые крестьянки даже 10–11 раз [12, с. 223].

С выходом девушки замуж она приобретала новый статус, вступала в общество замужних женщин в статусе «молодухи» и оставалась в нем до рождения первого ребенка [13, с. 360]. Только с рождением ребенка происходил полный, признанный крестьянским обществом переход крестьянки во взрослое состояние.

Вся жизнь и быт крестьянской женщины были жестко регламентированы, это касалось и периода беременности. Существовала особого рода нормативная культура, предписывавшая определенные каноны поведения, в том числе и в супружеской жизни. Действовавшие нормы и правила считались унаследованными от предков и носили императивный характер. Все стандарты поведения были обязательными. Считалось, что отступление от ритуалов и обычаев, которые регламентировали весь ритм индивидуальной жизни чело-

века, скажется на благополучии самого нарушителя [3, с. 8, 18]. В пореформенное время, когда шло обновление всех сторон жизни, активно происходила подстройка ритуала к новым реальностям, формы поведения одновременно обуславливались и ритуалом, и обновлявшимися нормами повседневной жизни.

Рождение ребенка было не просто событием в жизни крестьянской семьи [7, с. 41], репродуктивная функция женщины имела высокую социальную значимость для всего крестьянского сообщества, беременность становилась явлением, привлекавшим внимание окружающих. Но в традиционном сознании беременность и роды являлись не столько физиологическими процессами, сколько таинством, имеющим сакральный смысл. Это таинство становилось ареной борьбы добрых и злых сил, и без определенных ритуальных действий нельзя было надеяться на успешное завершение этой борьбы. Непосредственно сами роды представляли один из элементов в сложной структуре родильной обрядности. Ритуальные действия начинались гораздо раньше родов, а завершались через продолжительное время после них.

Современные исследователи предлагают рассматривать «родильный обряд» как временной континуум, включающий в себя беременность, предшествующие ей элементы свадебной обрядности, роды и весь период младенчества [18, с. 6]. В системе родильной обрядности получила интенсивную рефлексивную выделенность, структурированность каждого периода. Это надо понимать не только в том смысле, что вследствие физиологических процессов происходило разделение на преднатальную стадию, роды и послеродовой период, но также и в том, что определенные временные отрезки имели выделенное положение, так как могли неблагоприятным образом сказываться на судьбе ребенка. Вся родильная обрядность привязывалась к определенной временной и пространственной организации.

В задачу данной работы входит анализ только послеродового периода.

В любой части крестьянского мира Центральной России нравственные аспекты считались важным фактором, определяющим будущее новорожденного. На мать, затем на отца новорожденного возлагался груз психологической ответственности за то, каким будет рожденный человек. Женщина, по народным представлениям, изначально являлась нечистой. Корреспондент Этнографического бюро из Курской губернии сообщал: «Мальчика можно ставить на стол, а девочку нельзя, потому что девочка нечистая» [20. Т. 6, с. 45]. В особенности это относилось к периоду беременности и к 40 дням после родов. Посещение церкви должно было сопровождаться очи-

стительной молитвой; поскольку считалось, что роды осквернили весь дом, приглашали священника для обрядового очищения и чтения особой молитвы «Во внегда родите жене отроча».

Социальная изоляция роженицы укреплялась наличием целого ряда запретов, что (объективно говоря) помогало сохранению здоровья матери и младенца в период, когда медицинская помощь была весьма условной. С древности был запрет заходить в дом роженицы до истечения полутора месяцев после родов. Не ходила в гости в другие дома и сама молодая мать, «чтобы не осквернить их» (Ярославская, Вологодская губ.) [20. Т. 2.1, с. 218, 446; Т. 5.4, с. 99]. Даже если в соседнем доме случались свои роды, недавно родившая женщина не могла быть приемницей (в противном случае приемник умрет). После прочтения над роженицей очистительной молитвы дому и ей самой, иногда – лишь спустя 1,5 месяца после родов, в дом начинали приходиться соседки и близкие, обычно с пирогами («на здоровье») [20. Т. 5.4, с. 158]. Интимные отношения до молитвы на очищение (на 40 день) считались грехом, но боялись его не все [20. Т. 2.2, с. 72].

В день родов или на следующий день роженицу сажали в печь, чтобы из тела вышла «дурная» кровь, мыли ее в бане или в печи для очищения от послеродовой нечистоты (Смоленская, Вологодская, Тульская губ.) [20, Т. 5.3, с. 376; 25, с. 73], независимо от ее состояния и погоды. Если роженица была так слаба, что не могла идти сама в баню, ее вели под руку. В течение первой недели после родов женщина считалась особенно опасной, поэтому в это время ее держали либо в той же бане, либо в избе за перегородкой.

Вместе с роженицей купали и новорожденного при минимуме помощников и свидетелей. Считалось, что вода смывает «беду», в том числе все «нечеловеческое»; воду после купания выливали за пределами дома и даже двора, там, где не ходили люди или скот (Вологодская губ.) [20. Т. 5.4, с. 158]. В случае болезни новорожденного одним из способов лечения было окатывание его водой над корытом (воду потом выливали подальше, иногда – в реку или в ручей) [20. Т. 5.2, с. 568]. Плаценту (детское место) обязательно закапывали, иногда – под полом, чаще – во дворе, в навозе, в хлеву (Вологодская губ.) [20. Т. 5.3, с. 246; Т. 5.4, с. 476].

При обмывании младенца особое внимание уделялось целебной силе заговоров и нашептываний. Вот пример такого заговора: «И смываю, и стираю со младенца Христова все скорби и болезни: шепотные, ломотные, нутряные, сердечные, денные, ночные, полунощные и полуденные, оговоры, приточные, желания. Аминь этому слову!», читали заговоры от родимца и грыжи. После обмывания ребенка заворачивали в отцовскую рубашку, чтобы отец

больше любил (Вологодская губ.) [20. Т. 5.2, с. 566; 2. АРЭМ. Оп. 2. Д. 799. Л. 7 об.]. Заметим, что, если роды проходили вдали от дома (в лесу, на сенокосе, жнивье и т. д.), обрядовые действия не могли проводиться во всей полноте, ребенка обмывали водой и отправляли домой, заставляя подчас роженицу нести его.

Практически повсеместно в традиционную родильную обрядность входил обряд очищения бабы-повитухи и роженицы – «размывание рук», который в большинстве сел проводился через 1–2 недели после родов. Этот обряд заключался в том, что бабка-повитуха мыла лицо роженице. После обряда мыло и полотенце (или деньги) роженица отдавала повитухе (Курская губ., Тульская губ.) [1. Оп. 1. Д. 8. Л. 2; 10, с. 583; 20. Т. 6, с. 413].

Считалось, что по внешнему виду новорожденного можно определить его будущее. Здесь мы сталкиваемся с противоречиями в системе представлений о детях. Новорожденный как пришелец из таинственного потустороннего мира был существом неоформленным и в ритуальном смысле это относилось и к идентификации пола. Если сын был похож на мать, а дочь на отца, им предрекали счастливую судьбу, если же ребенок родился уродом, он будет плохим человеком, говорили, что «бог шельму метит» (Псковская губ.) [20. Т. 6, с. 290]. По другим приметам было наоборот: родившийся мальчик будет счастлив, если лицом будет похож на отца. То же самое относилось и к девочке, если она будет похожа на мать (Ярославская губ.) [20. Т. 2.2, с. 156, 434]. В этих приметах внешнего сходства детей с родителями отразились представления о ценности супружеской верности.

Вскоре после родов обычно женщины снова принимались за работу. Одни это делали недели через две, другие – через несколько дней, а некоторые не лежали и дня [20. Т. 3, с. 45–46; Т. 5.3, с. 376, 488]. Даже в богатых семьях роженица часто вставала раньше, чем через десять дней. Все это зависело не только от физического состояния женщины, но и от потребностей рабочих рук в хозяйстве, отношения к роженице мужа и других членов семьи. В пореформенное время участились разделы, и нередко в семье было лишь два работника – муж и жена. Хоть и через силу, только что родившая женщина поднималась и шла работать. Но были случаи, когда родившие женщины старались не выходить из дома от нескольких дней до недели по другой причине – чтобы соседи быстрее забыли о родах, поскольку считалось, что от их разговоров роженица может заболеть (Ярославская губ.) [20. Т. 2.2, с. 365–366].

Картина послеродового периода не была однородной, она зависела от локальных и семейных особенностей. Так, в семьях с лучшим экономическим положением не только оберегали беременных

женщин, но и следили за ними после родов, им поручали лишь легкие работы [20. Т. 5.2, с. 361–362]. Но в большинстве случаев уход за новорожденным сводился к минимуму. Младенец в любую погоду находился летом в поле вместе с матерью, она по несколько часов не могла подойти к ребенку. Женщины везде таскали с собой грудных детей, даже на дальние расстояния, в том числе и в зимнее время, часто простужали их. Кормление грудью было крайне неравномерным, особенно летом, когда его кормили до пресыщения, после чего несколько часов он голодал. Грудь давали всего два-три раза в день. Гигиена находилась на крайне низком уровне. Хотя коровье молоко и кипятилось, оно в открытом виде стояло возле люльки. Обычным делом были катары, понос, атрофия. Так как кормящая женщина не получала полноценного питания, то это сказывалось на здоровье ребенка. Однако отметим, что некоторые медицинские предписания уже в рассматриваемый период вошли в крестьянское сознание. Так, оспопрививание было обязательным для крестьянских детей [20. Т. 2.1, с. 468–469; Т. 2.2, с. 390, 435].

Неудивительно, что в России была ужасающе высока детская смертность, особенно в губерниях Центрального промышленного района и примыкавших к ней – Московской, Владимирской, Вологодской, Тверской, Санкт-Петербургской, Ярославской, Костромской, Олонецкой, Нижегородской, где за 1867–1881 гг. умершие младенцы до одного года составляли до 40 % от числа всех родившихся. После возраста одного года смертность значительно снижалась [22, с. 4, 9–12]. С. Рамер утверждает, что в России детская смертность была самой высокой в Европе [29, р. 218]. Высокая детская смертность в то время была уделом не только России. В Словакии в течение всего XIX в. половина детей умирала в самом раннем возрасте, чрезвычайно высокой детская смертность была в Болгарии [19, с. 24, 101]. Этот бич не обходил и Западную Европу. По данным Статистического комитета, смертность младенцев до одного года в Европейской России составляла 27 % по отношению к числу родившихся (1867–1881), в Саксонии – 27 % (1865–1870), в Баварии – 30 % (1866–1883), в – Вюртемберге 31 % (1871–1881), в Бадене – 26 % (1866–1883), в Австрии – (Цислейтания) 25 % (1866–1883) [22, с. 3].

В крестьянском сознании имелось очень смутное понимание строения человеческого тела, функционирования органов, сказанное относится и к деторождению. Согласно поверьям, считалось, что ангел приносит роженице младенческую душу и вкладывает его в зародившегося ребенка (Ярославская губ.) [20. Т. 2.2, с. 307–308].

Но вот довольно оригинальное представление о деторождении. У каждого мужчины внутри имеются маленькие человечки, которые при совокуплении переходят в живот женщины. Между ними начинается драка, где побеждает самый сильный, и он при родах выходит наружу (Тульская губ.) [20. Т. 6, с. 434]. Отметим явно выделенную здесь гендерную направленность.

Интересно отметить, как объясняли появление младенца другим детям в семье. Говорили, что младенец выпал из-под подушки у мамы; его подарили или он появился из живота, который на этот раз раскрылся; повитуха нашла в лесу под березой или где-нибудь в крапиве и принесла в подарок, чтобы его любили и нянчили; вышел из бока матери, при желании детей посмотреть это место, говорили, что давно это было и потому заросло; овца окатила под еловым кустиком; если ребенок был смуглый, вспоминали про цыган, что он выпал из задка их телеги, и его мать подняла; «вышел из ушка», «бабушка нашла», «на торгу купил», «мамка в город ходила, да ветром брюхо надуло», «нашли у себя под пазухой», «бабушка принесла и на печку положила», или «принесла в коленях из поля» [5, с. 141; 20. Т. 1, с. 283; Т. 3, с. 267, 571; Т. 5.1, с. 531; Т. 6, с. 412, 451, 477] и др. Верили этому дети до пяти-шести лет, потом начинали выспрашивать у более старших детей и добивались истины [5, с. 142].

В крестьянской традиции Божья благодать посылалась в виде детей, богатства и изобилия, все это находилось в одном ряду. Бесплодие рассматривали как наказание за грехи родителей или их отцов. На бездетных смотрели с сожалением [5, с. 363; 20. Т. 5.1, с. 530; Т. 5.2, с. 362; Т. 6, с. 365]. Известны факты, когда в случае бесплодия приглашался посторонний мужчина, хотя такие случаи были редки и осуждались крестьянским сообществом (Калужский уезд Калужской губ.) [20. Т. 3, с. 318]. Выкидыши объясняли грехами матери: была неверна мужу, спала с ним под праздник, не почитала постов, нерадиво молилась в церкви и др. Чтобы предотвратить выкидыши впредь, мертвого ребенка зарывали под полом или на гумне (Псковская губ.) [20. Т. 6, с. 290]. Рождение мертвого ребенка объясняли тем, что его украл нечистый [5, с. 122]. Но существовали и вполне рациональные объяснения выкидышей – неосторожное поведение (ушибы, поднятия тяжестей и т. д.), поэтому беременные женщины остерегались подобных случаев [20. Т. 5.2, с. 235; Т. 5.4, с. 158].

По поводу бесплодия говорили: «Ежели у которых родителей нет детей..., то значит, они чем-нибудь прогневали Господа и сде-

лались недостойными, вот Бог и не дал им утешение на старости. Без детей-то того и гляди, что на старости с сумой пойдешь» [20. Т. 2.2, с. 365]. Появлению на свет первого ребенка, независимо от его пола, радовались почти все родители, даже самые бедные [20. Т. 1, с. 251; Т. 3, с. 434; Т. 5.2, с. 361; Т. 5.4, с. 230]. В то же время с большей радостью встречали рождение мальчика, так как с его появлением увеличивался земельный надел и как следствие благосостояние семьи. Пореформенное время внесло свои коррективы и в этом вопросе. Радовались не просто рождению мальчика, который в старости родителей будет опорой семьи, в нем видели питеряка-«наживщика», будущего «буфетчика», «приказчика» (Вологодская губ.) [20. Т. 5.2, с. 45]. Рождению дочерей радовались меньше; если на мальчика смотрели как на будущего кормильца, то на девочку как на разорительницу (выход замуж, наряды и вообще лишние заботы), говорили, что «сын дом держит, а дочь за дверь смотрит». Но, если рождались одни мальчики, это тоже было не в радость. Отцы тогда говорили, что нечего будет и делить, а матери сокрушались: «не на кого будет и в беседе полюбоваться» [20. Т. 2.2, с. 366; Т. 3, с. 434; Т. 5.3, с. 488; Т. 5.4, с. 212]. Отношение менялось, если семья работала на фабрике, тогда больше радовались рождению девочки, так как именно девочек рассматривали как будущих помощниц, они были послушнее и скромнее, а сыновья обычно не задерживались в родительском доме (Владимирская губ.) [5, с. 264].

Если рождалась двойня, то это рассматривалось как свидетельство излишне активной половой жизни.

С ухудшением экономического положения крестьянства в пореформенное время материальные соображения оказывали сильное влияние и на отношение к детям в семье. Если в обеспеченных и малодетных семьях рождение детей встречали с радостью, то в бедных воспринимали уже как неизбежное зло: «Бог дал, своя кровь, не щенок, не выкинешь за порог» [20. Т. 5.3, с. 36]. Младенец был обузой, лишним ртом, родители тяготились им. Его появление встречалось как наказание Божье, появлялось неподдельное желание, чтобы новорожденный скорее умер, «може не будет жить». Такие родители просили Господа о смерти своих детей и избавления их самих от Божьего наказания. Бесплодие они воспринимали как дарованное Богом первое счастье в жизни [5, с. 264; 20. Т. 2.2, с. 366; Т. 3, с. 318; Т. 5.2, с. 359].

Источники сообщают о поразительном случае, происшедшем в Жиздринском уезде Калужской губ. Одна бедная крестьянка, имевшая шестерых детей от одного до девяти лет при очень скудных за-

работках сильно пившего мужа, выпрашивала во время эпидемии скарлатины у матерей рубашечки, в которых умирали их дети. Эти рубашечки она надевала на своих детей в надежде, что они заболеют и умрут. В то время, как в каждой семье умерло по несколько человек, ее дети остались живы и совершенно здоровы, а сама она родила еще двойню [20. Т. 3, с. 434]. А. Энгельгардт описывает другой не укладывающийся в современные представления случай отношения уже к взрослым детям. У одной ее работницы была молодая и красивая дочь по имени Аксюта. Однажды Аксюта простудилась и слегла. Стала выздоравливать, но, не оправившись от болезни, начала работать и снова слегла. Девушка умирала, а мать, которая очень любила и баловала ее, отнеслась к этому совершенно хладнокровно: «А умрет, так что ж – все равно, по осени замуж нужно выдавать, из дому вон, так расходу будет меньше» (похоронить стоило дешевле, чем выдать замуж). Аксюта пролежала всю зиму и умерла весной, несчастье было в том, что не умерла осенью, а то целую зиму расход, а к весне, когда могла бы работать, умерла [28, с. 44–45]. «При всем при том детоубийство было редким явлением, – сообщает корреспондент Этнографического бюро. – Как своего рода детоубийство можно рассматривать, когда родители безжалостно отправляли детей выполнять непосильную для них работу, закабалляли в чужих руках, заставляли их побираться, а все добытое "кровавым потом, холодом и голодом" забирали себе и пускали на пьянство» [20. Т. 6, с. 247].

Рождение и воспитание детей, что является важнейшим предназначением женщины вообще, в традиционном обществе было сопряжено с веками складывавшейся обрядностью. Отдельные черты этой обрядности сохранились до нашего времени. Новые экономические, социальные, культурные условия пореформенного периода затронули не только родильную обрядность. Коренным образом изменилась вся жизнь крестьянки, в том числе связанная с беременностью и родами. Женщина получала новый статус. Расширялись ее имущественные права, она приобретала экономическую самостоятельность, у ней начало формироваться новое самосознание.

Список литературы

1. Архив Русского географического общества (АРГО). Р. 19. Оп. 1. Д. 8. Л. 2.
2. Архив Российского этнографического музея (АРЭМ). Ф. 7. Оп. 2. Д. 799. Л. 7 об.
3. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. – СПб., 1993.

4. Баранов Д.А. «Незнакомые дети» (к характеристике образа новорожденного в русской традиционной культуре) // Этнографическое обозрение. – 1998. – № 4. – С. 110–122.
5. Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. (На примере Владимирской губернии). – СПб., 1993.
6. Даль В. Пословицы русского народа: в 2 т. Т. 1. – М., 1984.
7. Добровольский В.Н. Смоленский этнографический сборник. Ч. II. – СПб., 1893.
8. Кабакова Г.И. Отец и повитуха в родильной обрядности Полесья // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры / сост. Е.А. Белоусова; отв. ред. С.Ю. Неклюдов. – М., 2001. – С. 107–129.
9. Лещенко В.Ю. Русская семья (XI–XIX вв.). – СПб., 2004.
10. Липинский А. Материалы для географии и статистики России. Ч. 2. – СПб., 1868.
11. Листова Т.А. Обычаи и обряды, связанные с рождением детей. Первый год жизни // Русские. – М., 2005. – С. 500–517.
12. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. 2-е изд. Т. 1. – СПб., 2007.
13. Мужики и бабы. – СПб., 2005.
14. Мухина З.З. Обретение социокультурного опыта как структурообразующего фактора повседневной жизни девушки-крестьянки Европейской России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. – 2010. – № 19 (90). – Вып. 16. – С. 118–127.
15. Пушкарёва Н.Л. Материнство и материнское воспитание в российских семьях XVIII – начала XIX в. // Расы и народы. – Вып. 25. – М., 1998. – С. 104–124.
16. Пушкарёва Н.Л. Материнство в новейших философских и социологических концепциях // Этнографическое обозрение. – 1999. – № 5. – С. 47–59.
17. Пушкарёва Н.Л. Материнство как социально-исторический феномен (обзор зарубежных исследований по истории европейского материнства) // Женщина в российском обществе. – 2000. – № 1. – С. 9–24.
18. Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры / сост. Е.А. Белоусова; отв. ред. С.Ю. Неклюдов. – М., 2001.
19. Рождение ребенка в обычаях и обрядах. Страны Зарубежной Европы / под ред. Н.Н. Грацианской, А.Н. Кожановского. – М., 1997.
20. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. (Далее – РКЖБН). Т. 1: Костромская и Тверская губернии. – СПб., 2004; Т. 2: Ярославская губ.; Ч. 1: Пошехонский уезд. – СПб., 2006; Ч. 2: Даниловский, Любимский, Романово-Борисоглебский, Ростовский и Ярославский уезды. – СПб., 2006; Т. 3: Калужская губ. – СПб., 2005; Т. 4: Нижегородская губ. – СПб., 2006; Т. 5: Вологодская губ.; Ч. 1: Вельский и Вологодский уезды. – СПб., 2007; Ч. 2: Грязовецкий и Кадниковский уезды. – СПб., 2007; Ч. 3: Никольский и Сольвычегодский уезды – СПб., 2007; Ч. 4: Тотемский уезд. – СПб., 2007; Т. 6: Курская, Московская, Олонекская, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. – СПб., 2008.
21. Семенова-Тян-Шанская О. Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. – М., 2010.

22. Смертность младенцев в Европейской России в 1867–1881 г. Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел. – СПб., 1889.
23. Соболев А.Н. Обряды и обычаи при рождении младенца и колыбельные песни во Владимирской губернии // Тр. Владимирского общества любителей естествознания. – Т. 3. Вып. 2. Приложение. – Владимир, 1910.
24. Сумцов Н.Ф. О славянских народных воззрениях на новорожденного ребенка // ЖМНП. – 1880. – № 11. – С. 68–94.
25. Успенский Д. Родины и крестины: Уход за родильницей и новорожденным // Этнографическое обозрение. – 1895. – № 4. – С. 71–95.
26. Федоров В.А. Мать и дитя в русской деревне (конец XIX – начало XX в.) // Вестн. МГУ. – Сер. 8. История. – 1994. – № 4. – С. 3–21.
27. Шумов К.Э., Черных А.В. Беременность и роды в традиционной культуре русского населения Прикамья // Секс и эротика в русской традиционной культуре: сб. ст. / сост. А.Л. Топорков. – М.: Ладомир, 1996. – С. 175–191.
28. Энгельгардт А. Письма из деревни. – М.: Алгоритм, 2010.
29. Ramer S.C. Childbirth and Culture: Midwifery in the Nineteenth-Century Russian Countryside // The Family in Imperial Russia / Ed. By D.L.Ransel. – Urbana, Chicago, London, 1976. P. 218–235.

В. А. Веретенко

Уход за детьми раннего возраста в дворянских семьях России во второй половине XIX – начале XX в.

В статье характеризуются изменения, произошедшие в организации ухода за детьми раннего возраста в дворянских семьях России во второй половине XIX – начале XX в. Обращается внимание, что если в середине XIX столетия редкие родители сами занимались своими маленькими детьми, то к концу исследуемого периода практически все матери, принадлежавшие к данной социальной группе, принимали непосредственное участие в уходе за младенцами. Автор выделяет две типологические группы «новых родителей»: «новые идейные» и «новые практические», отличавшиеся двумя основными характерными чертами: во-первых, причиной, заставлявшей родителей изменять отношение к своим маленьким детям, а во-вторых – степенью вовлеченности отцов в уход за младенцами.

Article is devoted to changes in the organization of care for children of early age in the noble families of Russia in the second half of the XIX – early XX centuries. Special attention is drawn to the fact that in the middle of XIX century rare parents themselves were engaged in their young children care but to the end of this period practically all the mothers from this social group took part in the care of their babies. Author points out two typological groups of "new parents" – "new ideologic" and "new practical" distinguished by two main characteristics. Firstly that is the reason forcing parents to change their attitude towards their babies and secondly the degree of involvement of fathers in child cares.

Ключевые слова: Россия, дворянская семья, дети раннего возраста, уход за младенцами, искусственное вскармливание, кормилица, родительство.

Keywords: Russia, noble family, children of early age, infant care, artificial feeding, nurse, parenthood.

Рождение ребенка – одно из важнейших событий в жизни человека. Появление младенца в семье налагает на родителей массу новых обязанностей, делая необходимым решение вопросов, связанных с его воспитанием, обучением, организацией его будущего. Вместе с тем для первых нескольких лет и особенно первых месяцев жизни ребенка наиболее существенными являются проблемы ухода, предполагающие обеспечение младенца правильным, соответствующим возрасту питанием, заботливым присмотром, необходимым медицинским контролем и т. д. В данной области, как и во

многих других, вторая половина XIX – начало XX в. ознаменовались серьезной эволюцией, прежде всего затронувшей дворянские семьи.

До середины XIX в. редкие дворяне-родители (как отцы, так и матери) сами занимались своими детьми, особенно маленькими. За рожденными при помощи крестьянских повитух дворянскими детьми первоначально ухаживали крестьянские кормилицы и няньки [3; 5]. В большинстве мемуаров и дневников российских дворян, детство которых пришлось на вторую четверть XIX столетия, в череде первых воспоминаний редко появляется отец, образ же матери «прекрасной, далекой, пахнущей духами», заглянувшей в детскую на минутку, чтобы поцеловать детей перед отъездом на бал, прием или куда-либо еще, скорее сопоставим с феей, неземным существом, а не с родной и близкой [2; 20].

Вот как, например, рисует место своих родителей в первоначальном воспитании детей Елена Алексеевна Кропоткина (в замужестве Кравченко), родная сестра будущего анархиста П.А. Кропоткина, мать которых умерла молодой, отец женился во второй раз и дети, очевидно, хотели противопоставить «светлый» образ умершей, образ нелюбимой и даже ненавидимой мачехи: «Мать любила нас, но по тогдашнему времени мы были предоставлены гувернантке и гувернерам, сходили сверха в установленные часы, отца видели очень редко, у матери же бывали часто гости, помню, как она приходила к нашим кроватям, горячо молилась и даже плакала над нами» [18. Д. 1196. Л. 2 об.]. О том же вспоминает и Е.Н. Водовозова: «отношения родителей к детям были определены довольно точно: они подходили к ручке родителей поутру, когда те здоровались с ними, благодарили за обед и ужин и прощались с ними перед сном» [7, с. 99].

Отсутствие родительского внимания должны были компенсировать многочисленные слуги. Так, в уже упомянутой семье Кропоткиных за четырьмя детьми (тремя мальчиками и девочкой, в возрасте от 8 до 2 лет) приглядывало двое учителей (немец и русский), гувернантка, горничная, старшая няня и три ее помощницы [18. Д. 1196. Л. 3]. Именно эти люди, особенно няни и кормилицы, находившиеся в непосредственной физической близости к детям, были для малышей по-настоящему родными.

В подавляющей массе случаев няни осуществляли уход за младенцем, исходя исключительно из собственных представлений о «санитарии» и «способах оздоровления». Сами же эти представления определялись личностью и статусом воспитательницы, выбранной матерью для детей. Для середины XIX столетия характерны два взаимоисключающих подхода: практически повсеместно распространённый, даже во вполне обеспеченных дворянских семьях, оте-

чественный, и крайне редко встречающийся, преимущественно в домах петербургской знати, иностранный.

В первом случае мать передоверяла уход за своими детьми няне, выбранной из крепостных или, реже, нанятой, но «местной» (к этой группе следует отнести и прибалтийских немок). Организация присмотра становилась результатом значительного опыта, полученного женщиной в ходе «выращивания» собственных (т. е. крестьянских) детей, а уровень ее подготовленности и квалификации определялся количеством выживших из них. Недаром даже в 90-е гг. XIX в. неграмотная крестьянка – мать четверых детей, все из которых достигли совершеннолетия, считалась «опытной няней» и позволяла себе спорить с врачами о правилах содержания младенцев [22. Оп. 226. Д. 140. Л. 170]. В середине же столетия мнения такой «специалистки» вообще не подвергались никакому сомнению, прежде всего в связи с малой доступностью врачебной помощи, в том числе и для дворянского сословия.

Страх помещиков перед любой, самой обычной болезнью, особенно детской, является общим местом практически всех мемуаров и дневников. Своего рода анализ причин данного явления мы находим в воспоминаниях В. Муромцевой-Буниной: «... деревенские жители панически боятся всякого заболевания. Малейшее недомогание им кажется уже преддверием смертельной болезни... Я долго не понимала, в чем дело. А потом сообразила: отсутствие медицинской помощи в деревне всегда вызывает страх, что болезнь обернется в опасную, смертельную» [16, с. 368]. Неудивительно, что, не имея возможности (если речь, конечно, не идет о столичных городах) проконсультироваться со специалистом и заранее предполагая самое худшее, дворяне-родители не вмешивались в то, что делала наверху женщина, каким-то чудом сумевшая вырастить хотя бы часть своих детей.

Общая же схема такого ухода предполагала: максимальное ограничение младенца в перемещении за пределами дома, а то и его комнаты (прогулки вообще отменялись зимой и осенью, производились только в «хорошую погоду» весной и летом); поддержание постоянного тепла в детской, где, как правило, было жарко натоплено и практически не проветривалось; кормление кормилицей без режима, «как захочет», прикорм с 40-го дня в форме постепенного добавления хлеба с коровьим молоком и бульона [9; 8, с. 32, 77, 78].

Совершенно иное отношение к правилам содержания детей раннего возраста мы находим во втором случае. Состоятельные, достаточно вестернизированные российские дворянские семьи, начиная с императорской, высоко ценили иностранных, прежде всего английских, бонн, показывавших благодаря своему «спартанскому

воспитанию» значительные успехи в выращивании физически здоровых детей. Иностранные няни практиковали прогулки в любую погоду, сон в прохладной, зимой до 12 °С, комнате на жесткой кровати под тонким одеялом, физические упражнения и другие способы закаливания [23]. Подчеркнем, что, выбрав характер ухода путем назначения к детям той или иной няни, родители в середине XIX в. редко вмешивались в заведенный няней/бонной порядок, ограничивая свое участие в заботе о маленьких детях несколькими визитами в детскую в день (в лучшем случае) или опросом прислуги о том, все ли благополучно. Малыши, отправленные, чтобы не мешали, «в дальние комнаты», в свою очередь, мало знали и боялись своих родителей, как правило, считая их «чужими».

Конечно, могли быть и исключения, которые, однако, в конечном счете все равно отражали присущие времени взгляды и стереотипы. Некоторые образованные и «передовые» матери, усвоив «культурный миф» Ж.-Ж. Руссо «о священном долге матерей» или согласившись с идеей Н.М. Карамзина о том, что «молоко нежных родительниц есть для детей и лучшая пища, и лучшее лекарство» [11, с. 246], принимались кормить детей самостоятельно. Но, как справедливо отмечает современная исследовательница А.В. Белова, этот акт воспринимался «дворянками как своеобразная сфера самореализации, не менее значимая, чем, например, организация светского раута» [1, с. 448]. Поэтому, осуществив данное мероприятие и, таким образом, продемонстрировав «современность», понимание значимости своего общественного долга и материнской роли, они спокойно передавали младенца на руки няни и отправлялись совершать другие важные дела.

Появление первых ростков нового типа отношений дворян-родителей к детям раннего возраста мы находим в семье известного общественного деятеля Николая Ивановича и его супруги Надежды Аполлоновны Второвых, где в почете были педагогические и общественно-политические концепции французских просветителей. В середине 40-х гг. XIX в. с рождением их первенца Владимира здесь была сделана попытка реализовать принцип раннего родительского воспитания.

Демонстрируя понимание выпавшей на их долю ответственности, родители приняли решение активно участвовать в заботе о новорожденном. Кормить ребенка должна была сама мать, она же совместно с бабушкой и под контролем врача (ребенок родился в Петербурге) должна была осуществлять уход и присмотр. Для записей процесса физического и психического развития младенца отец начал вести «родительский дневник». Характерно, что первоначально предполагалось, что «обязанность эту примет на себя На-

дя», и Н.И. Второв приступил к ведению записей только временно, «пока она еще слаба», но в итоге у матери так и не хватило на это времени, и вести дневник пришлось отцу [17. Д. 84. Л. 26].

Изменение участия родителей в уходе за младенцем вместе с тем мало отразилось на самой организации присмотра, выполненной в «отечественном» стиле. Первые сутки ребенка не прикладывали к груди и кормили подсахаренной водой. На второй день малыш получил имя – Владимир, но самого акта крещения не было, просто в семье решили называть его именно так. Первое обтирание состоялось спустя неделю после рождения, в ходе него на коже были обнаружены опрелости, которые и стали присыпать картофельной мукой. Купать же малыша решились только в месячном возрасте, когда, по мнению родителей, он уже мог выдержать эту довольно опасную процедуру. Акт крещения младенца состоялся, когда ему исполнился месяц и две недели. Как и в подавляющем большинстве дворянских семей даже и в более позднее время, мероприятие проводилось дома, в детской, и родители «не без страха» могли наблюдать за погружением сына в воду через открытые двери из другой комнаты. На третьем месяце малыш начал получать прикорм – мясной бульон с манной крупой. На улицу же рожденный в октябре младенец впервые был вынесен только в начале марта в возрасте пяти месяцев [17. Д. 84. Л. 26 об. – 30].

На третьей недели жизни Володи в доме появилась няня – рижская уроженка, полька по происхождению – Анна. Вместе с тем, поручив малыша ее заботам, родители продолжали проводить с младенцем по несколько часов в день, постоянно контролируя каждый шаг прислуги. Последнее, очевидно, тяготило женщину, считавшую себя хозяйкой на своей территории. В результате в дневнике Н.И. Второва появилась следующая запись: «нянька ... обнаружила чрезвычайно грубый и сварливый характер, и своими частыми капризами и грубостями довела нас до того наконец, что мы должны ее сослать от нас, как это для нас ни тягостно, особенно потому, что наступают праздники (Пасха), и первые три дня нет никакой возможности искать другой няньки, и мы должны несколько дней сами нянчиться с ребенком. Бедная мамаша его сегодня совсем измучилась, будучи принуждена хлопотать и с ним, и с приготовлением к празднику; я тоже, пока дома, почти непрерывно с ним нянчусь и уже ничем не могу заниматься...» [17. Д. 84. Л. 31 об. – 32].

Итак, попытки участия родителей в раннем воспитании и уходе за собственным ребенком обернулись значительными «домашними сложностями», и если в середине XIX в. это явление было пока еще редким, то к концу столетия непрерывные смены нянь в поисках

«хорошей» стали постоянной темой дворянских дневников и мемуаров, причем как мужских, так и женских.

К сожалению, заботы семьи не спасли Володю. 30 апреля 1846 г. в возрасте шести месяцев и трех недель он впервые оказался в большом скоплении чужих людей и детей – родители возили его в Воспитательный дом на прививку от оспы. Спустя две недели подхватившей где-то инфекцию ребенок скончался [17. Д. 84. Л. 32–32 об.]. Так же в младенчестве умерли и два последующих сына Второвых. Вообще из девяти детей в этой семье до окончания школы дожили трое [17. Д. 85. Л. 40 об.].

Такие явления, как понимание дворянками важности самостоятельного кормления своих детей и особенно общее стремление обоих родителей проводить большее время с малышами, приобретает довольно широкое распространение на волне общественного подъема 60-х гг. XIX в. В эти же годы впервые типологически видными становятся те две группы «новых» родителей, которые к концу изучаемого периода станут составлять основу будущего старшего поколения дворянства. Речь, таким образом, пойдет о «новых идейных» и «новых практических» родителях [3; 4; 5].

Главной характерной чертой «новых идейных» родителей, несомненно, связанной с влиянием «передовых, демократических» идей, было переосмысление ими своей роли как в процессе воспитания детей, так и в постановке его целей и задач. Прежде всего, они считали совершенно недостаточным ограничить свою «заботу» о детях подбором кормилиц и нянек. Такой традиционной модели «новые идейные» родители противопоставляли активное *личное* участие в воспитании и образовании детей, даже маленьких. Для матерей из группы «новых идейных родителей» это означало, прежде всего, самостоятельное кормление младенцев при отсутствии медицинских противопоказаний [28, с. 257]. Для обоих родителей – значительно более частое, чем ранее, посещение детской, знакомство со специализированной литературой о воспитании, растущий контроль над деятельностью нянь и кормилиц. По мере того, как увеличивалась пропасть между книжным знанием матери и опытом няни, детская все чаще становилась местом домашних битв и скандалов.

Вот как, например, производился в 1880-е гг. уход за младенцами в семье Половцовых. Несмотря на то, что к родившемуся сыну взяли няню, родители постоянно проводили с ребенком, а затем и с последующими новорожденными детьми несколько часов в день, сами по очереди пеленали и купали их. Ежедневно отцом или матерью записывались все данные о весе младенца, количестве съеденного им, характере стула и т. д. Информация раз в неделю сообщалась женщине-врачу, которая постоянно требовала от роди-

телей вести тщательный надзор за няней, чтобы она ни в коем случае не отходила от ее рекомендаций. Интересно, что в своем дневнике бабушка этих детей отмечала, что, хотя «ныне» большая часть родителей «много» или «больше» внимания обращают на своих детей, чем это было в 50-60-е гг., но даже на этом фоне ее внуки окружены просто образцовой заботой. Ведь состоящая при них няня, несмотря на то, что «женщина простая, слегка грамотная, но умная по природе, ведет дело свое очень хорошо ... и что заведено раз родителями идет своим чередом» [18. Д. 1195. Л. 75].

Отсутствие скандалов в детской гарантировалось новым подходом к подбору нянь, особенно широко нашедшим свое применение среди обеспеченных дворянских семей начала XX в. Их стали набирать не из умудренных собственным богатым опытом матерей семейства, а из молодых девушек, закончивших специализированные учебные заведения или уже прошедших необходимую «школу» в других семействах. Такие няни привыкали работать под руководством врачей, знали основные требования, выдвигаемые медиками, готовы были сразу признать себя в семье на «вторых ролях» и уступить матери первенствующее положение в детской. Правда, будучи специалистками «узкого профиля», они не соглашались выполнять какую-либо еще работу по дому, да и услуги их стояли достаточно дорого (10–12 руб. в месяц) [25].

Вопрос о кормлении детей в семьях «новых идейных родителей» решался, исходя исключительно из состояния здоровья матери. Так, Е. Половцова прокормила своего первого ребенка лишь месяц, в дальнейшем врачи посчитали, что она слишком слаба для этого, и с очень тщательным подбором была взята кормилица. Однако мать сильно переживала, что сын из-за этого «отошел» от нее и писала мужу в Петербург «горькие» письма: «А знаешь больше всего, чем я огорчаюсь? Тем, что Боря совсем не мой, я мучаюсь Толя. Мне все обидно, чтобы мамка не делала, я всё-всё исполняла бы сама с наслаждением. Я ужасно этим мучаюсь Толя» [18. Д. 58. Л. 95].

По совету врачей и педагогов с рождением ребенка многие «новые идейные» родители заводили для него специальный дневник. В него записывали данные о здоровье, уходе, первые проявления осмысленного поведения с их четкой датировкой. Например, какие звуки произносит, когда сел, пошел, первые слова и т. д. Любое отклонение от нормы становилось предметом особого изучения и вызывало стремление немедленно обратиться к специалисту [10. Д. 8–14].

Принципиально из других посылок выводилось изменение взгляда на свое участие в жизни детей у «новых практических» родителей. Эта выделенная нами категория заявила о себе в 60-е гг.

XIX в., а к началу XX в. именно такая форма участия родителей в жизни детей приобрела наибольшее распространение. Главным двигателем, заставлявшим их вносить коррективы в отлаженный традиционный механизм, было отсутствие средств. Причем количество принятых во многом вынужденных нововведений определялось уровнем материальных трудностей семьи. Соответственно, чем более нуждалась дворянская семья (речь идет не о маргинализированных элементах, а о тех, кто пытался по мере возможности сохранить некую видимость достойного положения), тем больше менялся характер взаимоотношений родителей и детей.

Малыши и в данных семействах, как и ранее, оказывались на попечении крестьянских нянек, что было связано не только с его привычностью, но и дешевизной. Вместе с тем в целях «экономии» нанятая к ребенку прислуга должна была «заодно» выполнять и другую домашнюю работу. Это, с одной стороны, снижало эффективность «присмотра», а с другой – вынуждало мать (а в некоторых семьях и отца) «подменять» няню, самой занимаясь с малышами. Например, именно такая сменная система, когда родители «брали на себя ночь» (чтобы няня имела возможность отдохнуть), а мать – еще и часть дня, так как няня-прислуга «уж очень медленно другие дела исполняет», сложилась в семье будущего известного историка А.Е. Преснякова [21, с. 231].

Молодая вдова Софья Яфа, жившая во второй половине 1870-х гг. с единственной дочерью в Царском Селе, в доме своей матери, целиком посвятила себя заботам о ребенке, которого воспитывала в «английском стиле». Они спали в одной комнате, мать сама укладывала и поднимала малышку, ежедневно купала и выводила девочку на прогулки и вообще строго следовала рекомендациям дворцового доктора: «возможно больше времени проводить на воздухе, не кутать, не бояться дурной погоды, разнообразить пищу и т. д.». Имевшаяся в семье прислуга (горничная и кухарка) привлекались к участию в заботе о девочке в крайнем случае. Так, например, обязанностью кухарки было приносить ребенка из кухни, где ее купали, в спальню перед сном [17. Д. 313. Л. 15–47 об.].

Отцы-дворяне (в полных семьях), как правило, поддерживали экономически выгодное для семьи участие их жен в уходе за малышами, нередко похваляясь «великим самоотвержением» и «невыразимым самоотречением», с которым дворянки выносили несколько «томительных, скучных, однообразных лет кормления, качания, обтирания, купания, одевания!...» [19. Д. 71 а. Л. 3].

Как и попытки вмешательства в дела «опытных» нянь, надежды обойтись одной прислугой, на которую хотелось перекинуть не только заботу об уходе за младенцами, но и другие работы, часто обо-

рачивались «домашней войной». В результате нередко вызревало решение свести до минимума использование наемной рабочей силы и передать все домашнее хозяйство жене. Подобная история предстает перед нами со страниц дневника неизвестного чиновника (предположительно П. Вишневого). Этот источник особенно интересен тем, что дает нам возможность оценить представление мужа о степени тяжести выполняемой женой работы по дому и по уходу за маленькими детьми. Семья в составе двух родителей, двух маленьких детей – четырех и двух лет – и одного новорожденного младенца проживала в отдельной части большого дома и имела в своем распоряжении шестикомнатную квартиру. Женщина сама занималась уходом за детьми, а все прочие домашние работы были переданы «одной» прислуге и поденщице. Однако отношения хозяев и «наемной» никак не складывались – прислуга менялась практически ежемесячно. Наконец муж принял решение кардинально изменить схему распределения домашних обязанностей. К пятимесячной девочке была нанята няня, а все остальное было поручено жене. На нее же была возложена и так называемая «грязная» работа: «дрова, помои, мытье полов и пр.», за исключение лишь стирки, что должна была делать прачка. За счет этого предполагалось «выгадать» 10–12 р. в месяц и к тому же избавиться от «ежедневных мелочных дряг из-за лени, пьянства, неаккуратности, грубости и прочих прелестей и атрибутов современной городской прислуги». Однако уже через месяц после перехода к новому распределению труда в семье разыгралась трагедия – умерла младшая, полугодовалая дочь чиновника. Отец сразу же обвинил во всем происшедшем жену, передавшую уход за ребенком няне, хотя она «вполне» могла это делать сама: «Если бы за Евфалией ухаживала сама мать, и с ... заботливой предусмотрительностью, руководствуясь в своих действиях указаниями и советами знающего и понимающего отца, то быть бы Евфалии и сейчас на белом свете... А то огрубевшая и измельчавшая в домашних дрягах мать возмечтавшая о себе, что она во всем гораздо больше мужа знает и понимает – и вот ей доказательство!... Первые два ребенка рождены гораздо слабее умершей Евфалии, также были опасно больны, и жизнь их висела вообще на тонком волоске, и все-таки они живы и здравствуют... Ну, если жена уверена, что она умнее и опытнее мужа, то пусть и живет своим умом. А мне после того нет дела ни до нее, ни до детей ее...» [19. Д. 71 а. Л. 9 об.–11 об.].

Вторая половина XIX в. ознаменовалась значительно большим, чем ранее, распространением медицинской помощи и медицинских знаний. Не только в крупных городах, но и в большей части Европейской России дворяне-родители получили возможность вызвать в

случае необходимости к своему ребенку врача-специалиста. Конечно, скорость появления его у кровати больного младенца могла быть совершенно различной – от нескольких минут до нескольких дней, но сам факт формирования привычки обращаться к врачу, советоваться с ним о состоянии ребенка и правилах ухода за ним становится новым характерным атрибутом пореформенной России.

К концу XIX в. среди отечественных врачей окончательно утвердился европейский подход к уходу за младенцами, который они активно пропагандировали среди дворян-родителей. Он предполагал сон в прохладной, хорошо проветренной спальне, отказ от портьер и вообще от всего «лишнего, где могла бы собираться пыль». Для одежды младенца рекомендовались короткая бумажная рубашечка, сложенная треугольником пеленка между ножек, большая теплая пеленка, в которую заворачивалось все тело, кроме ручек и шерстяная кофточка. К году этот костюм должен был быть заменен штанишками и платицем. Дополняли обязательный перечень процедур ежедневные прогулки и купания, а также уход за кожей с помощью специальных масел и присыпок [24, с. 43–47].

Сама по себе доступность медицинской помощи еще не гарантировала полностью выздоровление заболевшего ребенка и серьезное сокращение детской смертности. Это было связано как с сохранением большого числа детских болезней, таких как скарлатина, дифтерит и т. д., для лечения которых врачи еще не имели достаточного инструментария, так и с простым незнанием или непониманием специфики возраста раннего детства.

К сожалению, за доказательствами последнего утверждения далеко ходить не надо, подобными фактами переполнены дворянские дневники и мемуары. Так, один из сыновей уже упомянутой семьи Второвых умер от «заворота кишок» в результате того, что младенцу для борьбы с кашлем было прописано малиновое варенье. Характерно, что в своем дневнике отец берет всю ответственность на себя – он не понял доктора и вместо чайной ложки «лекарства» дал ребенку столовую [17. Д. 84]. А в семье детского врача и педагога Я.М. Симонович одна из дочерей в двухмесячном возрасте заболела «черной» оспой, полученной через термометр. Отец дал его оспенному больному, после чего «градусник» (без дезинфекции!) продолжал использоваться в семье около двух лет, пока не передал свою инфекцию еще не привитому младенцу [14, с. 60].

Развитие медицинских знаний и деятельность врачей сыграли свою роль в массовом отказе дворянок от труда кормилиц, произошедшем в последней трети XIX – начале XX в. В эти годы в российском обществе широко обсуждалась «эпидемия» сифилиса,

охватившая русскую деревню [26; 27]. Считалось, что взять кормилицу для ребенка без опасности заразить его можно, лишь обратившись в специализированные приюты, где только что родившие женщины, желавшие идти работать в другие семьи, предварительно тщательно проверялись. Вариант с переходом «здоровых» кормилиц из семьи в семью перестал рассматриваться после того, как врачам, а за ними и их пациенткам стал известен факт возможности заражения больным ребенком здоровой женщины, причем довольно длительный инкубационный период делал невозможным распознать заражение на ранних стадиях [12; 15].

Однако условия, устанавливаемые администрацией этих учреждений, оказывались неприемлемыми для небогатых дворянских семей. Например, приют акушерки Хрущевой требовал для своих кормилиц 8 р. в месяц жалования и гардероб (сарафанов, рубашек, юбок, чулок, передников, платков носовых, простыней, наволочек и полотенец – по 6; по одному – матрацу, подушке, одеялу, сундуку, большому байковому платку и шубе, а также сапог, «сколько носить»). По окончании же служения кормилице полагалось выдать «на выход» еще 25 р. [10. Д. 11. Л. 147]. Добавим к этому 30–50 р., шедшие на оплату труда акушерки или врача [10. Д. 9. Л. 155], а также средства, которые надо было отложить на случай возможной болезни ребенка, а также на «обзаведение» для него. Конечно, на новые вещи для дворянских детей тратились достаточно редко. Как правило, коляску, кровать и большую часть одежды передавали младшим от старших, при рождении же первого ребенка собирали по родственникам [10. Д. 11. Л. 14]. В любом случае при гигантских расходах в связи с рождением дворянского ребенка «хорошую» кормилицу могли «поднять» только очень состоятельные семьи, а «любую» заводить боялись.

«Новые практические» родители с конца 70-х гг. вынуждены были в основном отказаться от найма этой прислуги исключительно из финансовых соображений. К услугам кормилицы зачастую не обращались даже тогда, когда мать по состоянию здоровья не имела возможности кормить ребенка. В этом случае практиковалось искусственное вскармливание стерилизованным коровьим молоком, а с 90-х гг. XIX в. «смесью доктора Нестле».

В конце XIX в. сухие готовые смеси из разных видов каш, требовавшие разведения в специальных аппаратах для стерилизации – неотъемлемый атрибут интеллигентной, мало-мальски обеспеченной семьи, воспитывавшей младенца. Отечественной статистики «искусственников» в дореволюционной России не вели, но активно использовали данные французских специалистов. Так, исследование французской академии за 1902 г. показало, что «65 % матерей

не в состоянии кормить своих детей, а из оставшегося числа (35 %) только 65 % (т. е. неполных 23 на 100) матерей могут кормить грудью до 6-ти месяцев» [9, с. 13]. Даже если признать эти данные завышенными для слабоурбанизированной России, все равно невозможно не увидеть наличие подобной проблемы, особенно среди дворянских слоев. Изучение дневников и мемуаров дворянок рисует в целом схожую картину. Из числа всех своих детей мать вскармливала полный цикл одного-двух, а оставшихся либо кормили грудью не более шести месяцев, или сразу переводили на искусственное кормление. Наконец, даже если своего молока было вполне достаточно, считалось «передовым» и «современным» давать ребенку с четырех- пятимесячного возраста в качестве прикорма специально приготовленные на стерилизационном аппарате смеси. Описание способа работы подобного устройства мы находим в переписке А.Е. Преснякова: «Путика начали прикармливать смесью молока с овсяным наваром, который стерилизуется в особом аппарате. Аппарат мы купили нового устройства. Это род самоварчика, который герметически закупоривается водой. Он эмалированный и очень удобен...» [21, с. 228].

Значительной популярностью пользовался также и аппарат проф. Сокслета, состоящий из «жестяного котла с металлическим кругом посередине, в который вставлено несколько бутылок, герметически закрытых резиновыми крышками. Бутылки наполняют определенным количеством молока, и котел с небольшим количеством воды ставится на огонь, где после того, как вода начинает кипеть, котел оставляют еще около 10 минут. Тогда бутылки вынимаются из котла, быстро остуживаются и кладут на лед...» [24, с. 41].

Широкое распространение искусственного вскармливания не могло не отразиться на состоянии здоровья дворянских детей. Врачи постоянно обращали внимание на то, что «всего больше умирают дети от желудочных заболеваний, являющихся прежде всего следствием искусственного питания» [24, с. 18]. Борьба «с животом», болезненность и «рахитичность» младенцев – главная тема обсуждения в «эго-документах» членов дворянских семей и специализированной публицистики конца XIX – начале XX в. Попытки «оздоровления» детей привели иностранных медиков, а за ними и часть отечественных специалистов, преимущественно деятелей Воспитательных домов, где искусственное вскармливание было основным, к идее «реабилитации козы». В начале нового столетия в Петербурге появилась частная ферма, в которой по рецепту врача и только больным детям выдавали в рожке парное некипяченое козье молоко [9, с. 5]. Жители же провинции пошли еще дальше, для некоторых из них работы врачей о «близости» козьего молока к жен-

скому стали руководством к действию. Много шума наделал доклад офицера-воспитателя Орловского-Бахтинского кадетского корпуса капитана В.Н. Лайминга, в котором он делился успешным опытом «непосредственного вскармливания козой» своего грудного ребенка. В тексте подробно излагалась вся процедура: от выбора козы до организации кормления («Для кормления коза ставилась на столик высотой 3/4 аршина, между ногами ее помещалась подушка на которую клали ребенка...», и т. д.). Интересно, что, выдвигая аргументы именно такого способа вскармливания и указывая на необходимость предоставления ребенку здорового питания, несмотря на проблемы с материнским здоровьем, офицер в заключение подчеркнул: «Правда, коза требует внимательного за нею ухода, но разве возня с деспотом-мамкою меньше? Содержание же последней несравненно дороже содержания козы» [13, с. 7, 10].

Таким образом, в первые годы XX столетия в дворянских семьях окончательно сложилась новая норма взаимоотношений родителей с маленькими детьми. Ребенок с самого рождения оказывался под усиленным надзором матери, которая либо сама кормила его, либо осуществляла искусственное вскармливание. Она же принимала активное участие в уходе за ним в младенчестве и в раннем детстве. Родительские же функции отца завесили от того, о какой типологической группе идет речь. В довольно редко встречающихся «новых идейных» семьях отцы стремились участвовать в жизни младенца, с удовольствием беря на себя часть функций по уходу. Но в подавляющей массе дворянских семей, принадлежащих к группе «новых практических», отцовское участие определялось преимущественно заработком средств, необходимых для финансирования потребностей детей.

Список литературы

1. Белова А.В. Повседневная жизнь провинциальной дворянки Центральной России (XVIII – середина XIX в.): дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2009.
2. Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: Антропология женской дворянской повседневности в России XVIII – середины XIX в. – СПб., 2009.
3. Веремеенко В.А. Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX – начало XX в.). – 2-е изд. – СПб., 2009.
4. Веремеенко В.А. Любовь, брак и родительство в дворянских семьях России во второй половине XIX в. (по дневникам Половцовых-Кравченко) // Модернизация в России: история, политика, образование: мат. Всерос. науч. конф. СПб., 5 апр. 2011 г. Вып. 4 / отв. ред. В.А. Веремеенко. – СПб., 2011. – С. 62–70.
5. Веремеенко В.А. Организация акушерской помощи дворянкам в России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та имени А.С. Пушкина. – 2011. – Т. 4. История. – № 3. – С. 138–145.
6. Веремеенко В.А. Родительский дневник как элемент новой системы дворянского семейного воспитания в России во второй половине XIX – начале XX в. (на примере дневника Е.С. Зарудной-Кавос) // Воспитание: возможности,

реалии, перспективы: мат. науч.-практ. конф. / отв. ред. Н.В. Поликутина. – Бокситогорск, 2012. – С. 44–48.

7. Водовозова Е.Н. На заре жизни. Т. 1. – М., 1964.
8. Водовозова Е.Н. Умственное и нравственное развитие детей от первого проявления сознания до школьного возраста: кн. для воспитателей. – СПб., 1891.
9. Жук В.Н. Козье молоко для детей и больных. Коза-кормилица. – СПб., 1909.
10. Институт русской литературы (ИРЛИ РАН) (Пушкинский дом). Ф. 445. – Е.С. Зарудная-Кавос.
11. Карамзин Н.М. Рыцарь нашего времени // Русская литература XVIII века. II / сост., коммент. А.Р. Курилкина, М.Л. Майофис; предисл. А.Л. Зорина. – М., 2004.
12. Кормилицы и сифилис. Из лекции профессора Fournier. Пер. Н. Константинова (из журн. «Междунар. клиника»). – СПб., 1887.
13. Лайминг В.Н. Коза в роли непосредственной кормилицы моего грудного ребенка. – Орел, 1911.
14. Львова М.Я. Некоторые случаи из жизни нашей семьи // М.А. Львова (Симонович) Хочу умереть в России: воспоминания, дневники, переписка. – М., 2010.
15. Мать-кормилица. – СПб., 1901.
16. Муромцева-Бунина В. Жизнь Бунина (1870–1906 гг.) // Записки очевидца. Воспоминания, дневники. – М., 1991.
17. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 163 – Второвы.
18. ОР РНБ. Ф. 601 – Половцовы.
19. ОР РНБ. Ф. 1362 – Лазаревский В.М.
20. Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. Мир русской женщины: воспитание, образование, судьба. XVIII – начало XX века. – 2-е изд. – М., 2008.
21. Пресняков Александр Евгеньевич. Дневники, письма. 1889–1927. – СПб., 2005.
22. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1412.
23. Солодянкина О.Ю. Гигиенические практики и физические упражнения детей российских дворян: воздействие иностранных воспитателей // Повседневная жизнь и общественное сознание в России XIX–XX вв.: материалы междунар. науч. конф. 14–16 марта 2012 г. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова; отв. ред. В.А. Веремченко. – СПб., 2012. – С. 170–175.
24. Уход за грудными детьми. – Рига, 1913.
25. Школа нянь. – СПб., 1896.
26. Энгелстейн (Энгельштейн) Л. Нравственность и деревянная ложка: сифилис, секс и общество глазами российских врачей (1890–1905) // Американская русистика. Вехи истории последних лет. Императорский период. Антология. – Самара, 2000.
27. Энгельштейн Л. Ключи счастья: Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX–XX веков. – М., 1996.
28. Юнге Е. Из моих воспоминаний // Вестн. Европы. – 1905. – № 5.

ИСТОРИЯ ПАРТИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

УДК 94(47)"18"

Д. И. Стогов

Кружок А. А. Римского-Корсакова и его влияние на внутреннюю политику Николая II

В статье рассматривается деятельность крупнейшей неформальной правой политической организации царской России периода Первой мировой войны – кружка сенатора А.А. Римского-Корсакова. Особое место уделено социальному составу, вопросу организации собраний, кругу рассматривавшихся на собраниях вопросов. Делается вывод о степени влияния кружка А.А. Римского-Корсакова на внутреннюю политику Николая II.

The article is devoted to activity of the largest informal right-monarchist organizations in Tsarist Russia – the group of the senator A.A. Rimsky-Korsakov. Considerable place is spared to social gradation, organization of meetings, the range of questions, that were exposed. The author concludes about the degree of A.A. Rimsky-Korsakov group's influence to the internal politics of Nikolas II.

Ключевые слова: Российская империя, Первая мировая война, правые, правомонархический салон, Государственный совет, Государственная дума, Совет министров, Русское собрание, Союз русского народа.

Key words: Russian Empire, the First World War, rights, right-monarchist saloons, State Council, State Douma, Council of Ministers, Russian Community, Union of the Russian Folk.

Правоконсервативные (монархические, черносотенные) круги пытались оказать влияние на политику Российской империи не только через официальные организации, но и через неформальные связи и неформальные структуры, так называемые политические салоны и кружки [26].

Понятие «салон» французского происхождения, берущее свое начало со второй половины XVIII столетия. Согласно Большой советской энциклопедии это «светский политический, литературно-художественный кружок, состоящий из избранных лиц...» [3, с. 625]. Сыграв огромную, в том числе и политическую, роль в истории Франции, салоны с конца XVIII в. стали появляться и в России. Однако вплоть до конца XIX в. они были по преимуществу либеральными или, в крайнем случае, умеренно-консервативными.

Только в связи с ростом национального самосознания русского народа и со становлением правой идеологии в России к концу XIX столетия появляются собственно правомонархические салоны. Многие из них вышли из литературных кружков. Как правило, на таких «литературных» вечерах обсуждались как проблемы литературы, так и политики.

В Петербурге-Петрограде начала XX в. существовало довольно много правомонархических салонов. Наиболее крупные из них – салон издателя газеты «Гражданин» князя В.П. Мещерского, салон генерала от инфантерии Е.В. Богдановича, салон графини С.С. Игнатъевой. В годы Первой мировой войны ведущую роль играл кружок сенатора А.А. Римского-Корсакова и органично связанный с ним салон Б.В. Штюрмера, деятельность которых мы рассмотрим в данной статье.

Александр Александрович Римский-Корсаков (17 июля 1849 г. – 13 (26) сентября 1922 г.), дворянин Тверской губернии, представитель старинного дворянского рода, крупный помещик, был одним из основателей, руководителей и активных участников крупнейшей правомонархической организации – Союза русского народа (СРН).

В 1871 г. А.А. Римский-Корсаков окончил юридический факультет Московского университета. В течение многих лет он служил на разных государственных должностях. В самый разгар революции 1905–1907 гг., 5 октября 1905 г., Римский-Корсаков занял должность ярославского губернатора [27, с. 1]. В 1909 г. за свои крайне правые убеждения он был смещен П.А. Столыпиным с поста губернатора и назначен сенатором, присутствующим в первом общем собрании. Также Римский-Корсаков состоял шталмейстером Императорского Двора, а с 1915 г. – членом правой группы Государственного совета (ГС).

Деятельность Римского-Корсакова не ограничивалась государственной службой и почетными должностями. Он зарекомендовал себя как один из организаторов черносотенного движения. Так, Римский-Корсаков состоял в Русском собрании (РС) и в его Совете (с 11 марта 1912 г.). С 12 сентября 1913 г. он стал одним из ведущих докладчиками по пятницам. После того как в январе 1914 г. РС фактически превратилось в академический кружок, Римский-Корсаков осудил отказ РС от решения политических задач и в 1915 г. из состава Совета вышел.

В 1909–1910 гг. Римский-Корсаков состоял товарищем (заместителем) председателя Главного совета СРН. Во время раскола в Союзе он занял критическую по отношению к руководителю этой организации А.И. Дубровину позицию. Приняв сторону Н. Е. Маркова, ставшего главой «обновленческого» СРН, он своим авторитетом

немало способствовал победе этой группы и изгнанию из Главного совета сторонников Дубровина.

Когда в 1914 г. лидеры крупнейших правых столичных салонов В.П. Мещерский и Е.В. Богданович скончались, на обломках рухнувших салонов этих политических деятелей возникло большое количество новых. Одним из них стал кружок А.А. Римского-Корсакова, который, согласно большинству мемуарных свидетельств, возник летом-осенью 1915 г., когда обострилась внешнеполитическая и внутривластная обстановка. В том или ином виде кружок существовал до февраля 1917 г. Его участники собирались на петроградской квартире Римского-Корсакова [4, с. 579].

По количеству посетителей кружок был небольшим и серьезно уступал своим предшественникам – салонам В.П. Мещерского и Е.В. Богдановича. В 1915 г. в него входили, кроме сенаторов и членов Государственной думы Н.Е. Маркова и Г.Г. Замысловского, член ГС В.Ф. Дейтрих, а также товарищ председателя «обновленческого» СРН В.П. Соколов, товарищ министра внутренних дел С.П. Белецкий. В 1916 г. главную роль в кружке играли бывший министр внутренних дел А. А. Макаров, Н.К. Кульчицкий, бывший обер-прокурор Св. Синода А. А. Ширинский-Шихматов, занимавший «очень центральное положение» [6, с. 89], член ГС, впоследствии председатель Совета Министров Н.Д. Голицын, известный дворянский деятель Н.А. Павлов, генерал М.М. Бородкин. По словам одного из близких к кружку чиновников Н.А. Маклакова, из-за участия Павлова в работе кружка «дело не пошло». Анализ состава участников кружка позволяет сделать вывод, что в нем преобладали представители правой группы ГС, а также соратники А.А. Римского-Корсакова по Главному совету «обновленческого» СРН.

О работе этого салона мы знаем главным образом из обстоятельных допросов и показаний бывшего директора Департамента полиции Министерства внутренних дел С.П. Белецкого в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства (ЧСК). По его словам, на заседаниях кружка происходил «обмен взглядами» по вопросам внутренней политики, собирался «материал для предстоящего съезда монархистов в Петрограде и для Всероссийского дворянского собрания». Кружок был небольшим [17, с. 278, 382].

Кружок Римского-Корсакова работал в условиях практически полной конспирации, и сведения о нем доходили до деятелей либеральной оппозиции в основном в виде слухов. Так, в 1917 г. лидер кадетов П.Н. Милюков в своих показаниях ЧСК сказал, что ему ничего конкретно не известно о его существовании («какие-то слухи были, но сейчас я не припомню») [18, с. 359]. ЧСК Временного

правительства допросила, среди прочих, председателя Четвертой Государственной думы М.В. Родзянко. Ему был задан вопрос, знает ли он что-нибудь об усилении кружка Римского-Корсакова в конце 1916 – начале 1917 г. Родзянко заявил, что ничего не ведал об этом, хотя минутой позже утверждал, что «теоретически» знал о существовании салона [19, с. 150].

Подобно своим предшественникам (салонам Богдановича и В.П. Мещерского) кружок Римского-Корсакова получал финансовые субсидии со стороны правительства. Последний царский министр внутренних дел А.Д. Протопопов не скрывал факт материальной поддержки своим ведомством кружков правой ориентации, в частности, группы Римского-Корсакова. Министр считал, что «если будет несколько побольше телеграмм в газетах, побольше правых строк, правизна поддержит». Однако Протопопов не придавал, по его собственным словам, какого-нибудь серьезного значения этим салонам [8, с. 291].

Активизация кружка Римского-Корсакова в 1916 г. связана с тем, что в январе этого года Б.В. Штюрмер, организатор еще одного крупного петербургского салона, был назначен председателем Совета министров. Теперь кружок Римского-Корсакова вобрал в себя почти всех членов штюрмеровского салона. Участники кружка занимались обменом мнениями по вопросам внутренней политики и составлением в конечном счете «всепогоднейшей записки» с оценкой событий и рекомендациями.

Правительственная политика Штюрмера, направленная против оппозиции, с точки зрения крайне правых не была достаточно эффективной. Уже в марте 1916 г. в кружке Римского-Корсакова, по сообщениям прессы, была выработана записка, критиковавшая правительство за его нерешительность [22]. В документе выдвигалось требование реорганизации кабинета. Согласно газетным публикациям, наибольшее рвение в составлении записки, которую предполагалось представить в «высшие сферы» через Штюрмера, принимал Н.А. Маклаков [22], который в показаниях ЧСК, однако, опровергал этот факт. Участие Маклакова в подготовке «Записки», по справедливому мнению В.С. Дякина, «подтверждается активностью Н. Маклакова в Царском Селе, о чем свидетельствуют письма Александры Николаю» [9, с. 183]. Известно также, что Маклаков настаивал на удалении из Совета министров военного министра генерала А. А. Поливанова, а когда тот был отправлен в отставку, он заявил императрице, что «ему хотелось бы удаления еще кое-кого» [14, с. 140, 156]. В.С. Дякин полагал, что имелся в виду министр просвещения П.Н. Игнатъев, которого резко критиковали практически все правые [9, с. 184]. Либеральная оппозиция связывала с требо-

ванием правого кружка о реорганизации кабинета также назначение 25 марта 1916 г. товарищем министра внутренних дел графа А.А. Бобринского. Его согласие занять «слишком незначительный» пост связывалось с планами дальнейших перемен в правительстве [23].

Кроме кадровых вопросов, скорее всего, в салоне активно обсуждался вопрос о необходимости роспуска Государственной думы. 6 марта 1916 г. в газете «Биржевые ведомости» появилась статья «Совещание правых о Государственной думе». В ней сообщалось о том, что под председательством Римского-Корсакова проходило совещание, на которое было вынесено решение добиваться роспуска Думы после принятия ею бюджета и собрать в Москве новый съезд правых на «изысканные» Римским-Корсаковым средства, однако Римский-Корсаков опроверг эту информацию [16, с. 3].

После анализа этих сообщений из различных источников возникает вопрос о степени влияния кружка А.А. Римского-Корсакова на внутреннюю политику императорской России. Рассмотрим вначале оценку этого влияния современниками. Так, по вполне понятным причинам, участники кружка, допрошенные ЧСК, старались всячески принизить его политический вес. В частности, этой теме достаточно подробно касался осведомленный С.П. Белецкий, утверждавший, что влияние кружка на политику Николая II было незначительным [17, с. 460].

А.Д. Протопопов в показаниях ЧСК также заявлял о кружке Римского-Корсакова и обо всех правых кружках, как о «не имевших силы»: «Они, как говорил Марков 2-й, прозябали» [8, с. 291]. Аналогичного мнения придерживался другой участник салона, Н.А. Маклаков: «В сущности, это была, как бы, нансеновская экспедиция. Это были просто последние могикане, которые отводили душу. Серьезного ничего не было и не могло быть. <...> И когда шел вопрос о том, чтобы выработать записку, я сказал, что это с моей точки зрения так же бесполезно, как черпать воду решетом. Так что я сюда ни надежд не вкладывал, ничего» [6, с. 89].

Бывший министр юстиции И.Г. Щегловитов также поддерживал мнение о слабой степени влияния салона. Вот что он заявил ЧСК по этому поводу: «Я знал, что у Римского-Корсакова собираются, но никогда, собственно, толком не мог себе выяснить. И, спрашивая отдельных лиц – на чем, собственно говоря, остановились, получал ответ: толковали и разошлись, не придя ни к какому выводу. <...> Римский-Корсаков <...> всем недоволен, все осуждает, а в конце концов никакой сколько-нибудь приемлемой программы не имеет... Поэтому я и сказал, что он второстепенную роль играл <...>» [8, с. 426–429]. И. Г. Щегловитов, однако, не отрицал того, что Нико-

лай II передал ему записку, кого из членов ГС необходимо устранить. Бывший министр утверждал, что мнение об усилении правого крыла ГС на несколько человек развивалось задолго до 1 января 1917 г., и даже «постоянно правая группа на этом вопросе останавливалась, считая, что иначе она никакой роли не играла» [8, с. 426–429].

Вот что сказал на допросе в ЧСК о влиянии и авторитете кружка Римского-Корсакова другой его участник, Н.А. Маклаков: «Вообще, в правой группе Римский-Корсаков пользовался общим большим расположением, как безыскусственный, прямой человек» [7, с. 290]. О реакции органов власти на «Записки», в частности А.Д. Протопопова, Маклаков сообщил ЧСК следующее: «О Протопопове одно могу сказать, что про эту записку он ничего не знает, я думаю, если государь не показывал. Бывало так: он несколько раз переваривал записку и просил дать заключение о том, что писалось. К Римскому-Корсакову он относился очень хорошо. <...> С Протопоповым мы по этому поводу ничего не говорили, кроме того, что я говорил про роспуск; когда он состоялся, я не верил; по-моему, нет сейчас ничего хуже вот таких роспусков» [7, с. 290–291].

Вполне естественно, что либеральные и левые публицисты в своих произведениях стремились показать деятельность правых кружков в неприглядном свете, пустить неправдоподобные слухи. Но в то же время они обычно старались преувеличить их влияние, муссируя пресловутый вопрос о «камарилье», о «сговоре» императора с «черносотенцами» и т. д. К примеру, Л.М. Клячко (Львов) писал в своих «Повестях прошлого» буквально следующее: «...В специально нанятой Белецким конспиративной квартире стали устраиваться попойки. Квартира эта, снятая Белецким, оплачивалась за счет секретного фонда и была обставлена надлежащим образом. В качестве “хозяина” туда был поселен женатый филер. Здесь собиралась вся компания: Распутин, Штюрмер, Хвостов, Белецкий» [10, с. 63].

Слухи о составлении в правых кругах различного рода «записок» в том или ином виде просачивались на страницы периодической печати либерального и левого направления. Вот что писала газета «Речь» 24 декабря 1916 г.: «Густой зимний туман по-прежнему стелется над всей областью нашей внутренней политики. За дни, протекшие с роспуска Думы, этот туман не только не рассеялся, но стал еще более непроницаемым, еще более загадочным». «Крайне правые из стана Маркова 2-го» разрабатывали разные проекты. Первый – для выхода из настоящего положения достаточно восстановить твердыню реакции, которую до последней сессии представлял ГС. Второй – более радикальный проект, отраженный в

газете «Земщина», предусматривал «обрушиться на Государственную думу». Но, ссылаясь на профессора Д.И. Иловайского, сторонники данного проекта заявляли, что «с Государственной думой, при тех законодательных правах, какими она пользуется по закону, сделать вообще ничего нельзя» [15, с. 3].

Итак, мы привели ряд мемуарных свидетельств, связанных с разработкой «Записок» в кружке А.А. Римского-Корсакова. Отметим особо, что до сих пор оригиналы этих документов историками не найдены. Известно, что опубликованная А.А. Блоком «Записка» М.Я. Говорухо-Отрока, которую Б.В. Штюрмер должен был передать через князя Н.Д. Голицына императрице [2, с. 126–140], и опубликованная несколько позже так называемая «Сводка общих положений и пожеланий», составленная в кружке А.А. Римского-Корсакова и переданная министру внутренних дел А.Д. Протопопову [21, с. 242–244], не имеют соответствующих ссылок на архивные дела, откуда взят оригинал. Это обстоятельство затрудняет исследование «Записок». Их архивные оригиналы нам не известны.

Остается только гадать, какими источниками пользовались А.А. Блок и И. Тоболин при подготовке своих публикаций. Обращает на себя внимание также и тот факт, что книга А.А. Блока «Последние дни императорской власти» вышла в свет уже после его смерти (причем вскоре после смерти). Если не сохранились (или, по крайней мере, до сих пор не выявлены) оригиналы «Записок», то, возможно, в архивных фондах самого А.А. Блока (Ф. 55 Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ)), так и Ф. 654 Института русской литературы РАН (Пушкинский дом, ИРЛИ)) могут содержаться какие-то указания на то, где Блок нашел «Записку» кружка Римского-Корсакова. Историк П.Е. Щеголев, составитель семитомника «Падение царского режима», вышедшего в 1920-е гг., также вполне мог располагать какими-то сведениями об оригинале «Записок». Однако наше обращение к его архивному фонду (Ф. 627 ИРЛИ) не дало положительных результатов. Так что вопрос об оригинале «Записок» кружка А.А. Римского-Корсакова остается пока что не проясненным.

В историографии давались разные характеристики степени влияния программы кружка А.А. Римского-Корсакова на политику царя. Советские историки, как правило, расценивали ее как значительную. К примеру, М. Балабанов писал по этому поводу: «Нужно отдать справедливость стройности этой программы – авторы ее, во всяком случае, не были краснобоями, знали, что им нужно, и как к этому идти. <...> Само собой разумеется, что программа столь решительных действий не осталась гласом вопиющего в пустыне – за реализацию ее принялись энергично, и если не осуществили ее

полностью, то потому, что не успели, благодаря крайнему разложению самодержавия, оказавшегося неспособным не только для наступления, но и для обороны» [1, с. 188]. И вполне естественно, что с Февральским переворотом 1917 г. кружок Римского-Корсакова канул в лету.

Эмигрантские историки, наоборот, писали о незначительной степени влияния «Записок» на политику императора. Так, С.П. Мельгунов пришел к следующим вполне справедливым, на наш взгляд, выводам: «В конце 1916 года вопрос о снабжении войсковых частей пулеметами для подавления мятежа поднимала записка Римского-Корсакова, переданная министру внутренних дел. Сам Протопопов упоминает в показаниях о своем разговоре с Курловым, который считал целесообразным снабдить стражников пулеметами» [13, с. 133]. По словам эмигрантского историка, «вопрос о пулеметах действительно косвенно, как бы в частном порядке, по инициативе некоторых администраторов и советчиков со стороны поднимался в правительственных кругах», но так и не был положительно решен [13, с. 133].

В постсоветской историографии в последние годы также стало утверждаться мнение о слабом влиянии кружка А.А. Римского-Корсакова. Так, по вполне справедливому утверждению А.Д. Степанова относительно «Записок», составленных в кружке, «ни князь Голицын, ни Протопопов не сумели и не захотели воспользоваться <...> советами патриотов» [25, с. 618].

Историк С.В. Куликов, говоря о причинах провала «Записок» в «высших сферах», утверждает, что «программа А.А. Римского-Корсакова как экстремистская не встретила сочувствия у Николая» и что «в начале 1917 г. А.А. Римский-Корсаков являлся скорее политическим маргиналом, нежели сколько-нибудь влиятельной фигурой» [12, с. 358].

Вполне согласимся с утверждением исследователя о том, что Римский-Корсаков с его программой был политическим маргиналом. Таких, как он, было по всей стране совсем немного. Бюрократический аппарат Российской империи в подавляющем большинстве своем разделял идеи, совершенно далекие от монархизма. То же самое можно сказать и о генералитете русской армии [11]. И, видимо, царь в сложившейся ситуации был совершенно прав, когда, как свидетельствует А.Д. Протопопов, в начале 1917 г. сомневался «на счет крайне правой политики, вместит или не вместит ее страна» [7, с. 275]. Вместить эту политику страна в тот исторический период уже была, судя по всему, не способна, а то, что предпринимали А.А. Римский-Корсаков и другие правые, было, по сути дела, последней судорожной попыткой спасти монархию.

В заключение скажем несколько слов о дальнейшей судьбе Римского-Корсакова. После Февральского переворота он уехал в свое имение «Старый двор» в Витебской губернии, приветствовал генерала Л.Г. Корнилова и пытался оказать ему содействие. Был арестован, оказался за решеткой, но вскоре был освобожден. После октября 1917 г. переехал в Москву, где на своей квартире (на Спиридоновке) проводил собрания монархистов с целью «изыскания способов спасения царской семьи и развития возникших на юге белых движений» [20, с. 692]. В 1918 г. переехал в Ригу, участвовал, как и Н.Е. Марков, в попытке Н.Н. Юденича «идти на Петроград» [5, с. 73]. Активно работал в «Союзе верных» и входил в состав его руководящего органа – «Тайного верха». В 1920 г. переселился в Берлин, где играл видную роль среди русской монархической эмиграции. Являлся председателем Русского комитета в Берлине (с марта 1921 г.) и Русского общественного собрания в Берлине (с начала 1921 г.), а затем членом Совета объединенных русских организаций. В 1921 г. участвовал в Съезде хозяйственного восстановления России. В том же году (16 (29) мая – 23 мая (6 июня)) участвовал в Общероссийском монархическом съезде в Рейхенгале, в Германии (являлся сначала председателем съезда, а затем, уступив свое кресло А.Н. Крупенскому, стал первым из товарищей председателя съезда, входил в президиум съезда) [25, с. 619], где был создан Высший монархический совет во главе с Н.Е. Марковым. Римский-Корсаков руководил собранием на храмовом празднике монархистов в Берлине осенью 1921 г. Скончался 26 сентября 1922 г. в Берлине, погребен в Тегеле (Германия) [24, с. 5].

Список литературы

1. Балабанов М. Царская Россия XX века (накануне революции 1917 года). – Харьков, 1927.
2. Блок А.А. Последние дни императорской власти. – Пг., 1921.
3. Большая Советская энциклопедия. 2-е изд. – М., 1955. – Т. 37.
4. Весь Петроград на 1917 год. Адресная и справочная книга. – Пг., 1917.
5. Гражданов Ю. Д., Зимина В. Д. Союз орлов. Белое дело России и германская интервенция в 1917–1920 гг. – Волгоград, 1997.
6. Допрос Н. А. Маклакова // Падение царского режима. – М.; Л., 1925. – Т. 3.
7. Допрос Н. А. Маклакова // Падение царского режима. – М.; Л., 1926. – Т. 5.
8. Допрос А. Д. Протопопова // Падение царского режима. – М.; Л., 1925. – Т. 2.
9. Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. – Л., 1967.
10. Клячко (Львов) Л. Повести прошлого. Временщики конституции. Два премьеры. Еврейское счастье. – Л., 1929.

11. Кобылин В. С. Анатомия измены. Император Николай II и генерал-адъютант М. В. Алексеев. Истоки антимоноархического заговора / под ред. Л.Е. Болотина. 2-е изд. – СПб., 2005.
12. Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). – Рязань, 2004.
13. Мельгунов С. П. Мартовские дни 1917 года // Возрождение. – 1950. Сент.-окт. – Т. 11.
14. Переписка Николая и Александры Романовых. – М.; Л., 1926. – Т. 4.
15. Петроград, 24 декабря // Речь. 1916. – № 354 (3737). – 24 дек.
16. Письмо в редакцию газеты «Биржевые ведомости» // Земщина. 1916 г. № 2291 (60). – 6 марта.
17. Показания С. П. Белецкого // Падение царского режима. – М.; Л., 1925. – Т. 4.
18. Показания П. Н. Милюкова // Падение царского режима. – М.; Л., 1926. – Т. 6.
19. Показания М. В. Родзянко // Падение царского режима. – М.; Л., 1927. – Т. 7.
20. Правые партии. Документы и материалы. 1905–1917 гг. / под ред. Ю.И. Кирьянова: в 2 т. – М., 1998. – Т. 1.
21. Программа союза русского народа перед Февральской революцией / сост. И.Тоболин // Красный архив. – 1927. – Т. 1(20).
22. Речь. 1916. № 84. – 26 марта.
23. Речь. 1916 г. № 86, 89. – 28 и 31 марта.
24. Римский-Корсаков А. А. [Некролог] // Руль. – 1922. – № 5581.
25. Степанов А. Д. Римский-Корсаков А. А. // Святая Русь. Русский патриотизм: Больш. энцикл. рус. народа. – М., 2003.
26. Стогов Д. И. Правомонархические салоны Петербурга-Петрограда (конец XIX – начало XX в.). – СПб., 2007.
27. Характерная эволюция // Русское знамя. – 1909 г. – № 74. – 5 апр.

А. А. Смирнова

Участие социалистов во Временном правительстве и петроградские меньшевики в мае 1917 года

В статье рассмотрено участие социалистов во Временном правительстве, фокусируется внимание на попытках левых меньшевиков Петрограда в мае 1917 г. помешать этому опасному решению. Автор приходит к выводу, что участие социалистов во Временном правительстве было политической ошибкой.

The article, which is devoted in general the socialist 'participation in The Provisional Government 1917, focuses on the attempts of Petrograd left Mensheviks to impede this dangerous decision in May 1917. The author concludes that the socialists' participation in Provisional Government 1917 was political mistake.

Ключевые слова: революция, Временное правительство, Петроградский совет, социалисты, меньшевики, коалиция, раскол.

Key words: Revolution, The Provisional Government, The Petrograd Soviet socialist, Mensheviks, coalition, split.

Проблема участия социалистов во Временном правительстве России является одним из важнейших аспектов политической истории России 1917 г. В разное время эта проблема рассматривалась в работах П.В. Волобуева, В.И. Миллера, В.И. Старцева, С.В. Тютюкина, И.Х. Урилова, З. Галили, Л. Хеймсона. Однако в этих работах, как правило, делался акцент на выяснении роли лидеров социал-демократов меньшевиков во «вхождении» социалистов во власть. В меньшей степени исследована позиция Петроградской организации меньшевиков, которой и посвящена настоящая статья. Опубликованные в последние годы документы дают возможность более полно охарактеризовать отношение петроградских меньшевиков к вопросу о коалиционном правительстве России в 1917 г.

Идея коалиции давно носилась в различных политических кругах и вплотную подошла к своей реализации в дни апрельского кризиса. Прошедшие через масонскую школу лидеры меньшевиков и эсеров, по утверждению авторитетного специалиста В.И. Старцева, не представляли себе общественную жизнь России после Февральской революции вне коалиции [11, с. 277]. Хотя такая установка и противоречила доктринальным представлениям меньшевиков [3, с. 98–101], идея коалиции после Февральской революции стала постепенно овладевать умами ее лидеров. И не только лидеров. Вы-

ступая на Всероссийском совещании Советов, делегат 12-й армии меньшевик А.Е. Скачков, задаваясь вопросом, как быть уверенным в том, что Временное правительство всегда выполняет волю революционной демократии, отвечал: «Идя в этом направлении, мне кажется все-таки, что мы неминуемо должны будем придти к коалиционному министерству. Нам говорили сейчас, что коалиционное министерство страшно вредно в том отношении, что оно понижает гребень революционной волны. Я с этим, может быть, отчасти соглашусь; но дело в том, что у нас, кроме революции, есть еще и война, и вот для того, чтобы война эта протекала так, как нужно, чтобы армия была обеспечена снабжением, чтобы мы вот, сидя в окопах, были уверены, что в получаемых нами правительственных приказах нам не нужно самим разбираться и мы должны принимать их слепо, мы должны знать, что в это министерство входят представители социалистических партий, наши же товарищи, и что они там фактически контролируют его действия и поддерживают эти действия своим авторитетом» [1, с. 162].

Такой практический подход к возможности создания коалиционного министерства нашел горячий отклик среди многих делегатов Всероссийского совещания Советов [1, с. 144, 157, 158]. В последний день работы Всероссийского совещания Советов – 3 апреля – его организаторам удалось снять с обсуждения вопрос о коалиции и тем самым избежать на совещании раскола по привлечшему такое внимание делегатов вопросу. Тем не менее здесь следует согласиться с американской исследовательницей З. Галили, которая полагает, что «приверженность идеологическим догмам партии мешала меньшевикам пересмотреть свою позицию в вопросе о власти и природе революции» [2, с. 165].

Однако то, что казалось невозможным по догматическим и политическим соображениям в марте 1917 г., стало реальным в результате апрельского кризиса. 20 апреля фракция меньшевиков в Петроградском совете подавляющим большинством голосов высказалась за пополнение Временного правительства представителями Совета [6, с. 251]. Пройдет еще 10 дней яростных споров на самых различных уровнях, и коалиция станет свершившимся фактом.

Однако далеко не все представители социалистических течений выражали в это время свою готовность пойти во власть. Если лидеры социалистов-революционеров, трудовиков и народных социалистов в принципе определились в пользу участия в коалиции, то среди руководства социал-демократов меньшевиков были на этот счет большие сомнения, которые разделялись и Петроградской организацией меньшевиков, и ее районными комитетами.

В рядах главных партнеров по коалиции – меньшевиков и эсеров – не было декларируемого их лидерами единства, что подтвердилось и на открывшейся 3 мая 1917 г. Петроградской конференции РСДРП меньшевиков. Конференцию, представленную 120 делегатами, от имени Организационного комитета приветствовал активный сторонник революционного оборончества А.Н. Смирнов, отметивший исключительно важную роль столичной организации в меньшевистской партии и призвавший к единству всех ее членов. Основным докладчиком по вопросу о вступлении социалистов в правительство выступил известный профсоюзный деятель и яростный оборонец С.М. Шварц, представлявший Василеостровскую организацию меньшевиков. «Чтобы не дать правительству искать опору в умеренных слоях, нужно дать ему опору в рядах демократии, – говорил он. – Меньшевики не сомневаются в том, что правительство надо поддержать (кроме отдельных товарищей). Вопрос лишь в том, поддерживать ли власть извне или изнутри. Первый испробован Советом. Конечно, он наиболее приемлем, если бы только он был возможен. Но политическая жизнь последних двух месяцев, особенно события 20–21 апреля, показали, что фактически Совет не поддерживал правительство, но колебал его власть. Этот путь оказался неудачным. Теперь третьего нет. Или – или. Первое – путь Ленина, захват власти Советами, второе – принятие ответственности на себя, вхождение в состав Временного правительства... Вступив во Временное правительство, мы заставим его отказаться от империалистической политики и приблизим этим дело мира» [4, с. 257–258].

Иную точку зрения на проблему участия социалистов во Временном правительстве развивал на конференции петроградских меньшевиков член Организационного комитета. М.С. Панин. Хотя текст его выступления отсутствует в протокольной записи конференции, мы имеем возможность судить о содержании этого выступления по его опубликованной в этот день в «Рабочей газете» статье «Выбор сделан». «Отнюдь не надо быть интернационалистом (в кавычках или без кавычек), чтобы быть против “вхождения в министерство”, – писал он. – Не в ответственности тут дело. Фактическая ответственность на нас все равно падает. Каждая партия несет полную ответственность за все то, что она говорит и делает. И дело не столько в принятии или непринятии на себя формальной политической ответственности, сколько в том, что международные и внутренние условия в настоящий момент таковы, что переход хотя бы доли государственной ответственности в руки социалистических партий может оказаться вредным и даже опасным для всего дела революции и для всей страны» [8]. Наконец, третью точку зрения на эту проблему представил меньшевик-интернационалист

Ю.М. Ларин, который предлагал различать вступление в коалиционное министерство представителей крестьянства и пролетариата. Если для первого, по его мнению, это будет шагом вперед («от пассивного подчинения дурману империалистов к требованию мира без аннексий»), то для пролетариата – это шаг назад, который будет встречен международным пролетариатом как измена интернационализму. Мы как партия социалистическая, можем прибегать только к тем приемам, которые сплачивают пролетариат всех стран, внушают доверие пролетариату одной страны к рабочему классу другой, – пояснял свой тезис Ларин. – Мы ищем выход в международном давлении пролетариев своих правительств. Высшее мерило для нас – классовая солидарность пролетариата. Не потеря той или иной губернии, доверие между пролетариатами разных стран – вот чем мы должны руководствоваться» [4, с. 258].

Чтобы сориентировать конференцию в правильном направлении, на ней выступили Ф.И. Дан и М.И. Скобелев. Последний особенно апеллировал к исторической роли пролетариата, который в трагический момент, переживаемый Россией, может вывести ее на новый путь. «Верные меньшевистской тактике, мы не можем низводить пролетариат до роли ничтожной оппозиционной кучки, – говорил он под аплодисменты рабочих представителей. – Мы знаем, что берем на себя огромное бремя, которое, быть может, подавит нас, мы знаем, что мы, быть может, погубим себя, но мы предпочитаем умереть с честью, чем уйти с позором» [4, с. 258–259]. Тем не менее и Скобелеву не удалось склонить делегатов конференции взять на себя «огромное бремя», о чем свидетельствовала принятая ею минимальным перевесом голосов резолюция «Об отношении к Временному правительству»: «Петроградская общегородская конференция с[оциал]-д[емократов] меньшевиков высказывается за энергичную и полную поддержку нового правительства по новой программе деятельности, оставляя за собой свободу критики всех его действий и настаивая на решительном проведении этим правительством политики скорейшего достижения мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения наций» [4, с. 260].

Публикуя на следующий день эту резолюцию, «Рабочая газета» посчитала необходимым выделить жирным шрифтом свой комментарий: «Большинством 59 против 55, при 3 воздержавшихся, участие социал-демократов во временном правительстве признано нежелательным» [9]. На самом деле, как мы видим из текста, в принятой резолюции об участии социалистов во Временном правительстве не было ни слова. Более полная и точная информация содержалась в газете «Новая жизнь». В опубликованном ею подробном отчете об итогах обсуждения отмечалось, что после докла-

да и прений «на голосование поставлены следующие вопросы. Должны ли представители социал-демократии войти во Временное Революционное правительство. Отвергнуто 59 против 55 при 3 воздержавшихся. Голосовался вопрос о принципе поддержки нового правительства, который был принят 56 против 49» [5].

Если декларации внефракционных социал-демократов мало волновали лидеров партии меньшевиков, то позиция своей столичной организации, представители которой на общегородской конференции высказались 3 мая 1917 г. незначительным большинством фактически против вхождения меньшевиков в правительство, сильно беспокоила. Правда, в руках руководства партии имелись достаточно надежные средства воздействия на строптивых – принцип партийной дисциплины – подчинение меньшинства большинству, и оно им в полной мере воспользовалось на Всероссийской конференции меньшевистских организаций, открывшейся в Петрограде 7 мая 1917 г. Интересно, что из 55 представленных на этой конференции организаций 27 были еще объединенными и 28 – меньшевистскими с общим числом членов почти 45 тыс. чел. [4, с. 272].

Петроградская организация меньшевиков была самой многочисленной и насчитывала к этому времени 7720 членов (в то время как Московская имела 3 тыс. чел.) [4, с. 621] и была представлена на Всероссийской конференции 9 делегатами с правом решающего голоса – К.Г. Аршавским, П.А. Голиковым, К.С. Гриневичем, Ю.М. Лариным, Я.А. Пилецким, А.Н. Смирновым, А.В. Черневым, А. Шандаловым, Ф.А. Юдиным [4, с. 264, 311]. Конференция открылась выступлением И.Г. Церетели, который, предвидя, что вопрос об участии представителей партии во Временном правительстве вызовет жаркие споры, уделил ему главное внимание. Он подробно остановился на тех обстоятельствах, которые потребовали не только поддержки, но и принятия ответственности за власть. «Мы долго колебались, мы изыскивали способы, – говорил он. – И вы знаете, что до самых последних дней в ответ на требования правительства [о вхождении в его состав] мы отвечали отказом, и тогда перед нами стала альтернатива: или взять власть целиком, или идти к "связанной" власти. В настоящую минуту не подходящий момент для захвата [власти]. При таком захвате мы были бы поставлены в положение, предвосхищенное Энгельсом. Оказалось, что мы воспользовались [лишь] минутным соотношением сил. Это вызвало бы гражданскую войну. На этот путь нас толкали некоторые наши партийные товарищи, которые расходились с меньшевизмом. Они противопоставляли диктатуру пролетариата и крестьянства. Вся демократия отвергла это. В этом мы видим победу меньшевистской идеи...» [4, с. 274–275]. В заключение Церетели выразил надежду,

что делегаты конференции оценят, что представители их партии, войдя в состав Временного правительства, «исполнили свой социал-демократический долг» [4, с. 277].

Однако у руководства конференции, по всей видимости, не было полной уверенности в том, что делегаты воспримут вступление своих лидеров в правительство именно как исполнение «своего социал-демократического долга», и было даже предложение снять вопрос о Временном правительстве с повестки дня, но оно не прошло [4, с. 277]. С докладом «О Временном правительстве и коалиционном министерстве» выступил представитель ЦО меньшевиков «Рабочая газета» Б.И. Горев. Судя по газетному отчету (стенографического не сохранилось), его доводы в пользу коалиции не блистали оригинальностью, повторяли в основном тезисы выступления Церетели. «Конференция должна оказать всяческую поддержку Временному правительству, гарантирующему твердость демократической политики внутри и во вне, – призывал докладчик. – Не принимая на себя ответственность за деятельность министров – членов партии и выражая надежду, что линия Совета не разойдется с линией партии, конференция считает необходимым, чтобы министры-социал-демократы были ответственны не только перед Советом, но и перед партией» [10].

Первое же выступление в прениях представителя Петроградской организации меньшевика-интернационалиста Я.А. Пилецкого показало, что опасения организаторов конференции не были беспочвенными. Вступивший в социал-демократическое движение еще в 90-е годы, неоднократно отбывавший наказание за свою революционную деятельность в царских тюрьмах Пилецкий сразу же высказал свое решительное несогласие с позицией лидеров партии, выступил против принятия конференцией ответственности «за тот опыт, который был совершен помимо ведома партии до получения ее согласия». Его речь звучала резким укором политике меньшевистских вождей, вошедших в состав Временного правительства. «Что значит коалиционное министерство?» – спрашивал с трибуны неудобный оратор и откровенно высказывал свое мнение: «Это значит, что враги и друзья солидаризуются вместе. Итак, мы солидаризовались с нашими врагами во имя осуществления социализма. Нам нужны условия, без них мы существовать не можем, я здесь таких доказательств не слышал» [4, с. 294].

Эту точку зрения поддержал и другой меньшевик-интернационалист Ю. Ларин, заявивший, что «та платформа, которая принята Правительством, является подчинением пролетариата классовому обществу. По всем важным решениям вопроса они являются неизменно против классов. Это вступление в министерство

буржуазии приводит к двум шагам: к давлению буржуазии о признании займа, и к требованию от Совета р[абочих] д[епутатов] о воззвании к наступлению. Это совершенно оттеснит революционную власть» [4, с. 296]. К ним присоединился и еще один делегат Петроградской организации – слесарь завода «Промет» А.В. Чернев, в связи с чем «Рабочая газета» в своем отчете о работе конференции характеризовала всех троих как решительных противников вступления во Временное правительство, выделив «общее в их речах – протест против того, что социал-демократам надо теперь оставаться в меньшинстве, не давая увлечь себя к участию во власти борьбою за просто демократические идеалы» [10].

Однако эти выступления представителей столичной организации были подвергнуты суровой критике со стороны делегатов Москвы И.А. Исуга и А.Н. Потресова, члена Организационного комитета Ф.И. Дана и др. Потресов, в частности, утверждал, что «сейчас такое положение, когда пролетариат не может обойтись без буржуазии, а она не может обойтись без пролетариата». Призывая к поддержке своих министров, он вместе с тем указывал на необходимость сделать все, «чтобы не кончились эти эксперименты банкротством, что будет и банкротством русской революции» [4, с. 300]. А.В. Гриневич полагал, что «сохраняя за собой право самостоятельной политики», необходимо поддержать новое Временное правительство [4, с. 302]. В результате подавляющим большинством голосов делегатов конференции была принята за основу резолюция, предложенная Б.И. Горевым. «Перед лицом факта образования коалиционного министерства с участием социалистов, – говорилось в одном из ее главных пунктов, – конференция считает необходимым оказать новому Временному правительству, гарантирующему твердость политики, направленной к осуществлению требований демократии в стране и в области международных отношений, полную и безусловную поддержку» [4, с. 307].

После обсуждения резолюции Б.И. Горева 8 мая она была одобрена 51 голосом при 11 против и 13 воздержавшихся [4, с. 316, 317]. При этом было принято специальное дополнение к ней: «Полагая, что интересы революции требуют упрочения власти нового Вр[еменного] правительства, конференция решительно осуждает все попытки, откуда бы они ни исходили, дискредитировать его и в особенности входящих в его состав социалистов, представителей С[овета] р. и с. .д» [4, с. 314, 315]. Хотя это дополнение и не вошло затем в официальные документы конференции, оно было направлено в первую очередь против левых представителей Петроградской организации меньшевиков, пытавшихся не только высказать свое отрицательное отношение к участию социалистов во Временном правительстве, но и противопоставить резолюции руководства

партии свою собственную. Но при этом они потерпели на Всероссийской конференции сокрушительное поражение: предложенные Ю. Лариным и О.А. Ерманским резолюции против вхождения социалистов в коалиционное правительство собрали соответственно 10 и 9 голосов [4, с. 287, 308]. Эта была убедительная победа И.Г. Церетели и Ф.И. Дана и всех сторонников линии меньшевистского руководства на сотрудничество с буржуазными элементами во Временном правительстве, победа, достигнутая при активной поддержке делегатов из провинции.

«Таким образом, в начале мая 1917 г. в истории меньшевизма наступил новый этап, – пишет в связи с этим известный современный исследователь С.В. Тютюкин. – Большевики стали правительственной партией. Как показали последующие события, это решение сыграло поистине роковую роль в их политической борьбе и в определенной мере способствовало будущей победе большевиков, поскольку выполнить свои обещания народу меньшевики не смогли» [12, с. 345]. Но это стало очевидно в исторической ретроспективе, а в мае 1917 г. лидерам меньшевиков казалось, что они, идя на столь рискованный шаг – во Временное правительство, спасали страну и революцию, и потому не желали прислушаться к голосу левых меньшевиков своей столичной организации.

Список литературы

1. Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов: стеногр. отчет. – М.; Л., 1927.
2. Галили З. Лидеры меньшевиков в русской революции: Социал. реалии и полит. стратегии. – М., 1993.
3. Галили З. Большевики и проблема коалиционного правительства: позиция революционных оборонцев и ее политические последствия // Анатомия революции: 1917 год в России: массы, партии, власть. – СПб., 1994. – С. 98–101.
4. Большевики в 1917 году. Т. 1. От января до июльских событий. – М., 1994.
5. Новая жизнь. – 1917. – 4 мая.
6. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета и фракций. Т. 2. 1 апр. – 5 мая 1917 г. / редколлегия: Б.Д. Гальперина (отв. сост.), О.Н. Знаменский, В.И. Старцев / отв. ред. В.И. Старцев, Ю.С. Токарев. – СПб., 1995.
7. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета и фракций. Т. 3. 6 мая – 2 июля 1917 г. / редколлегия: Б.Д. Гальперина (отв. сост.), В.И. Старцев; отв. ред. Б.Д. Гальперина, В.И. Старцев. – М., 2002.
8. Рабочая газета. – 1917. – 3 мая.
9. Рабочая газета. – 1917. – 4 мая.
10. Рабочая газета. – 1917. – 9 мая.
11. Старцев В.И. Тайны русских масонов. – СПб., 2004.
12. Тютюкин С.В. Большевизм: страницы истории. – М., 2002.

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 94(470+479)

З. С. Гаирбекова

Кавказская война как столкновение исторических времен, культурных миров, этнических мировоззрений

В статье рассмотрен феномен русско-кавказского сосуществования и взаимовлияния в его историческом, культурно-психологическом и национальном аспектах, сделана попытка изучения Кавказской войны не как военного конфликта, но как уникального феномена взаимодействия различных обществ как явление культурное, социальное этнопсихологическое.

The article concerns the phenomenon of Russian and Caucasus coexistence and influence to each other in the historical, psychological, cultural and national aspects.

The aim of the article presented is to investigate the phenomenon of the Caucasian war by historical, cultural, ethnological point of view as a unique example of interrelation of different societies, cultures and mentalities.

Ключевые слова: кавказская война, культурный мир, этническое мировоззрение, цивилизационный процесс, межцивилизационное взаимодействие.

Key words: Caucasian war, cultural world, ethnical mentality, civilization process, civilization interrelation.

Самое необходимое условие при оценке событий Кавказской войны – избежать тенденциозности, оставаясь в рамках научности: не умалять значение борьбы горских народов за свою свободу и независимость, при этом не идеализируя их патриархально-традиционный жизненный уклад, отмечая негативные проявления и последствия русского влияния на Кавказе, не отрицать его безусловно прогрессивную роль.

И. Дзюба, предлагая взглянуть на события Кавказской войны XIX в. через восприятие известных российских писателей-современников, отмечает обратную сторону проблемы присоединения к империи: «В европоцентрической модели цивилизации самобытная культура горцев, имевшая древние корни и традицию, представлялась бесперспективной, рудиментом патриархального состояния, обреченной уступить место принесенному извне прогрессу. Субъектом цивилизирования должна была стать Россия, и

Пушкина тревожило лишь одно: чтобы способы цивилизования были помягче... Лермонтову пришлось восстать против стойких предрассудков и представлений своего общества и своей офицерско-дворянской касты и представить Кавказ как арену исторической драмы, превращенный в грандиозную бойню, место удовлетворения тщеславия, высвобождения атавистических инстинктов, добычи чинов, орденов, пенсий, карьер, богатств... Лев Толстой снял экзотомантизирующую визу Кавказа, дал в контексте мирообъясняющих поисков личности суровую реалистическую картину столкновения двух сил, стихийно-автохтонной и государственно-направленной, жуткую конкретность уничтожения целого самобытного мира» [7].

Воззрения горцев на возможность войны и мира с империей хорошо иллюстрирует следующий эпизод в версии адыгейского просветителя С. Сиюхова – приезд императора на Кавказ: «Император Александр объяснял горцам неизбежность покорения их территории: Кавказ непременно будет в составе России, благоразумнее примириться с исторической необходимостью подчинения. В этом случае изнурительная война закончится и горцам гарантируется безопасность и благополучие, сохранится их самобытность и религиозная самостоятельность, империя не будет вмешиваться в их внутренние дела. "Царское слово крепкое, и я торжественно заявляю, что мое слово будет свято и нерушимо, это все я подтверждаю царским указом". Народ слушает перевод полковника Лоова. Выступает старейшина Хаджимуко-Хадже: "У меня любовь к Родине так велика, что был готов любой ценой сохранить ее для наших детей. Но теперь я вижу, что у нас не хватит сил оружием отстоять наши земли. Пришло время, когда мы должны войти в одно из соседних государств... Нам ближе религия Турции, но она не хочет оказать нам военной помощи... Русских много, нас мало, силы неравные, и нам не устоять! Мое мнение – принять предложение русского царя, покориться судьбе, за это Бог не осудит нас...". Другой старейшина, обращаясь к императору, к истории, ответил как "держава державе": "Русский царь сказал то, что должен был сказать по своему долгу. Я не осуждаю его, просто наше желание не совпадает с его желанием... Русскому царю очень понравился Кавказ, и вот уже 60 лет он ведет войну за его покорение. Но и нам любя и дорога наша родина-мать, и мы, не жалея жизней, защищаем и отстаиваем ее... Кавказ будет или нашей колыбелью, или нашей могилой... Мы гибнем, но лучше гибель, чем рабство..."» [20, с. 88–92].

В этом отрывке как нельзя более четко прослеживаются две линии, согласно которым могли мыслить и действовать горские народы, налицо и психология, и мотивация, и менталитет. Следует

также отметить, что именно вторая точка зрения главным образом преваляровала. Она вполне соответствовала менталитету горцев, их миру. Они защищали свою землю как источник жизни, защищали свою культуру, свой образ жизни и в конечном счете свое право на жизнь.

В лице горских народов империя приобрела необычных граждан: они вовсе не соответствовали представлению о «хороших подданных», не старались подчиняться общеимперским законам, предпочитая традиционные адаты [2; 3; 12; 11; 13], слабо вступали в рыночные отношения и первое время не спешили переселяться на плоскость, о перенятии «европейской культуры» и не помышляли.

Интересно, что у такого известного русского мыслителя, как Н.Я. Данилевский, не нашлось после Большой Кавказской войны добрых слов в адрес горских народов региона: «Кавказские горцы – и по своей фанатической религии, и по образу жизни и привычкам, и по самому свойству обитаемой ими страны – природные хищники и грабители, никогда не оставлявшие и не могущие оставить своих соседей в покое» [6, с. 31].

Виднейшие представители имперской администрации утверждали примерно то же, что и А.П. Ермолов в своей записке Александру I в 1818 г.: «беспрестанно изобличаются они в воровствах, нападении и увлечении в плен наших людей, нет спокойствия и безопасности. Они посмеиваются легковерию нашему к поручительствам их и клятвам, и мы не перестаем верить тем, у кого нет ничего священного в мире» [9].

Непонимание политического разрешения ситуации горцами, воевавшими с армией империи в соответствии с собственными традициями и представлениями, остававшимися неизменными в течение веков, хорошо иллюстрирует следующий отрывок: «При заключении Адрианопольского трактата, в 1829 году, Порты отказалась в пользу России от всего восточного берега Черного моря и уступила ей черкесские земли, лежащие между Кубанью и морским берегом, вплоть до границы Абхазии, отделившейся от Турции еще лет двадцать тому назад. Эта уступка имела значение на одной бумаге – на деле Россия могла завладеть уступленным ей пространством не иначе как силой. Кавказские племена, которые султан считал своими подданными, никогда ему не повиновались. Они признавали его, как наследника Магомета и падишаха всех мусульман, своим духовным главой, но не платили податей и не ставили солдат. Турок, занимавших несколько крепостей на морском берегу, горцы терпели у себя по праву единоверия, но не допускали их вмешиваться в свои внутренние дела и дрались с ними или, лучше сказать, били их без пощады при всяком подобном вмешательстве.

Уступка, сделанная султаном, горцам казалась совершенно непонятной. Не углубляясь в исследование политических начал, на которых султан основывал свои права, горцы говорили: "Мы и наши предки были совершенно независимы, никогда не принадлежали султану, потому что его не слушали и ничего ему не платили, и никому другому не хотим принадлежать. Султан нами не владел и поэтому не мог нас уступить". Десять лет спустя, когда черкесы уже имели случай ближе познакомиться с русской силой, они все-таки не изменили своих понятий. Генерал Раевский, командовавший в то время черноморскою береговою линией, пытаясь объяснить им право, по которому Россия требовала от них повиновения, сказал однажды шапсугским старшинам, приехавшим спросить его, по какому поводу идет он на них войной: "Султан отдал вас в пеш-кеш, – подарил вас русскому царю". "А! Теперь понимаю, – отвечал шапсуг и показал ему птичку, сидевшую на ближнем дереве. – Генерал, дарю тебе эту птичку, возьми ее!" Этим кончились переговоры. Было очевидно, что при таком стремлении к независимости одна сила могла переломить упорство черкесов. Война сделалась неизбежною» [21].

Русских приводила в изумление и вызывала осуждение подвижность поведения горцев в постоянно менявшихся местных условиях, негативное отношение к пацифизму и непривычные этические нормы, распространенные работорговля и захват заложников, преследование кровников. Между тем эти традиции были великолепно приспособлены к местным условиям.

Здесь налицо непонимание, связанное не столько с этнопсихологическими моментами, но если рассматривать вопрос глубже, в том, что формирует национальный характер и особенности поведения. Первопричиной выступает временное отстояние – принадлежность обществ противников разным историческим эпохам, различия в построении общества, в среде, в реалиях жизни.

Социальные отношения у горцев квалифицировали как родоплеменные, феодально-рабовладельческие, полуфеодально-полупатриархальные, феодальные, раннефеодальные, развитые феодальные, многоукладные и т. п. [15].

Горцы, принадлежащие к эпохе военной демократии или начала феодализма, представляли собой милитаризованное патриархальное общество, которому историки империи справедливо находят аналогии в лице древних германцев или спартанцев: «...сии обычаи и правовые порядки...обнаружили поразительную живучесть в среде туземцев Кавказа, обычаи и порядки настолько древние, что о них идет речь еще у писателей Греции и Рима» [11, с. 9]. Однако на бытовом уровне подобные исторические, психологические, миро-

воззренческие противоречия оказались фатальными, непрестанно порождая проблемы понимания, взаимные обвинения и конфликты.

Для понимания истоков этнопсихологии и менталитета необходимо обращение к культуре, созданной тем или иным этносом; культуре духовной, религиозной, правовой. В то же время культура, даже в рамках одного общества, понятие не статичное – это всегда процесс, движение и развитие ее форм. Это справедливо и для консервативных, и закрытых обществ, и более демократических.

Культура горцев Северного Кавказа в силу геополитического положения самого края исторически сложилась в условиях взаимодействия. Это утверждение может показаться спорным, так как даже в XIX в. исследователям она виделась весьма архаичной; глубокую историческую память и приверженность традициям все отмечали как ее отличительные черты. Однако еще Ковалевский, анализируя институт права у горцев, писал об иранском, греческом и римско-византийском влиянии; влиянии хазар, арабов и татар [11]. Естественно, что взаимодействие и контакты цивилизаций, имевшие место на Северном Кавказе, явились одной из формирующих сил и в культуре.

«При определении пространства взаимодействия цивилизаций нужно иметь в виду, что здесь могут контактировать друг с другом сообщества, находящиеся на разных стадиях развития. Так, в Северном Причерноморье греко-римская цивилизация, находившаяся на пике своего жизненного цикла, вступила во взаимодействие со скифской протоцивилизацией, которая так и не завершила своего формирования, а также с доцивилизационными или протоцивилизационными обществами сарматов, аланов, готов, гуннов. В дальнейшем эти земли стали местом как общения, так и столкновений византийской, восточно-славянской, западно-европейской, монгольской и мусульманской культур» [10].

Сказанное о Северном Причерноморье справедливо и для Северного Кавказа, который также с древнейших времен служил площадкой взаимодействия цивилизаций. И в этом свете можно рассмотреть следы влияния его в культуре народов, населяющих этот район.

Многие исследователи сходятся во мнении, что значительные культурные различия – основной критерий непонимания, возникшего среди двух сторон во времена Кавказской войны. Любая культура развивается в некоем пространстве, в соседстве с другими, и элемент взаимодействия в этом развитии весьма значителен. В последнее время, говоря об истории России, начинают с районов Северного Причерноморья; надо сказать, что территория эта близка

и Северному Кавказу, соответственно, в глубоком историческом прошлом можно обнаружить некоторые культурные тождества.

Кавказская культура имеет очень древние корни, благодаря преемственности поколений и традиции, она не претерпевала существенных изменений в течение долгого исторического периода. Если проанализировать систему правовых и религиозных положений, возникает любопытная картина культурных заимствований и наслоений: иранский, греческий, византийский, хазарский, арабский следы, вплетенные в полотно культуры, берущей начало в родовом устройстве и даже еще раньше во времена матриархата.

Можно отметить целый ряд юридических обычаев и обрядов, происхождение которых не может быть объяснено порядками родового агнатического устройства, и необходимо предполагать существование матриархата [11, с. 19].

Заключение браков с представительницами других родов, характер таинственности, придаваемый отношениям супругов, обычай аталычества – все это черты материнского права. «В обществе, в котором право на приобретенных из чужого рода женщин признается за всеми нареченными братьями, совершенно понятным является обычай, по которому лицо, вступившее в более тесную связь с женщиной, чтобы не навлечь на себя недовольства других, избегает всего, что могло бы служить выражением исключительности присвоенных им прав над нею, как то: свидания с ней в присутствии посторонних лиц, публичного обозвания ее женой, или явного заявления, что рожденные от нее дети, имеют его своим отцом» [11].

Обычаи и порядки, существовавшие у горцев, весьма схожи с древними римскими и, естественно, не по причине заимствования, а по причине схожего периода стадияльного развития: домашние божества, культ предков, даже отголоски матриархата в сугубо военизированной и патриархальной культуре.

Именно по причине стадияльности развития можно провести аналогии с древними германцами. Особое отношение у горцев имеется к брату матери, соответственно Тацит упоминает у древнегерманских племен особые почести, воздаваемые дяде по матери.

Во времена Кавказской войны культура ведения военных действий, этические понятия мужества и храбрости, стратагемные принципы и мышление, видение мира и войны и своего места в них было совершенно разным у конфликтующих сторон, и в этом заключалась главная проблема. «Причем каждый при этом оставался актером: страх перед гибелью он подавлял чувством стыда, а чувство стыда детерминировалось чувством страха быть заподозренным, в свою очередь, в трусости, то есть бегстве с поля боя. Возможно,

горцам не давала покоя и совесть как внутренний голос, о котором говорили еще древние. Совесть и стыд неразрывны с традициями, с опытом поколений. Не уверен насчет потенции совести, но боязнь порицалась, она была антинормой рыцарского кодекса чести, военного образа жизни, отваги. Так общество регулировало и контролировало поведение своих членов» [4, с. 20–35].

Надо сказать, что сам тип «культуры стыда» был свойствен также культуре Эллады, в которой основным критерием оценки поведения служило одобрение или порицание членами сообщества.

В среде горцев – культ воина, с самого детства мальчик слушал эпические сказания и рассказы стариков, в которых воплощается идеал мужчины: сдержанность в проявлении чувств (кроме справедливого гнева), бытовой аскетизм в сочетании со щедростью к гостям и кунакам, благородно-покровительственное отношение к женщине, умеренность в пище, презрение к врунам и трусам, верность клятве.

Высокая психологическая устойчивость воина-горца объяснялась также тем, что он мерил своего противника собственными мерками. Кавказские народы не могли осознать в полной мере мощи своего противника, и потому не боялись его. Один горец, бежавший из ссылки, рассказывал землякам о том, что у русского царя уже «кончились солдаты», поскольку на всем пути от Архангельска до Ставрополя он не видел вооруженных людей – одних мужиков с сохами [5].

Воинская слава была высшей ценностью в горском обществе. В условиях военной демократии или раннефеодального строя только война давала возможность пробиться в ряды местной элиты. «Известность богатыря распространяла вокруг него очарованный круг безнаказанности. Быть удальцом значило быть аристократом» [8, с. 68].

В понимании горцев война для каждого мужчины – дело личной чести и доблести. Цитата из рапорта командира Тенгинского полка о переходе колонны в Абинское укрепление в 1844 г.: «В то время как в арьергарде горская молодежь и удальцы дрались с нашими солдатами и казаками, в авангарде являлись старики и почетные люди, объясняя весьма равнодушно, что трудно у молодых отнять охоту порезвиться» [16, с. 366].

«Виртуозное владение оружием и другие составляющие кавказского военного дела были обязательным признаком самостоятельного мужчины. Милитаризованный быт был причиной того, что российские военные высоко оценивали воинские качества населения Северного Кавказа» [17, с. 229–231].

А.С. Сенявский отмечает: «известная склонность жителей Кавказа к ратному делу объяснялась во многом тем, что в здешних условиях ценность индивидуальной жизни для личности уступала ключевым ценностям своего социума, ценность мужчины определялась почти исключительно ценностью его как воина, эффективно выполняющего свой долг» [19, с. 61].

Чтобы объяснить, на какой основе строилось мировоззрение горца, необходимо, прежде всего, понять, что местное население проживало в условиях родоплеменной организации и военной демократии: конкуренция между родами и племенами в овладении природными ресурсами, институт кровной мести, высокая экономическая роль набегов, значение боевой славы, определяющее положение человека в обществе... Командование русской армии было неспособно понять людей, исторически находившихся на пройденном и давно забытом ими витке мировой истории.

Это сейчас, по прошествии долгого времени, все видится простым и понятным, но тогда образ мышления, обычаи, культура горцев вступали в противоречие не просто с армией Российской империи, но с ходом современности, что не могло не привести к трагедии.

Одной из самых сложных проблем для армии было разделение горцев на так называемых «мирных» и «немирных»; то есть тех, кто заключал мир и не оказывал массового вооруженного сопротивления, и тех, кто находился в состоянии войны. По свидетельству Г.И. Филипсона, человека, которого считают знатоком Кавказа: «мы считали Абхазию покорной, но это было не так. Правда, что в этом крае не составлялось партий, против которых войска должны были бы действовать оружием. Но разбои и убийства были очень часты: одиночных солдат изменнически убивали... Все такие случаи, называвшиеся шалостями, оставались безнаказанными, и виновников не находили и все сваливали на убыхов...» [22, с. 193].

«В ермоловское время офицеры на Кавказе терпеть не могли мирных черкесов; они ненавидели их хуже враждебных, потому что они переходили и изменяли непрерывно, смотря по обстоятельствам...» [18, с. 391].

«Мирные аулы служили притоном для разбойников всех кавказских племен; в них укрывались партии перед тем, как сделать набег на линию; здесь находили приют все преступники» [14, с. 77].

На Западном Кавказе адыгейцы нередко во время посещения Черноморской линии рассказывали о своих набегах на Кубанские станицы, причем всякие попытки привлечь их к ответственности за подобные действия воспринимались как вопиющая несправедливость. Они воевали с «иным» племенем, за десятки верст от форта

(по масштабам горного Кавказа – очень далеко) и потому ничем не провинились перед гарнизоном.

«Изменнические настроения» – вполне обоснованная точка зрения со стороны командования русской армии. Для горцев все выглядело совершенно иначе.

Русским было непонятно мышление горцев – реалии Кавказа заставляли последних ограничивать круг друзей действительно знакомыми и друзьями, соплеменниками по самым разным признакам. Все остальные являлись потенциальными врагами и поэтому враждебные действия против них не являлись чем-то запрещенным.

Горец мог пойти на смерть за своего русского побратима. Но это вовсе не обязывало его считать другом каждого русского; известен рассказ об истории, приключившейся с Бенкендорфом: «...лазутчик, доставлявший генералу Фрейтагу сведения о намерениях горцев, неожиданно рассмеялся, увидев К.К. Бенкендорфа. На вопрос последнего – в чем причина веселья, горец ответил, что незадолго до встречи он трижды стрелял в него, не попал и вот, встретил в палатке как товарища по оружию [1, с. 99].

«Мирные горцы – категория трагическая. Добровольно никто из них – за очень небольшим исключением – не подчинялся русским властям. Будучи вынуждены к этому карательными акциями, голодом и результатами блокады, страхом за аманатов, находящихся у русских, мирные горцы находились меж двух смертельно враждующих сил. Если они не помогали своим немирным соплеменникам, то становились жертвами набегов. Поэтому как по искреннему чувству, так из страха перед мстью, от которой русские штыки их защитить не могли, они в критических ситуациях принимали сторону немирных» [5, с. 167–168].

Одним из частых поводов проведения карательных операций было «предоставление пристанища» участникам набегов на русские селения и укрепления. По обычаям горцев отказ в крове скитальцу, путнику и тем более соплеменнику не только покрывал позором хозяина, но и становился причиной вооруженного конфликта. Русские же власти упорно требовали от «мирных» горцев заведомо невыполнимого и затем жестоко карали за это.

Другой отличительной особенностью горцев считались случаи немотивированной агрессии, по мнению одной стороны, и традиция, даже более, обязательность кровной мести – с другой. Кровная месть почти всегда являлась причиной враждебных действий: при родовой организации общества каждая операция правительственных войск порождала тех, для кого отмщение за погибшего родственника являлось смыслом жизни. Если в местных междоусобных войнах выявление виноватого было делом возможным и обязатель-

ным, так как ошибка вела к возникновению вражды с другим, незаслуженно наказанным родом, то в случае с русскими горцы не имели возможности персонифицировать месть. Целью ответного удара становились все, кто принадлежал к вражеской армии, которая носила на себе все признаки особого племени – одежда, язык, вооружение, образ жизни. Частыми были случаи неожиданного нападения и убийства солдат при отсутствии каких-либо агрессивных действий со стороны гарнизона по отношению к местным жителям; проводить дознание, розыск в местных условиях было невозможно, потому наказывали всех подряд, порождая ненависть и обоснованное обвинение в коварстве.

Методы цивилизованной европейской войны не действовали, перенимая у местных способы ведения боя, многие военачальники считали действенным способом умиротворения превентивные набеги.

Так, генерал Вельяминов писал: «...опыт показывает, что чем более оказывается снисхождение, тем меньше видят они возмездия за свои грабежи, тем становятся предприимчивее. Это есть следствие грубого их невежества и происходящих от того ложных понятий. Никогда снисходительность не почитают они следствием великодушия, но приписывают оную бессилию». Набеги, в свою очередь, разлагали дисциплину в армии и приводили к тому, что войска уподоблялись бандитским отрядам, о соблюдении цивилизованных приемов не было и речи, война превращалась в варварскую междоусобицу.

Полковник Бурсак в рапорте о набеге на селение шапсугов писал, что его часть сожгла 40 жилищ и 70 «пчельных хуторов».

В начале XIX столетия командование испытывало, по меньшей мере, душевный дискомфорт от подобных действий. Известны были случаи привлечения к суду командиров за неоправданную жестокость. Самое интересное, что согласно «Полевому уложению для действующей армии» (27 января 1812 г.) военнослужащих, виновных в грабеже собственности, ждала смертная казнь (§ 61), если подобное совершала целая часть, расстрелу подлежал ее командир (§ 63, 73). Однако если исходить из закона, весь Кавказский корпус следовало бы расстрелять, потому как в силу местных условий не было ни одного военного, не причастного к подобным действиям, то, что было неприемлемо для европейской войны, в войне кавказской было основным способом ведения боевых действий. Скоро разгромы непокорных стали обычным делом, и добыча указывалась в победных реляциях. Согласно тому же «Полевому уголовному положению» смертью наказывалось: «явное неповиновение или бунт жителей, мест и областей, армией занимаемых», также «скло-

нение к бунту и неповиновению жителей земель, армией занимаемых, хотя бы и не произвело возмущения», так при следовании этим правилам расстрелу подлежало едва ни все население Северного Кавказа. Подобное несоответствие законодательства и реального положения дел сохранялось на всем протяжении Кавказской войны.

Надо сказать, что внутри отношений самих горских племен традиции возникновения конфликтов уравнивались традициями их перехода в латентное состояние или полного прекращения. Другими причинами трудно объяснить, почему при всей своей воинственности, при виртуозном владении всеми приемами войны в горах жители Кавказа не стали жертвами взаимного истребления. Действовал веками отлаженный механизм: традиции, являющие собой образец жесткого агрессивного поведения, уравнивались другими, имеющими мирный и созидательный характер. В дороге уязвимость горца снижалась за счет обычая, ставившего путника под защиту хозяина, предоставившего ему кров, также за пределами своего селения горец мог рассчитывать на помощь кунаков – побратимов. Соседи помогали семье, оказавшейся в сложном положении – заботились о скоте, доставляли продукты, топливо. Акт кровной мести был крайне ритуализирован, со множеством ограничений (запрещение убивать в присутствии женщины, во время праздников и т. д.) Прекращение вражды производилось с помощью посредников после переговоров, изобилующих тонкостями традиционной народной дипломатии; кровники заканчивали многолетний конфликт взаимным усыновлением детей и или уплатой определенной суммы деньгами и скотом.

Но подобная традиция примирения была невозможной в случае противостояния с армией, соответственно применялась только агрессивная часть обычая.

Следуя логике и стандартным стереотипам европейского мышления, генералы российской империи обоснованно делали вывод о патологическом коварстве горцев. Но это было не совсем так. Объявление войны целому племени, каким считались русские, требовало согласия сородичей и старейшин, местной знати. Открытое столкновение было невозможно, так как не соответствовало интересам селения, рода, который в данное время считал для себя выгодным сохранение мира. Но война для горского мужчины была делом приватным, каждый взрослый мужчина, носивший оружие, имел право его применять, не навлекая, по возможности, на свой род ответного удара. Община считала себя не вправе вмешиваться в личную жизнь отдельных сородичей, так сохранялась относительная свобода индивида внутри коллективной общности. Так как на коллективном уровне не было принято решение о нападении, всякие

репрессивные меры ко всему роду считались неоправданными. Таким образом, тайная война вполне укладывалась в нормы жизни горцев и вовсе не свидетельствовала об их коварстве. Горцы пытались воевать с русскими так, как много веков воевали между собой, – с соблюдением ритуалов, сменой войн и примирений.

Традиционные институты горцев тоже складываются в условиях сложных межклановых и межэтнических отношений и выступали как необходимые механизмы регулирования: кровная месть, побратимство (куначество), воспитание детей другого клана (аталычество), особые формы гостеприимства и сложная система вассалитета. Интересно, что со временем имперская администрация приспособляется и фактически использует их в своих нуждах: сначала взятие заложников из влиятельных кланов и привлечение горцев к военной службе, затем признание во многих ситуациях адатов и установившихся правовых традиций.

Очевидно, что Кавказская война формировала и восприятие горцами русских, и здесь важным выступает не только исторический фактор. Исследование особенностей взаимного восприятия русских и горцев было проделано А.А. Цуциевым [23]. Автор анализирует в своей работе многочисленные различия в способах восприятия, свойственных русским и кавказцам. В их числе наполненность жизни горца условностями, составляющими некую «грамматику повседневности», и фрагментированность жизни русского, «отданной на откуп самому деятелю», что со стороны горца трактуется как отсутствие традиции и вызывает небрежение, характеристики позитивного в психологии русской культуры («какое-либо свойство между добросердечием и миролюбием») для представителя кавказской маскулинной культуры – «женское» поведение, воспринимаемое как слабость [23, с. 47, 50–51].

Таким образом, явление Кавказской войны, объединяющее в себе черты политического, военного, культурного, этнопсихологического столкновения выступает как сложный, разнонаправленный, исторически детерминированный процесс, который гораздо шире ситуативных оценочных характеристик, и как любое историческое явление представляет собой ценный опыт и нуждается в тщательном изучении.

История взаимоотношений России и Кавказа в этом контексте приобретает особую значимость. Градус этнического, политического, культурного взаимодействия наиболее интенсивен, так как является собой попытку совмещения противоположных тенденций, способов существования, ментальности и культуры.

Список литературы

1. Бенкендорф К. К. Воспоминания. – СПб., 2000.
2. Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. – М., 2002.
3. Гарданов В.К. Материалы по обычному праву кабардинцев. – Нальчик, 1956.
4. Гожев К.М. История и философия великой Кавказской войны: к вопросу о методологической концепции // Общество. Среда. Развитие (TERRA HUMANA). – СПб., 2007.
5. Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. – СПб., 2000.
6. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – 6-е изд. – СПб., 1995.
7. Дзюба И. «Нам только сакля очи колет...» // «Дружба Народов». – 1996. – № 1.
8. Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. – СПб., 1871. Т. 1.
9. Ермолов А.П. Записки. 1798–1826. – М., 1991.
10. Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации: теория история диалог будущее – М., 2006. Т. I.
11. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т. I–II. – М., 1890.
12. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. Т. 1. – М., 1886.
13. Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Вып. I–II. – Одесса, 1882–1883.
14. Потто В.А. Кавказская война: в 5 т. Т. 2: Ермоловское время. – М., 2007.
15. Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа: материалы регион. науч. конф. – Махачкала, 1988.
16. Ракович Д.В. Тенгинский полк на Кавказе 1819–1846. – Тифлис, 1900.
17. Риттих А.Ф. Племенной состав контингентов русской армии и мужского населения европейской России. – СПб., 1875.
18. Розен А.Е. Записки декабриста. – Иркутск, 1984.
19. Сенявский А.С. Психологическая регуляция и подготовка воинов в различных исторических и этнокультурных условиях // Военно-историческая антропология. Ежегодник. – М., 2002.
20. Сиюхов С. Перед национальной катастрофой: приезд царя Александра II к абадзехам // Сефербий Сиюхов адыгский просветитель. – Майкоп, 1991.
21. Торнау Ф.Ф. Воспоминания русского офицера. – М., 2002.
22. Филипсон Г.И. Воспоминания Григория Ивановича Филипсона. – М.: Университетская типография (М. Катков), 1885. – 362 с.
23. Цуциев А.А. Русские и кавказцы: очерк привычных восприятий // Научная мысль Кавказа. – 2001. – № 3.

Трансваальский кризис и Вильгельм II

В статье рассмотрено, как на рубеже XIX–XX вв. завершался раздел мира между великими державами. Британская империя стремилась закрепить свои захваты. Германия пыталась потеснить Англию. Созданием «Континентальной лиги» Берлин рассчитывал заставить Англию считаться с ее интересами.

The article deals with the period of the turn of XIX–XX centuries when was the final of section of the world between the great powers. The British Empire sought to consolidate its grip. Germany tried to oust England. By the creation of the "Continental League" Berlin hoped to force Britain to reckon with its interests.

Ключевые слова: Англия, кайзер Вильгельм, Гатцфельд, Германия, Гольштейн, Крюгер, Солсбери, Трансвааль, Южная Африка.

Key words: England, Kaiser Wilhelm, Gattsfeld, Germany, Holstein, Kruger, Salisbury, Transvaal, South Africa.

На рубеже XIX–XX вв. англо-германские противоречия становились все более важным фактором международных отношений. Трансваальский кризис входит в число тех событий, которые поставили две ведущие державы Европы на грань конфликта.

В Германии медленно, но неуклонно возрастало недовольство политикой Англии, продолжавшей расширять свои колониальные владения. Острейший англо-германский кризис возник вокруг Трансвааля, маленькой республики на юге Африки, в недрах которой оказались несметные богатства. С открытием огромных месторождений золота и алмазов в 80-е гг. XIX в. тысячи «уитлэндеров», главным образом британцев, стекались сюда, чтобы искать драгоценные камни и золото. Над большей частью приисков приобрела контроль финансовая группа С. Родса, который в 17 лет прибыл в Южную Африку и к 90-м годам стал одним из богатейших людей мира. Вскоре у Родса и руководимой им золотопромышленной компанией возникли конфликты с президентом республики Трансвааль П. Крюгером. При поддержке британского правительства Родс стремился создать колониальную империю в Африке от Кейптауна до Каира. В этих устремлениях он столкнулся с возрастающей экспансией Германии.

С Трансваалем немецкие промышленно-торговые круги связывали завышенные ожидания, поддерживаемые колониальными кру-

гами. Последние же, в частности «Колониальное общество для Южной Африки», требовало концентрироваться в областях, которые в экономическом отношении обещали быстрое развитие и ориентировались особенно на Южную Африку [4, р. 177]. Германские лидеры не скрывали от Лондона, что они заинтересованы в Трансваале и не намерены допустить его захвата Англией. К этому времени в Трансваале проживало примерно 15000 граждан Германии, а немецкие инвестиции в эту страну составляли около 500 млн марок [10, р. 628]. Населявших Трансвааль буров-переселенцев из Голландии немецкая общественность идентифицировала с малым древнегерманским коренным протестантским народом крестьян, которым угрожали «плутократы англосаксы».

Генеральный консул Германии в г. Претория Ф. Герф уже на банкете немецкого клуба по случаю дня рождения кайзера в январе 1895 г. в присутствии президента Крюгера заявил, что судьба Трансвааля для Германской империи не безразлична, на что президент ответил: хотя его маленькая страна среди великих держав, как ребенок, но если великая держава Англия хочет помыкать его страной, то другая великая держава Германия это умеет предотвратить. Высказывание Крюгера привело к серьезному дипломатическому столкновению между Лондоном и Берлином. Британский посол в Берлине сэр Э. Малет объяснил статс-секретарю германского ведомства иностранных дел А. Маршаллю международно-правовой статус Трансвааля с британской точки зрения: Британия аннексировала страну в 1877 г., четыре года спустя и затем вновь в 1884 г. признала суверенитет республики, хотя и с ограничением, что Трансвааль без британского согласия не может заключать союз с другим государством. Маршалль озлобленно оспорил эту интерпретацию и указал на намерения и антигерманские высказывания С. Родса и протестовал против плана Капской колонии принудить Трансвааль к экономическому союзу [12, р. 868].

Неоднократные заявления английского правительства, что в случае с Южной Африкой задеваются важнейшие интересы Британской мировой империи, либо не поняли, а может быть, не хотели понять. Следующие месяцы сопровождались ростом напряженности в англо-германских отношениях. В связи с посещением германским крейсером «Кондор» Трансвааля кайзер Вильгельм II направил президенту Крюгеру телеграмму, известную в историографии как «первая телеграмма Крюгеру», которая, как заметил бывший начальник генштаба А. Вальдерзее, в Лондоне «очень скверно оценена» [4, р. 166–167]. В октябре 1895 г. произошла новая перебранка между Маршаллем и покидавшим Берлин послом Малетом. При своем прощальном визите на Вильгельмштрассе посол заявил, что в це-

лом в дружественных отношениях между Англией и Германией имеется лишь один черный пункт, а именно поддержка буров в Трансваале. Это положение для Англии нестерпимо, и продолжение германского отношения может вести к серьезным осложнениям [6. Bd. IX. № 2578]. Маршалль в такой грубой форме отверг приписываемые немцам какие-либо антианглийские подстрекательства, что даже кайзер в виде исключения похвалил своего министра. Как и статс-секретарь, Вильгельм II иронизировал по поводу английской угрозы, а призыв посла оценил как «наглость», которую он с «надлежащей энергией должен возвратить» [5. Bd. 3. № 495].

В эти же дни кайзер был чрезвычайно возбужден позицией английского премьер-министра лорда Р.С. Солсбери, отказавшегося примкнуть к Тройственному союзу. В состоянии чрезмерного возбуждения 24 октября 1895 г. у Вильгельма II состоялся разговор с английским военным атташе полковником Л. Суэйном об англо-германских отношениях и средиземноморской политике Великобритании. Коснувшись положения в Африке, Вильгельм II возмутился заявлением Малета, который якобы даже угрожал Германии войной. И ради чего? Из-за пары квадратных километров с неграми и пальмами Англия «угрожает войной ее единственному другу, германскому кайзеру, внуку ее величества». Попытки Суэйна представить высказывания Малета как недоразумение, которое нужно как можно скорее выяснить, кайзер отклонял. Вильгельм обижался на английскую прессу, нападающую на Германию и Тройственный союз, а «его многолетняя работа сблизить его империю с Англией на фундаменте общих интересов и взаимного глубокого уважения... была разрушена. С интересами моей страны не совместить все капризы английской политики и реагировать на неопределенные намеки и загадочные высказывания английских государственных деятелей. Такое поведение Англии заставило меня формально поставить общие вопросы с Францией и Россией, каждая из них имеет на моей границе примерно миллионную армию вторжения, в то время как Англия мне никогда доброго слова не сказала». Кайзер закончил свою беседу с английским военным атташе предостережением: Англия из своего полностью изолированного положения в состоянии выйти либо безоговорочным выступлением на стороне Тройственного союза, либо против него [12, p. 869–870]. На английское руководство сообщение Суэйна о беседе с кайзером произвело очень глубокое впечатление. Документ был вручен всем членам кабинета, и один министр писал военному атташе, что это «важнейший документ, который Вы направили нам из Берлина» [6, p. 11, Note].

Хотя германский посол в Лондоне граф П. Гатцфельд неоднократно сообщал в Берлин, что посол Малет действовал без инст-

рукции, Ф. Эйленбург, ближайший друг кайзера, находившийся в конце октября вместе с Вильгельмом в своем имении, констатировал, что император из-за выступления Малета «после, как и перед, был сильно оскорблен». И в середине ноября Ф. Эйленбург сообщал германскому послу в Риме Б. Бюлову, что кайзер, несмотря на улаживание инцидента с Малетом, «на Англию сильно раздражен». Но 17 ноября Вильгельм мог принять во внимание, что «британский премьер по всей форме сказал» и с удовлетворением констатировал, что «грубый ответ ... соответствовал своему назначению» [11. Bd. 2. № 1154]. Однако в конце декабря возник новый кризис в англо-германских отношениях.

31 декабря 1895 г. в германское дипломатическое ведомство поступило сообщение о вступлении в Трансвааль отряда под командованием управляющего южно-африканской компанией Джемсона. Генеральный консул Герф сообщал в Берлин, что президент Крюгер считает действия Джемсона разрывом Лондонской конвенции 1884 г. и рассчитывает на поддержку Германии и Франции. Консул просил защитить немцев, их жизнь и имущество. Выступление Джемсона консул назвал «гнусным разбоем». После получения этого сообщения статс-секретарь Маршалль срочно телеграфировал кайзеру и вместе с директором колониального отдела П. Кайзером прибыл к императору в Потсдам для обсуждения положения. Вильгельм согласился с решением направить один крейсер с 50 морскими пехотинцами для защиты немцев в Претории, второй крейсер должен был прибыть позже. После получения 1 января 1896 г. следующей телеграммы Герфа совместно с открытой телеграммой немцев в Претории, в которой они просили «немедленного вмешательства для предотвращения бесконечного бедствия и кровопролития», Маршалль вновь отправился в Потсдам, чтобы информировать кайзера [12, р. 871].

Из воспоминаний третьего германского канцлера Х. Гогенлоэ известно, что как раз в те дни не в последнюю очередь из-за очередного внутривластного кризиса Вильгельм II находился в таком сильном возбуждении и вел себя по отношению к военному министру В. Бронсарта так, что министру стоило большого труда не схватиться за шпагу: генерал сомневался «вполне ли нормально с головой у монарха» и «тревожился за будущее» [9, р. 151]. После поступления сообщения о событиях в Южной Африке кайзер обозвал С. Родса «неслыханным негодяем» и на сообщении сделал пометку: «Стало быть крупные биржевые дельцы затеяли ссору с немецкими евреями» [12, р. 872].

Как реагировало правительство Великобритании на рейд Джемсона? Еще 30 декабря министр колоний И. Чемберлен осудил акцию

и предписал возвращение его команды, как и наказание участвующих в рейде английских офицеров. 1 января посол Гатцфельд сообщал из Лондона после беседы с Солсбери, что у него сложилось убеждение: лондонское правительство не стоит за идеей Джемсона, и публичное отмежевание от него было искренним [4, p. 179]¹.

3 января 1896 г. кайзер в сопровождении трех адмиралов прибыл в резиденцию канцлера, где его ожидали канцлер Гогенлоэ, статс-секретарь Маршалль и П. Кайзер, Гольштейн находился в соседней комнате. «Обсуждался южно-африканский вопрос», отметил канцлер. И далее: «Маршалль предложил телеграмму Крюгеру, и это было принято. Затем обсуждение о возможной помощи бурам. Вызвали полковника Ф. Шеле и дали поручение отправиться в Южную Африку и там узнать, какую помощь можно было бы оказать бурам. Против этого были Гольштейн², П. Кайзер и Маршалль [9, p. 151]. Дневниковая запись Маршалля проливает больше света на принятие решения о пользующейся дурной славой телеграмме Крюгеру и дает представление, в какой обстановке принималось решение «ответственными» государственными людьми Гогенлоэ, Маршаллем, Гольштейном и П. Кайзером в присутствии монарха и трех адмиралов. Маршалль записал 3 января 1896 г.: «Около 10 часов конференция с его величеством, присутствовали еще имперский канцлер, Гольман (адмирал), Кнорр (адмирал) и Зенден (адмирал). Его величество развивал какой-то удивительный план – протекторат над Трансваалем, от чего я его тотчас отговорил. Мобилизация морской пехоты. Отправление войск в Трансвааль. И на возражение имперского канцлера: "Это была бы война с Англией" его величество сказал: "да, но только на суше". Затем решили послать Шеле в Трансвааль на рекогносцировку. Также злополучная мысль. Наконец, его величество по моему предложению направил приветственную телеграмму президенту Крюгеру» [12, p. 873]. Кайзер поздравил Крюгера с тем, что ему удалось отстоять независимость страны, не прибегая к помощи дружественной державы [6. Bd. 11. № 2610].

Крупнейший исследователь эпохи кайзеровской Германии английский историк Дж. Рель первым обратил внимание, что, поскольку телеграмма была составлена в личной форме и подписана лично Вильгельмом, в общественном мнении он с самого начала предстал как непосредственный виновник. Ряд историков разделяли и разде-

¹ Родс действовал при молчаливом попустительстве министра по делам колоний Д. Чемберлена. Чемберлен смог скрыть свою вовлеченность в дело. Родс помог ему, спрятав телеграммы, которые показывали, что министр по делам колоний погряз «по самую шею» в заговоре [2, с. 259–261].

² Гольштейн утверждал, что он протестовал, желая предостеречь кайзера от последствий [5. Bd.1. S. 184].

ляют это мнение. Рассудительные современники, как, например, исключительно информированная баронесса Х. Спитценберг и баварский посланник в Берлине граф Г. Лерхенфельд, считали ответственными за депешу ведущих деятелей Вильгельмштрассе, и новейшие исследования убедительно свидетельствуют, что Маршалль и Гольштейн уже перед 3 января совершили резкий поворот против Англии и из-за выступления Джемсона точно так же были возмущены и вполне были удовлетворены как и кайзер, воздействием поздравительной телеграммы Крюгеру [4, p. 178–179].

Изучать Трансваальский кризис следует и с точки зрения международного положения Германии конца XIX в., когда политика «нового курса» не укрепила позиции империи, а лишь усугубляла положение. Как свидетельствуют последние публикации, и внешнеполитическое ведомство Германии, и Вильгельм еще перед Трансваальским кризисом планировали создать своего рода Континентальную лигу между Тройственным и русско-французским союзами, чтобы преподать Англии урок и показать ее лидерам цену германской дружбы. Уже 30 декабря 1895 г. Маршалль записал в своем дневнике: «Гольштейн имеет план для новой политики против Англии»¹.

В конце 1895 г. Ф. Гольштейн разработал план, имевший целью изолировать Англию в Европе. Его появлению предшествовало разочарование неудачной политикой сближения с Англией, и советник вынужден был признать внешнеполитическое положение Германии «очень тяжелым». А «в настоящий момент для многих людей в Англии идея прямого соглашения с Россией очень заманчива» [7. Bd. 2. № 622–623]. Автор проекта, получившего название «Континентальная лига» [6. Bd. 11. № 2540. Записка Гольштейна 30.12.1895], твердо рассчитывал на успех. Для этого, полагал он, следует заинтересованным странам пообещать территории, которых они напрасно добивались в течение ряда лет. России, например, предоставить Корею, Франции пообещать Конго, Австро-Венгрии достаточно обещания России не беспокоить ее на Балканах. Гольштейн не забыл и германские интересы, но считал нецелесообразным их преждевременное разглашение. Советник в своем проекте не касался вопроса о судьбе Индии, Персии, Египта, будучи убежден, что до тех пор, пока Англия удерживает эти страны, она будет вынуждена, если не хочет отступить без сопротивления, снова сблизиться с Тройственным союзом. Едва прикрытое намерение установить главенствующую роль Германии на континенте – а это яв-

¹ О влиянии Гольштейна на внешнеполитический курс Германии см. [3].

лялось одной из главных целей проекта – осуществить не удалось¹. Трансваальский кризис поставил перед германской дипломатией другие проблемы, но он же наиболее выпукло обнажил как дефицит дипломатического искусства немецких лидеров, так и остроту нараставшего англо-германского антагонизма.

Еще перед появлением информации о вторжении Джемсона статс-секретарь Маршалль, которым овладели идеи Гольштейна, предупреждал английского посла сэра Ф. Ласкелса: если Англия переоценила антагонизм европейских держав и может позволить себе все, это расчет неверный, и однажды может найти почву идея, что континентальные державы договорятся и из английского «хорошо быть добрыми за чужой счет» англичане сами себя накажут. Когда с вторжением Джемсона Трансваальский кризис обострился, Гольштейн и Маршалль дали понять кайзеру, что поставить под сомнение независимость бурского государства рассматривалось бы как *casus foederis*. Маршалль 2 января в своем дневнике отметил: «Ситуация все еще зловещая. Если буры ударят, мы должны стать активными» [12, р. 874].

После получения первой телеграммы от консула Герфа, статс-секретарь поручил послу в Лондоне Гатцфельду официально запросить, одобряет ли правительство Солсбери рейд Джемсона. В случае необходимости он должен потребовать свой паспорт и порвать дипломатические отношения с Великобританией [8, р. 28]. Несмотря на уверенность Гатцфельда, что британское правительство искренне и публично дистанцировалось от Джемсона, Маршалль поручил Гатцфельду передать ноту с заявлением, «что мы протестуем против вторжения и не можем принять посягательств на независимость Трансвааля». Когда в тот же вечер в Берлин поступило сообщение о неудаче Джемсона, Маршалль инструктировал Гатцфельда: ультимативную ноту не передавать [12, р. 874].

Статс-секретарь и Гольштейн были согласны с публикацией депеши Крюгеру, что логично, поскольку главной целью официальной германской политики было проучить Англию, «что она в нас нуждается» [4, р. 181]. Итак, телеграмма была отправлена, и на Вильгельмштрассе торжествовали. «Радость по поводу англичан всеобщая», отметил в дневнике Маршалль. «Наша пресса превосходна, и даже тетушка Фосс [т. е. газета Фоссише Цайтунг – А.Г.] хо-

¹ В России еще до появления указанного плана сомневались в германо-французском сближении на антианглийской основе. «...Попытка германского правительства сблизиться с французским обречена на неудачу». (Чарыков – Гирсу 2/14 июня 1894 г.) Пометка министра: «Тем лучше» [1. Д. 17. Л. 394].

чет сражаться»¹. Пожалуй, лучше других чувства немцев в те дни выразила газета «National Zeitung» от 6 января, утверждавшая, что в Германии едва ли когда-либо за два предшествовавших десятилетия действия правительства в вопросах внешней политики получили всеобщее одобрение. С удовлетворением отмечали в Берлине «замечательно благоприятную реакцию французской прессы». Зато реакция английской заставила Маршалля усомниться в большом успехе германской дипломатии. Она была столь резкой, что министр выразил протест английскому послу. 11 января газета «Таймс» опубликовала статью об англо-франко-русском союзе против Германии. Маршалль принял это за «ужасное, но все же глупое сообщение» [12, р. 154]. В Берлине явно недооценили возможную реакцию Лондона на «дружественную» телеграмму. В Англии тем временем началась антигерманская истерия, германо-английские отношения достигли самой глубокой точки падения. Посол Гатцфельд информировал канцлера Гогенлоэ 5 февраля 1896 г., что газета «Globe» требовала от правительства не допустить германского вмешательства в дела Южной Африки, а «Daily Chronicle» – рассматривать Германию не как партнера, а как политического и экономического противника [4, р. 184–185].

19 января 1896 г. Маршалль был вынужден признать, что обе внешнеполитические цели, лекция для Англии и создание Континентальной лиги, потерпели неудачу. В Берлине попытались несколько модернизировать курс, прежде всего не делать более ставку на сближение с Францией; в вопросе о будущих отношениях с Англией существовала неопределенность и, как сообщал Маршалль своему будущему преемнику на посту министра иностранных дел Б. Бюлову в Рим, на первом плане стояли оборонительные соображения. Лишь кайзер считал международные позиции Англии слабыми, а следовательно, «придя в сознание», Англия сблизится с Тройственным союзом [4, р. 190]. В Берлине преобладал неоправданный оптимизм, угрозой международному положению страны пренебрегали, а на Вильгельмштрассе удивлялись озлобленной реакции британской общественности и особенно форме военной готовности. Недели спустя после депеши Крюгеру Гольштейн видел очевидное несоответствие, которое не мог объяснить. Он находил непостижимым, что резкое послание президента США Кливленда против английских интересов в Венесуэле не вызвало сопоставимой реакции [7, р. 1073].

¹ Особенно ликовали пангерманисты. Впоследствии, когда Вильгельм не принял президента Крюгера, в их глазах это выглядело чудовищной ошибкой. Из Дрездена анонимный автор писал канцлеру: «Это позор для Германии, что Крюгер не был принят кайзером. Какие жалкие политики сегодня в Германии! Страх перед Англией...» [13, р. 118].

Даже при известной сдержанности английских политиков в беседах с дипломатами других стран ими совершенно отчетливо выражалась мысль о фундаментальном значении Трансваальского кризиса для англо-германских отношений. Так, лорд Дюфферин, английский посол в Париже, охарактеризовал австрийскому дипломату Г. Лютцову телеграмму Крюгеру как «удар кулака, который Англия не сможет ни забыть, ни простить»¹ [4, р. 191].

Дипломаты других стран последствия кризиса видели в вероятности появления новой международной группировки держав.

Список литературы

1. Архив внешней политики России (АВПР). Ф. Канцелярия, 1894.
2. Брендон П. Упадок и разрушение Британской империи 1781–1997. – М., 2010.
3. Виноградов К.Б., Гостенков А.В. Дни и дела Фридриха Гольштейна // Новая и новейшая история. – 1984. – № 2.
4. Canis K. Von Bismark zur Weltpolitik. Deutsche Außenpolitik 1890 bis 1902. – Berlin, 1977.
5. Die Geheimen Papiere Friedrich von Holsteins. 4 Bd. – Göttingen, 1956–1963.
6. Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914. – Berlin, 1922–1927.
7. Ebel G. Botschafter Paul Graf von Hatzfeld. Nacligelassene Papiere 1838–1901. Boppard am Rhein, 1976.
8. Fesser Ohrfeige für England // Die Zeit. 1996. 5 Januar.
9. Hohenlohe-Schillingsfürst, Chlodwig Fürst zu. Denkwürdigkeiten der Reichskanzlerzeit. Stuttgart, 1907.
10. Nipperdey Th. Deutsche Geschichte 1866–1918. Bd. 2. – München, 1993.
11. Röhl I.C.G. Hg. Philipp Eulenburgs politische Korrespondenz. 3 Bd.
12. Röhl J.C.G. Wilhelm II. Der Aufbau der Persönlichen Monarchie. 1888–1900. – München, 2001.
13. Schilling K. Beiträge zu einer Geschichte des radikalen Nationalismus in der Wilhelminischen Ära 1890–1909. – Köln, 1968.

¹ Б. Бюлов, четвертый германский канцлер, за время своей карьеры сделавший очень много для ухудшения германо-английских отношений, оценил в 1914 г. депешу Крюгеру по своим последствиям как порез, «который оказался совершенно неизлечим» [4, р. 192].

История исследований оборонного потенциала ненасилия

В статье рассматривается история исследований ненасилия как средства обороны государства. В результате этих исследований было выяснено, что ненасильственные методы подрывают легитимность правительства противника, практически не представляют опасности для экологии, не приводят к распространению оружия массового поражения, позволяют снизить затраты на вооружённые силы, а также помогают добиться поддержки мирового сообщества.

The history of researches of nonviolence as a mean of a state defence is considered in the article. In the issue of these researches it was found out that nonviolent means undermine enemy government legitimacy, they are virtually ecologically safe, don't lead to mass destruction weapon spreading, make it possible to reduce military expenses, and help to achieve world community support.

Ключевые слова: ненасилие, оборона, гражданское сопротивление, общественная оборона, Грайндстоунский эксперимент, вторжение, оккупация.

Key words: nonviolence, defence, civil resistance, social defence, Grindstone experiment, invasion, occupation.

В современном политическом процессе важную роль играют ненасильственные акции, созданы и развиваются многочисленные организации, практикующие идеи ненасилия: «Международное братство примирения», «Комитет друзей мира», «Ненасильственные силы мира», «Международные бригады мира», «Центр имени Кинга», «Институт имени Альберта Эйнштейна», «Канадский фонд мира во всём мире имени Махатмы Ганди» и др. В 1989 г. был создан «Ненасильственный интернационал», – децентрализованная сеть, объединяющая тысячи активистов; проводится значительное количество международных научных конференций, посвящённых проблематике ненасилия. Различные движения («Фаслейн 365», «Оккупируй Уолл-стрит» и др.) также действуют в ключе принципиального ненасилия.

В третьей четверти XX в. получило распространение признание возможности использования ненасилия как методики сопротивления населения оккупационным войскам. В 1958 г. была опубликована книга британского офицера военно-морских сил и разведки Стивена Кинг-Холла «Оборона в ядерную эпоху», в которой утверждалось, что традиционная оборона с помощью вооружённых сил устарела. Автор книги призывал Британию к ядерному разоружению и к ис-

пользованию в случае вторжения войск противника ненасильственного сопротивления.

Опубликование данной книги открыло научное обсуждение вопроса о применимости ненасилия в обороне от внешней агрессии, хотя случаи таких действий (в основном спонтанных) были зафиксированы не единожды в течение военных конфликтов XX в. Тем не менее не всеми политическими деятелями и учёными признаётся возможность успешного ненасильственного сопротивления вторжению противника. Этим обусловлена цель данного исследования, заключающаяся в том, чтобы доказать возможность ненасильственного сопротивления войскам противника на основе научного осмысления опыта исследований данной проблемы, а также самого масштабного социального эксперимента, посвящённого данному феномену – «Грайндстоунского эксперимента». Для достижения поставленной цели необходимо выполнить ряд задач: проследить эволюцию взглядов на изучаемую проблему в научном мире до и после «Грайндстоунского эксперимента»; изучить ход и результаты эксперимента; проанализировать современные рекомендации по повышению эффективности ненасилия в обороне.

После постановки С. Кинг-Холлом вопроса о необходимости пересмотра стратегии обороны государства с целью перехода к ненасильственным методам защиты от агрессии различные авторы высказывали свою точку зрения на этот счёт. В частности, Р. Грегг в своей книге «Сила ненасилия», опубликованной в 1960 г., указывал на сходство ненасильственных и военных действий, обуславливающее возможность применения ненасилия в обороне. Он выделил восемь схожих характеристик ненасилия и войны: 1) наличие психологической и моральной составляющей цели и эффекта; 2) необходимость дисциплины в отношении как эмоциональной сферы, так и инстинктов; 3) влияние на моральный дух противника; 4) похожие принципы стратегии; 5) способность служить средством улаживания разногласий и конфликтов; 6) требование храбрости, энергии, способности сопротивляться страданиям и усталости, самопожертвования, самоконтроля, благородства, действия; 7) прямо выраженный эффект и действенность; 8) предоставление возможности послужить великой идее и обрести славу [4, р. 100]. «Ненасилие не позволяет избежать трудностей, страданий, ранений и даже смерти. Мужчины и женщины, прибегающие к нему, рискуют своей жизнью, состоянием и жертвуют всем, что у них есть. Но, тем не менее, возможность несчастных случаев и жертв намного ниже благодаря ненасилию, все жертвы добровольны, и никого не подталкивают к страданиям» [4, р. 100], – писал Р. Грегг. Именно

поэтому использование ненасилия предпочтительнее, чем военные действия.

В 1965 г. был проведён крупнейший эксперимент по применению ненасилия: на острове Грайндстоун в Канаде было смоделировано ненасильственное сопротивление военному вторжению. Два участника эксперимента – Т. Олсон, сотрудник Института мирных исследований в Осло, и Г. Кристиансен, председатель «Комитета ненасильственных действий» и член исполнительного совета «Братства примирения», проанализировали ход проведения и результаты эксперимента. По итогам данного исследования была написана книга «Тридцать один час: "Грайндстоунский эксперимент"». Причиной проведения эксперимента стала, по мнению исследователей, «возрастающая зависимость военных методов обороны от "политики выжженной земли" и устрашения ядерным оружием» [7, р. 3].

Для проведения эксперимента были отобраны 50 добровольцев, разного возраста (включая несколько детей в возрасте от двух до пятнадцати лет) различных политических взглядов и профессий. Некоторые из них были активистами правозащитных организаций, большая же часть обладала только теоретическими знаниями по ненасилию и общественной обороне. Группа «защитников» острова включала студентов, домохозяек, учителей, общественных работников, рабочих и детей. Согласно сценарию, большая часть Канады была оккупирована войсками, лояльными новому реакционному правительству, поддерживаемому Соединёнными Штатами. После ознакомления со сценарием, участники эксперимента были предоставлены сами себе с правом действовать по своему усмотрению.

До начала имитации вторжения члены группы, размещённые на острове, проводили различные совещания по поводу стратегии и тактики их действий, а также посвящённые решению различных организационных вопросов. Уже на этом этапе было выявлено слабое место «защитников»: в течение одной из частей совещания, посвящённой тактическим и стратегическим вопросам, «обсуждение переходило от планов разрушения систем водного и электроснабжения <...> через предложения дружелюбного приёма всех, кто высадится на острове, к планам по использованию тактики Ганди, социального бойкота и техник несотрудничества. <...> Ни один из этих советов и обсуждений не привёл ни к чему, близкому к групповому согласию» [7, р. 6]. Вторым недостатком, проявившимся сразу и, возможно, являющимся следствием неопытности участников, стала их беспечность: через некоторое время после брифинга они вернулись к своему обычному распорядку на острове вместо подготовки к вторжению. На следующем собрании была определена

стратегия, заключающаяся в сочетании разнородных тактических элементов: она включала как установку на братание с «солдатами противника», так и социальный бойкот, а также выражение морального осуждения [7, р. 6].

Вторжение началось на следующий день: 3 августа 1965 г., высадившись на острове, шестеро вооружённых солдат заняли центральное здание на острове, перекрыли входы и выходы и оцепили территорию. Защитникам, пытавшимся установить диалог, пришлось отойти, поскольку им угрожали применением слезоточивого газа. При этом не все пытались препятствовать солдатам, – силы защитников были разобщены. Это негативно сказалось на моральном климате среди них. Через некоторое время «оккупанты» сделали объявление, в котором говорилось, что жители острова находятся под арестом, а питание теперь можно будет получить только по продовольственным карточкам. После этого защитники вновь разделились: некоторые считали, что стоит игнорировать сообщения оккупантов, возвращая их непрочитанными, другие заявляли, что будут их читать.

Однако следующее объявление, призывающее обращаться в письменном виде к командующему сил вторжения, было сожжено. Но единство не было длительным: многие защитники отказались получать продовольственные карточки, однако некоторые (в основном матери с детьми) приняли их. Тем не менее психологический эффект от демонстративного голодания был достигнут: после нескольких приёмов пищи, во время которых часть защитников находилась в столовой или за её окнами, но не ела, некоторые из наблюдателей (в чьи обязанности входил анализ прохождения эксперимента) также отказались от приёма пищи. Работники кухни, нейтральные согласно правилам, также идентифицировали себя с защитниками, что вызвало конфликты с солдатами. После того как служащие кухни, не скрывающие симпатий к обороняющимся, совершили несколько попыток кражи еды, «оккупанты» вернули защитникам острова контроль над распределением запасов. Для поддержания морального духа обороняющиеся пели и устраивали частые собрания. Было решено не читать дальнейшие обращения захватчиков, что привело к тому, что командующий силами вторжения был вынужден лично сообщить свои требования. Согласно его заявлению, покинуть остров защитники могли лишь в случае вступления мужчин в армию «юнионистов» (как, согласно легенде, называлось новое правительство), женщин – в тыловые бригады и расселения несовершеннолетних на территории США.

Дальнейшие действия обороняющихся были довольно эклектичными: некоторые из них саботировали средства связи военных,

также было принято решение не готовить остров к приближающейся зиме, что привело бы к голоду и значительному ухудшению качества жизни для всех; кроме того, значительная часть защитников придерживалась курса на установление дружеских отношений с военными путём совместного времяпрепровождения под разными предложениями. Однако в силу различных причин установление дружественных отношений с оккупантами было наиболее проблемным направлением деятельности.

Затем, в середине второго дня оккупации, стратегическим комитетом была выработана стратегия, получившая название «Удушение любовью». Согласно манифесту, являющемуся выражением данной стратегии, юнионисты должны были разоружиться; все решения относительно жизни на острове должны приниматься в консенсусном порядке; комнаты, где размещены солдаты, сдаются им на платной основе. Кроме того, в манифесте было описано намерение защитников острова проводить ежедневную уборку на охраняемой территории. Также был избран символический акт, напоминавший всем жителям острова об их свободе, – ежечасный колокольный звон.

Манифест был принят защитниками с воодушевлением. Однако после первой попытки звонить в колокол «оккупанты» сняли и переместили его, а затем атаковали группу защитников во время их соборания слезоточивым газом, что являлось «последним предупреждением» перед стрельбой на поражение при дальнейших попытках обороняющихся отстаивать свою независимость. В 19:10 манифест защитников был представлен оккупантам, на что они ответили заявлением о том, что будут стрелять на поражение при признаках «мятежа» или «агрессии». Жители острова решили, что оставление попыток звонить в колокол будет означать то, что они сдаются, и один из них попытался сделать это в 21:00. Он был «убит» одним из юнионистов (что, по правилам эксперимента, означало его перевод в отдельное здание в другой части острова, куда был воспрещён вход всем остальным), остальные защитники, пришедшие с ним, были атакованы слезоточивым газом.

Некоторые из защитников острова плакали, большинство замкнулось в себе, находясь в подавленном настроении, одна женщина просила наблюдателей остановить эксперимент, однако они решили, что психологический вред защитникам не нанесён, и они могут быстро оправиться от потрясения. Юнионисты в то же время приняли решение не «убивать» одновременно более четырёх защитников, используя против остальных газ, чтобы не допустить массового расстрела (поскольку массовое истребление населения означало бы неэффективный захват территории, – некому было бы её обслу-

живать, что привело бы к экономическому упадку острова). Командующий в своих записях отмечал, что после инцидента ему стало сложнее контролировать подчинённых.

Защитники острова решили, что если они отступят и не выйдут в 10:00, они полностью потеряют инициативу, и в 10:00 женщина из числа обороняющихся вошла в охраняемую зону, где обратилась к офицеру с обличением. Он «убил» её, после чего остальные защитники также вошли в эту зону, где были «застрелены». На протяжении всего инцидента военные атаковали защитников слезоточивым газом, но это их не останавливало. Последнего из вошедших в запретную зону ненасильственно обороняющихся после его минутной речи застрелил командующий войсками вторжений. Наблюдатели начали срочное совещание, во время которого «выжившие» защитники были подавлены и не предпринимали никаких дальнейших действий. 4 августа в 10:05 после «убийства» 13 защитников острова по решению наблюдателей эксперимент был остановлен.

Уже через несколько минут большинство защитников оправилось от потрясения; обсуждение вернулось в нормальное русло. «Юнионисты» присоединились к защитникам при первой же возможности, как только переоделись в гражданскую одежду, поскольку также были морально подавлены развитием событий и своей ролью в них. Через некоторое время защитники преодолели негативное отношение к своим оппонентам.

Во время последующих обсуждений эксперимента его участниками были сделаны следующие выводы.

1. Юнионисты отметили способность защитников к групповому принятию решений, несмотря на отсутствие группового согласия и чётко выработанной стратегии, которой они следовали бы без отступлений.

2. По словам бывших «захватчиков», они готовы были прекратить использование продовольственных карточек, если бы защитники продолжали в течение некоторого времени тактику голодовок.

3. С точки зрения юнионистов, оборонявшиеся неправильно выбрали канал коммуникации: бывшие «оккупанты» сошлись во мнении, что взаимопонимания было бы достигнуто проще, если бы защитники передали своё последнее заявление не демонстративно в форме манифеста, а посредством официальной бюрократической структуры военных, поскольку контекст препятствовал правильному восприятию содержания послания.

По итогам обсуждения эксперимента был сделан вывод о наличии «постоянных процедурных упущений, оказавшихся настолько фатальными для защитников» [7, р. 15].

Ещё один вывод, сделанный при дальнейшем совместном обсуждении эксперимента всеми его участниками, заключался в том, что ненасилие и общественная оборона несовместимы, поскольку последняя затрудняет коммуникацию и, следовательно, не является ненасильственной. Однако с точки зрения прагматического подхода к изучению феномена ненасилия, характерного для Дж. Шарпа, П. Паркмэна, Р. Л. Хелви и др., ненасилие не обязательно направлено на коммуникацию с оппонентом. Кроме того, в некоторых исследованиях понятия «ненасильственная оборона» и «общественная оборона» выступают в качестве синонимов [5].

Также следует отметить, что проведение данного социального эксперимента показало, что нейтральные наблюдатели довольно быстро переходят на сторону ненасильственно обороняющихся. Это важно, поскольку, согласно утверждению А. Шмида, расстановка сил на международной арене и реакция иностранных политических акторов является ключевым фактором, определяющим эффективность ненасильственного сопротивления [9, p. 50–72].

Грайндстоунский эксперимент показал возможность ненасильственной обороны против военной агрессии, поскольку юнионисты не смогли установить эффективный контроль над островом и добиться выполнения своих требований защитниками. Тем не менее следует признать, что, согласно результатам эксперимента, такая стратегия сложна для населения и сопряжена с потерями среди гражданских лиц. Эксперимент не стал завершающим этапом в изучении ненасилия как средства обороны: в политической науке продолжились исследования данной проблемы, продолжающиеся и в настоящее время.

В 1983 г. Дж. Шарпом был основан «Институт имени Альберта Эйнштейна» с целью изучения ненасилия исходя из прагматических целей. Усилиями сотрудников данного учреждения, а также его основателя было написано множество работ на тему ненасилия в обороне. Дж. Шарп сделал вывод о том, что ненасильственное сопротивление военной оккупации является наиболее эффективным методом противодействия, доказывая это в опубликованной им в 1985 г. книге «Делая Европу непобедимой». В данной работе описан гипотетический сценарий, согласно которому на территорию небольшого европейского государства вторгаются советские танки, возглавляя вторжение. Посредством тайных правительственных радиостанций начинается призыв к всеобщей забастовке; закрываются предприятия, регулярно происходят акты промышленного саботажа, эксперты скрываются, каналы связи и транспортная система не функционируют. Правительство, по мысли Дж. Шарпа, должно функционировать подпольно. Проявление насилия по отно-

шению к мирному населению деморализует солдат, что ведёт к падению морального духа и дезертирству. В итоге цена продолжения оккупации превышает возможную выгоду, и территория государства освобождается.

Следует отметить, что Дж. Шарп работал над созданием эффективной стратегии и тактики ненасильственной обороны ещё до основания «Института Альберта Эйнштейна». К примеру, ещё в 1980 г. в статье «Делая ликвидацию войны реалистичной целью» он описывал в качестве альтернативы обороне военными средствами такой метод, как общественная оборона – «ненасильственные действия с целью сохранить общественную свободу, независимость и конституционную систему от внутренней узурпации и внешнего вторжения или оккупации» [10, р. 8]. При этом автор статьи не делает основной акцент на ненасильственной трансформации взглядов противника. Эффективная общественная оборона, по мнению Дж. Шарпа, основана «не только на попытках изменить волю нападающего, но и на способности сделать невозможными эффективный контроль и доминирование путём массового и личного несотрудничества и неповиновения со стороны населения и институтов государства» [10, р. 9].

В 1985 г. Алекс Шмид в своей работе «Общественная оборона и советская военная мощь» сделал следующие выводы, ограничивающие, по его мнению, применение ненасилия в условиях иностранной оккупации:

- общественная оборона имеет место только на национальном уровне, а не на локальном или транснациональном;
- у неё отсутствует атакующий потенциал;
- она должна использоваться в условиях, когда не происходит значительных трансформаций общества.

Кроме того, А. Шмид указывал на то, что СССР был защищён от культурного и информационного проникновения потенциальных противников.

Вывод, сделанный А. Шмидом, заключается в отведении общественной обороне дополняющей роли по отношению к вооружённому сопротивлению. Более важным фактором, по мнению данного исследователя, является не выбор методики – насилия или ненасилия, а расстановка сил на международном пространстве.

Б. Мартин, возражая против доводов А. Шмида, указывает на то, что такие ненасильственные методы, как радиовещание, визиты активистов, бойкоты, ненасильственная интервенция (осуществляемая, к примеру, «бригадами мира»), могут носить атакующий, а не оборонительный характер.

Также в качестве контраргумента против заявления о культурной и информационной непроницаемости любого государства следует принять тот факт, что в настоящее время вероятность единомыслия в рядах оппонента незначительна. Следовательно, практически всегда можно найти адресата ненасильственных акций, восприимчивого к влиянию путём ненасилия. На этом принципе в настоящее время основана деятельность многих ненасильственных организаций (например, «Международного братства примирения», устанавливающего «дружбу за кулисами» между народами США и Ближневосточных государств).

В современных исследованиях оборонного потенциала ненасилия используется термин «гражданское сопротивление» (*civil resistance*). По мнению английского исследователя ненасилия доктора Майкла Рэндела, «массовое гражданское сопротивление, направленное на достижение различных целей, стало влиятельной силой в XIX в. <...> и сыграло ключевую роль в борьбе против колониального правления, диктатуры, переворотов и иностранной оккупации в наши дни» [8, р. 13]. Тем не менее чаще всего данный термин используется для обозначения сопротивления населения угрожающим ему силам иностранного вторжения или сторонникам государственного переворота [3, р. 10; 5, р. 11].

Как отмечает М. Рэндел, «гражданское сопротивление расценивалось его сторонниками, по крайней мере в перспективе, как альтернатива войне и вооружённой обороне» [8, р. 15]. С одной стороны, по мнению исследователя, «до сих пор ни в одном государстве не считается целесообразным полагаться в обороне только на способность граждан противостоять вторжению, оккупации или перевороту ненасильственными методами» [8, р. 15]. Но, с другой стороны, «продемонстрирована возможность гражданского сопротивления служить функциональным эквивалентом войны» [8, р. 15], – считает М. Рэндел. Исследователь ссылается на эпизод массового сопротивления в Чехословакии в 1968 г., а также на то, что ещё в 1986 г. Швеция, а также, в конце XX в., некоторые другие европейские государства, в особенности страны Балтии, утвердили гражданское сопротивление в качестве дополнительного средства обороны [8; 11].

Также в качестве случаев удачного ненасильственного сопротивления военной агрессии обычно отмечаются: падение путча Э. Каппа против Веймарской республики в 1920 г., немецкое сопротивление французской и бельгийской оккупации Рурской области в 1923 г., Датское сопротивление нацистской оккупации, противостояние режиму Квислинга и оккупации в Норвегии, крах восстания Алжирских генералов в 1961 г. Ненасильственное сопротивление

нацистским оккупантам также имело место в Нидерландах, и, как отмечает Б. Мартин, это послужило признанию этим государством ненасилия одним из средств обороны против внешней агрессии.

В результате множества случаев успешной ненасильственной борьбы против оккупации произошло включение этой методики в той или иной форме в военные доктрины различных государств. Одним из примеров является наличие в числе невоенных средств обороны Российской Федерации такого средства, как общественная оборона – «сдерживание и изгнание агрессоров ненасильственным сопротивлением» [2], за что отвечают Совет безопасности, Минобороны, Минобрнауки, общественные организации самообороны. Б. Мартин характеризует общественную оборону как «основанную на ненасильственных действиях, таких как забастовки, бойкоты, демонстрации и создание параллельного правительства» [6]. Действиям подобного рода отводится дополнительная по отношению к вооружённому сопротивлению роль в противостоянии военной агрессии.

Кроме того, учитывая закрепление в международных правовых нормах, а также в законах и подзаконных актах различных государств предпочтения невоенных методов разрешения международных конфликтов, можно прогнозировать возрастающую роль ненасилия как стратегии и тактики сопротивления военной агрессии. Ещё Куинси Райт писал, что современное международное право осуждает применение силы как во внешней сфере, так и в разрешении внутренних конфликтов, приводя в пример Устав ООН, запрещающий применение силы и угрозу её применения в любом случае, кроме решения Совета Безопасности ООН либо самообороны.

Преимуществом ненасилия как средства обороны государства является то, что ненасильственные действия, в отличие от вооружённого сопротивления, будучи направленными на население враждебного государства, подрывают в нём легитимность правительства. Военные действия против государства, как правило, способствуют сплочению его населения. Кроме того, «даже в противостоянии внешней агрессии применение ненасилия призвано возбудить в агрессоре если не понимание и сочувствие, то эмпатию, деморализовать солдат противника, заставить их поверить в правоту сопротивляющихся» [1].

Ещё одним преимуществом ненасилия перед опорой на военную мощь является ряд негативных последствий второго: опасность распространения оружия массового поражения, милитаризация экономики, ущерб гражданским правам и свободам при разрастании военной машины.

Б. Мартин выделяет следующие условия, повышающие эффективность сопротивления военному вторжению, в особенности при использовании ненасилия в качестве оборонительной стратегии: 1) создание децентрализованной энергетической системы, использующей новейшие виды ресурсов, при сокращении импорта энергии; 2) противодействие расизму, иным формам дискриминации, а также сглаживание других возможных расколов общества и неравенства; 3) повышение уровня участия рядовых сотрудников в управлении предприятиями с целью децентрализации менеджмента [6].

Подводя итог, можно отметить, что количество проводимых исследований ненасильственной обороны государства было наибольшим в конце XX в., однако такие исследования ведутся и в настоящее время. Ненасильственная оборона, именуемая также «общественной обороной» и «гражданским сопротивлением», признана многими учёными эффективным дополнением вооружённому сопротивлению военной агрессии. Это нашло отражение также в военных доктринах различных государств. Таким образом, можно прогнозировать дальнейшее повышение роли ненасильственных средств обороны государства.

Список литературы

1. Апресян Р.Г. Ненасилие – от идеи к практике [Электронный ресурс]. [1996]. – URL: <http://biblionmd.tripod.com/civ/02.1> (дата обращения: 13.01.2012).
2. Капто А.С., Серебрянников В.В. Невоенные средства оборонной безопасности России [Электронный ресурс]. [2000]. – URL: http://kp62iww.narod.ru/Nowar_defense.htm (дата обращения: 10.01.2012).
3. Belcevic N., Nenadic D. From Social Movement To Political Organisation; the case of Otpor. – Coventry, 2006.
4. Gregg R.B., The Power of Nonviolence. Hartford, Greenleaf Books, 1960.
5. Holst J. J. Civilian-Based Defense in a New Era. Cambridge: The Albert Einstein Institution, 1990.
6. Martin B., Review of "Social Defence and Soviet Military Power" [Электронный ресурс]. [1988]. – URL: <http://www.bmartin.cc/pubs/88BRnvt1.html> (дата обращения: 07.01.2012).
7. Olson T., Christiansen G., Thirty-one Hours: The Grindstone Experiment. – Toronto: Canadian Friends Service Committee, 1966.
8. Randle M. Civil Resistance. – Fontana, 1994.
9. Schmid A. P., Social Defence & Soviet Military Power. – Leiden, 1985.
10. Sharp G. Making the Abolition of War a Realistic Goal. Cambridge: The Albert Einstein Institution, 1980.
11. VanHise J. Civilian Resistance in Czechoslovakia [Электронный ресурс]. [1997]. – URL: <http://www.fragmentsweb.org/TXT2/czechotx.html> (дата обращения: 12.01.2011).

УДК 94(470.23-25).084.8

М. И. Фролов

Вклад ленинградских ученых в создание и развитие военной техники, вооружения и в обеспечение жизни населения блокированного Ленинграда (1941–1944 гг.)

В статье раскрывается деятельность ученых Ленинграда, развитие науки в интересах обеспечения нужд фронта и жизни города в условиях тяжелейшей блокады. Показаны основные достижения ленинградских ученых в решении этих задач.

The author describes the activities of scientists of Leningrad, the development of science in order to ensure the needs of the front and the life of the city in the conditions of a severe blockade. The article shows the main achievements of Leningrad scientists in solving these problems.

Ключевые слова: научно-исследовательские институты, высшие учебные заведения, лаборатории, блокада, наука, Академия наук.

Key words: scientific-research institutes, higher educational institutions, laboratories, the blockade, the science, the Academy of Sciences.

До войны Ленинград являлся одним из крупнейших промышленных и научных центров. В городе было более 100 научно-исследовательских институтов, находившихся в подчинении различных отраслевых народных комиссариатов. После переезда в 30-е гг. прошлого века Академии наук в Москву Ленинград продолжал оставаться вторым после столицы центром академической науки. Общая численность ленинградских академических учреждений достигла 33, среди них 12 институтов, 3 отделения институтов, 1 обсерватория, 3 самостоятельных лаборатории и другие научные учреждения. В систему академических учреждений города входили такие институты, как Физико-технический, Радиевый, Химической физики и др. Общее число научных работников в Ленинграде до начала войны превышало 10 тыс. чел. [7, с. 23, 24].

Быстрое продвижение немецких войск вынудило провести эвакуацию части научно-исследовательских учреждений, конструкторских бюро и вузов. Однако недооценка военно-политическим руководством страны возможности выхода противника к Ленинграду

и его окружения привела к существенным просчетам в проведении эвакуации и в подготовке города к экстремальным условиям деятельности. Только 11 июля 1941 г., когда бои уже шли на дальних подступах к городу, Государственный Комитет Оборона решил эвакуировать из Ленинграда на восток 80 заводов и 13 центральных конструкторских бюро. Решения, предусматривавшего эвакуацию НИИ и вузов в первые недели войны, не последовало. В осажденном городе осталась значительная часть научно-исследовательских учреждений, большая часть учреждений и сотрудников Академии наук СССР.

Оказавшись в невыносимо тяжелых условиях блокады, ученые НИИ и вузов, конструкторских бюро внесли огромный вклад в организацию обороны города. С первых дней войны научно-исследовательские учреждения, вузы города перестраивали свою деятельность в интересах фронта. Их творческая мысль способствовала выполнению промышленностью военных заказов, созданию новых образцов военной техники, помогала населению бороться с голодом и болезнями.

23 июля 1941 г. Президиум Академии наук СССР наметил мероприятия, обеспечивавшие перестройку всей работы в условиях военного времени [18, с. 139]. Группа членов Президиума, находившихся в Ленинграде, занялась реализацией этого решения применительно к ленинградским учреждениям АН СССР. В эту группу вошли академики И.И. Мешанинов, Л.А. Орбели, П.И. Степанов. В контакте с ними работала и Комиссия по делам ленинградских учреждений АН СССР, которой руководили академики С.А. Жебелев и И.Ю. Крачковский [12, с. 17, 18].

5 июля 1941 г. в газете «Ленинградская правда» было напечатано обращение к ученым Ленинграда. Среди подписавших это обращение были академики И.И. Мешанинов, А.А. Байков, В.В. Струве, А.А. Ухтомский, А.Е. Фаворский и другие известные ученые [18, с. 139]. Они призывали своих коллег «...разрабатывать только те темы, которые необходимы делу обороны страны, которые принесут быструю реальную помощь фронту, с тем истинным энтузиазмом, на который способны советские ученые [10, с. 56]. Это обращение очень точно передавало то патриотическое настроение, которое было у ученых Ленинграда, и задачи, которые перед ними были поставлены. Во главу угла ставились работы, носившие прикладной характер и позволявшие решать задачи военного командования [18, с. 139–140].

25 июля 1941 г. при Ленинградском горкоме партии была создана комиссия по реализации оборонных изобретений под председательством академика Н.Н. Семёнова. В ее состав вошли видные

ученые – академики Б.Г. Галеркин, А.Ф. Иоффе, член-корреспондент АН СССР М.А. Шателен, профессора Я.Б. Зельдович, Ю.Б. Харитон, заместитель директора Государственного института прикладной химии М.Е. Позин, директор Центрального котлатурбинного института Н.Г. Никитин и др. При активном участии Комиссии, действовавшей на протяжении всего периода блокады, было создано много новых приборов и различных образцов новой техники.

Только за первые месяцы работы Комиссия рассмотрела 847 оборонных изобретений. В Ленинграде были предложены: прицел для ночного бомбометания У-2, прицел для штурмовика Ил-2, позволяющий вести стрельбу по наземным и воздушным целям из пулеметов, пушек и реактивными снарядами, граната Ф-1 с реактивной рукояткой, позволяющей поражать цели на расстоянии до 250 м и т. д. [4, с. 74–75]. С июля по декабрь 1941 г. штаб фронта принял к реализации 422 изобретения и рационализаторских предложений, 78 из них относилось к артиллерии, 95 – к бронетанковой и автомобильной технике, 84 – к средствам связи [6, с. 283].

Немало было сделано уже в первые дни войны. 13 июля 1941 г. группу ученых-химиков вызвали в Смольный, где с ними беседовали руководители обороной Ленинграда К.Е. Ворошилов и А.А. Жданов. Требовалось срочно разработать новую зажигательную смесь, необходимую для уничтожения фашистских танков. Сложное задание было выполнено учеными Сланцевого института и Института прикладной химии, создавшими в крайне сжатые сроки легковоспламеняющиеся жидкости для борьбы с танками. Сотрудники кафедры общей химии Текстильного института им. С.М. Кирова под руководством профессора П.А. Якимова за 20 дней сумели создать новую систему запала для зажигательных бутылок, обладающую высокими боевыми качествами. Эти запалы не боялись влажности, отличались простотой устройства и нашли широкое применение в действующих частях Ленинградского фронта [14, с. 132].

Группа ученых во главе с профессором Горного института А.Н. Кузнецовым завершила разработку нового вида взрывчатки с условным названием «Сигнал», в состав которой входила селитра и древесные опилки. Коллектив инженеров под руководством профессора Б.М. Аша сконструировал газогенераторную батарею для обогрева блиндажей, а коллектив Астрономического института готовил навигационные материалы летчикам и морякам.

В вузы города шел активный поток предложений от ученых, направленных на оказание помощи фронту. В Институте инженеров железнодорожного транспорта только в первые месяцы войны были поданы десятки предложений, из которых 40 наиболее ценных пе-

реданы в действующую армию и на железнодорожный транспорт. В мастерских Химико-технологического института имени Ленсовета в течение первого полугодия войны было освоено производство 30 оборонных изделий.

Ученые Политехнического института разработали незамерзающие смеси для радиаторов машин. Когда в Ленинграде осложнилось снабжение металлургии углем и коксом, профессор В.М. Андреев разработал методику плавки чугуна на смеси кокса и торфа. В лабораториях этого и Физико-технического института под руководством члена-корреспондента АН СССР М.А. Шателена было налажено производство селеновых выпрямителей в военных целях [13, с. 49–51]. В производственных мастерских и лабораториях Лесотехнической академии изготовлялось более 20 видов оборонной продукции: радиостанции, измерительные приборы – индикаторы, артиллерийские предикаторы, деревянные корпуса для противотанковых мин и многое другое.

С первых дней войны активно включился в выполнение заказов фронта Ленинградский государственный университет – ведущая научная организация в городе. В составленный в первые недели войны план научных исследований ЛГУ было включено 204 темы оборонного характера. Профессор университета академик В.А. Фок и его сотрудники занимались составлением таблиц для стрельбы из минно-торпедных аппаратов, вели работу по конструированию оптических приборов для летчиков и подводников, по охлаждению и вентиляции боевых машин. На химическом факультете под руководством академика А.А. Байкова работала специальная комиссия, занимавшаяся вопросами производства вооружения и боеприпасов, исследованием трофейных материалов. В специальной мастерской, созданной для этих целей, работали около 100 профессоров, преподавателей и студентов. Бригада химиков под руководством профессора И.И. Жукова была занята созданием новых средств для пропитки тканей против стойких отравляющих веществ, приготовлением эластичных смазок, делала анализы металлов и сплавов [15, с. 351]. К ноябрю 1941 г. ученые университета выполнили свыше 100 научно-исследовательских работ оборонного значения, и в последующие военные годы они решали важные оборонные задачи.

Одним из важнейших достижений ленинградских химиков стало создание средства, позволившего спасти город от массированных пожаров. Лаборатория Государственного института прикладной химии (заведующий – А.И. Заславский) разработала смесь суперфосфата с водой, защищавшую дерево от возгорания. С Невского химкомбината суперфосфат доставили во все районы города. За месяц сотни тысяч жителей Ленинграда покрыли огнезащитным со-

ставом 90 % всех чердачных перекрытий, стропил, деревянных строений и спасли дома от пожаров [15, с. 355].

В Ленинграде продолжали работать лаборатории Физико-технического института АН СССР, которыми руководил П.П. Кобеко. Сотрудники этого института в Ленинграде и в Кронштадте трудились над проблемой защиты кораблей Военно-морского флота СССР от бесконтактных магнитных мин. С начала войны эта задача была поручена группе сотрудников института, в которую входили В.М. Тучкевич, Н.Л. Писаренко, И.М. Шмушкевич, С.Я. Никитин [16, с. 28–40].

После эвакуации Радиевого института, оставшаяся в Ленинграде группа ученых под руководством профессора А.Б. Вериго наладила производство светосоставов, необходимых для изготовления приборов кораблей, основанных на принципе использования светящихся красок. Применение светящихся красок на кораблях Военно-морского флота явилось одним из средств повышения боеспособности кораблей в ночных условиях и аварийной обстановке [12, с. 52].

Труд, творческая мысль ученых города в первые месяцы войны были настолько напряжены, что академик А.Ф. Иоффе писал в 1942 г.: «...Нигде, никогда я не видел таких стремительных темпов перехода научных идей в практику, как в Ленинграде в первые месяцы войны...» [11].

Серьезной проблемой для осажденного города было обеспечение питанием ленинградцев. Небольшие запасы продовольствия в Ленинграде быстро истощались, а его доставка была сопряжена с колоссальными трудностями. Ученые напряженно работали над тем, чтобы улучшить снабжение населения, для которого хлеб стал основным продуктом питания. Чтобы сэкономить скудные запасы муки, с осени 1941 г. при выпечке хлеба стали применять всевозможные примеси. В ленинградском порту с довоенного времени скопилось большое количество целлюлозы, заготовленной для бумажных фабрик.

Поистине неоценимо патриотическое свершение сотрудников Лесотехнической академии, осуществленное во имя спасения голодающего населения блокированного города. Это создание пищевых заменителей. Под руководством профессора В.И. Шаркова была разработана технология гидролиза целлюлозы для превращения ее в пищевой продукт. Из последних сил работали ученые над проектированием гидролизных установок. В конце ноября 1941 г. пищевая целлюлоза начала поступать на хлебозаводы. Ее производство было организовано на одной из кондитерских фабрик, ликероводочном заводе, пивоваренном заводе имени Степана Разина, гидролизном заводе.

За годы блокады ленинградские предприятия выработали около 16 тыс. т пищевой целлюлозы. По предложению профессора В.И. Шаркова и М.Я. Колюжного из той же целлюлозы стали изготавливать белковые дрожжи, для выпуска которых на ряде предприятий города были созданы специальные установки. Только одна кондитерская фабрика в блокадный период изготовила 1156 т белковых дрожжей, наладив ежедневный выпуск из них 20 тыс. блюд. Всего же за годы войны ленинградские предприятия произвели 3447 т белковых дрожжей, что помогло в значительной мере спасти от цинги и смерти десятки тысяч ленинградцев. Пережившие голодную блокаду, так и не забыли специфического горького вкуса дрожжевого супа, одного из самых распространенных и доступных блюд в столовых города-фронта. В ноябре 1942 г. Президиум Верховного Совета СССР наградил В.И. Шаркова орденом Трудового Красного Знамени «...за образцовое выполнение заданий правительства по снабжению продуктами питания Красной Армии и ВМФ...» [8, с. 460].

В качестве примесей к муке ученые предложили и другие заменители. Всего за годы блокады хлебопекущие заводы Ленинграда получили более 26 тыс. т различных заменителей и примесей, что позволило дополнительно выпечь около 50 тыс. т хлеба. Это был, естественно, некачественный хлеб, но он помог обеспечить минимальные нормы выдачи хлеба в критический период блокады [12, с. 121].

Сотрудники научно-исследовательской лаборатории пищевой гигиены 1-го Медицинского института, Педиатрического института и других научных учреждений успешно решили проблему извлечения питательных веществ из сои. Они научились получать молоко, молочнокислые продукты, шрот. Разработанная учеными Физико-технологического института технология обеспечила возможность получения пищевого молока из различных лакокрасочных продуктов [12, с. 121–122]. В Институте холодильной промышленности велись крупные исследования по получению дрожжей из древесины для изготовления питательной среды. Коллектив института проделал большую работу по ферментации хлеба и передачи этой методики в производство. В лабораториях института разрабатывался метод добывания витамина «С» из хвои для применения его нейтрализующего средства при применении отравляющих веществ.

Вся работа медиков-исследователей была подчинена нуждам фронта и медико-санитарного обслуживания ленинградцев. Военно-медицинская тематика стала ведущей в исследовательской деятельности научных учреждений медицинского профиля. В Ленинградском институте переливания крови изготавливали противошоковый раствор, получивший широкое применение. Кол-

лектив Ленинградского филиала Всесоюзного института экспериментальной медицины провел очень важную для медицинской науки работу – комплексное исследование патогенеза алиментарной дистрофии, а Институт вакцин и сывороток обеспечил потребность войск фронта и органов здравоохранения города в бактериологических препаратах [5, с. 102, 109, 111]. В 1-м Медицинском институте особое внимание уделялось изучению методов лечения алиментарной дистрофии, новых источников получения витаминов и дополнительных пищевых ресурсов. Много сделали в борьбе с дизентерией и сыпным тифом коллективы 2-го Медицинского института и Санитарно-гигиенического института. Колоссальную работу провели медики по предупреждению эпидемий в городе.

Была усилена разработка вопросов, связанных с лечением раненых, контуженных, с противозидемической защитой. В Ленинградском государственном университете академик А.А. Ухтомский начиная с июля 1941 г. со своими сотрудниками разрабатывал в Физическом научно-исследовательском институте университета проблему травматического шока, имевшую большое значение для спасения жизни раненых [8, с. 461]. Химическая лаборатория Лесотехнической академии наладила выпуск хлороформа, применявшегося в госпиталях для наркоза, а также витамина и лечебного каротина из хвои, получивших весьма положительную оценку при лечении ранений, ожогов и обморожений [17, с. 166].

Результаты исследований в медицинской науке обсуждались на возобновившихся с мая 1942 г. заседаниях научных обществ, общегородских конференциях. Вышло семь выпусков сборника «Работа ленинградских врачей в годы Великой Отечественной войны». Публиковали свои работы сотрудники медицинских вузов. Летом 1944 г. увидел свет сборник «Ученые записки 1-го ЛМИ», коллективная монография под редакцией профессора М.В. Черноруцкого «Алиментарная дистрофия в блокированном Ленинграде» [2, с. 131].

В годы войны одно из самых тяжелых испытаний выпало на долю ленинградцев. Ученые города вместе со всем населением прошли через муки и страдания блокадного ада, голод и холод. Во время блокады умерли 470 сотрудников ленинградских академических учреждений [9, с. 28]. В Ленинградском филиале Всесоюзного института экспериментальной медицины погибло от голода 70 научных работников. В Политехническом институте умерло и погибло от бомбардировок более 300 чел. Институт инженеров железнодорожного транспорта потерял 27 % от общего числа профессоров и преподавателей вуза. За блокадные годы ленинградская высшая школа потеряла более четверти своего профессорско-преподавательского состава [13, с. 54].

Высокое чувство патриотизма, преданность своей профессии помогли сотрудникам НИИ, конструкторских бюро, вузов и других научных учреждений выстоять в борьбе с фашизмом. Весь свой талант, знания и опыт отдали они защитникам города, всем ленинградцам, боровшимся с безжалостным врагом. Их выдающийся труд в период блокады Ленинграда – одна из самых героических страниц в истории нашей науки.

Список литературы

1. Блокада рассекреченная. – СПб., 1995.
2. Бякина В.П., Качалова В.Г. Медицинская наука в годы Великой Отечественной войны // 60-летие победы СССР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 г.г.: материалы межвуз. науч. конф. – СПб., 2005.
3. Гладких П.Ф. Здравоохранение блокированного Ленинграда. – Л., 1981.
4. Дзенискевич Р.А. Фронт у заводских стен. Малоизученные проблемы обороны Ленинграда. 1941–1944. – СПб., 1998.
5. Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде. Историко-медицинский аспект. – СПб., 2001.
6. История ордена Ленина Ленинградского военного округа. – М., 1971.
7. Каресев А.В. Ленинград в годы блокады. 1941-1943. – М., 1959.
8. Кольцов И. Вузовская наука Ленинграда в годы Великой Отечественной войны // Пока сердца стучаться, помните! – Общество «Знание» Санкт-Петербурга и Ленинградской области, 2011.
9. Ленинградская наука в годы Великой Отечественной войны. – СПб., 1995.
10. Ленинградская правда. – 1941. – 5 июля.
11. Наука и жизнь. – 1965. – № 5.
12. Соболев Г.Л. Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. – Л., 1966.
13. Соболев Г.Л. Ученые Ленинграда в борьбе с голодом // Материалы междунар. конф., посвящ. 65-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне и 50-летию открытия Пискаревского мемориального комплекса. – СПб., 2010.
14. Сражались, работали, учились. Вузы Ленинграда в годы войны и блокады. – СПб., 1994.
15. Страницы героического труда химиков в годы Великой Отечественной войны. – М., 1959.
16. Судариков А.М. Химики и другие ученые Ленинграда – блокадному городу и фронту // Освобождая блокадный Ленинград: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – СПб., 2009.
17. Тучкевич В.М. О защите кораблей ВМФ от немецких бесконтактных магнитных мин // Физико-технический институт в годы Великой Отечественной войны. – СПб., 2006.
18. Фролов М. И. «Салют» и «реквием». Героизм и трагедия ленинградцев 1941–1944. – СПб., 2004.
19. Цамутали А.Н. Культурная и научная жизнь в Ленинграде // Ленингр. эпопея. – СПб., 1995.

УДК 94(470+571.6)"18-19"

Е. В. Польская, С. М. Стасюкевич

Частная собственность на землю на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX века¹

В статье раскрываются правовые, экономические и социально-психологические аспекты процесса формирования частной собственности на землю. Авторы оспаривают традиционное мнение о господстве общинного землевладения на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX в.

The article describes the legal, economic, social and psychological aspects of the formation of private land ownership. The authors challenge the traditional view on the domination of communal land ownership in the Far East during the second half of XIX - early XX century.

Ключевые слова: частная собственность, крестьянство, рынок, земельные отношения.

Key words: private ownership, peasantry, market, land relations.

Проблема формирования частной собственности на землю актуализировалась в условиях рыночной трансформации современного российского общества, в котором до настоящего времени преобладают представления о доминировании общинного землевладения в истории России. Концепция общинного землевладения как исконного института, возникшего еще у древних славян, утвердившего ценности коллективизма и предопределившего самобытное развитие России, была сформулирована в середине XIX в. историками-славянофилами. В дальнейшем она была не только подхвачена российскими социалистами всех мастей и стала базовой в марксистско-ленинской историографии советского периода, но и оказалась воспринятой представителями либеральной мысли современной России [5].

Между тем ведущая дореволюционная историческая школа – государственная – относила институционализацию общинной собственности на землю к довольно позднему периоду – XVII–XVIII вв. – и связывала этот процесс с формированием крепостного права и

© Польская Е. В., Стасюкевич С. М., 2012

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 12-01-00310.

фискальными интересами государства [16]. Однако стремление народа к обретению частной собственности на землю не было искоренено окончательно, о чем свидетельствуют многочисленные факты покупок крестьянами земли в условиях крепостного права и те законодательные уступки, на которые шло государство в первой половине XIX в., легализуя куплю-продажу крестьянской недвижимости [7, с. 294–295; 13, с. 393, 402–403]. В данном контексте эволюция института частной собственности на землю в России представляется одним из вариантов формирования базовых элементов рыночной экономики, которые, по утверждению Э. де Сото, во все времена возникают благодаря созидательным усилиям народа и вопреки многочисленным препятствиям со стороны «меркантилистского» государства [19, с. 49].

На рубеже XIX–XX вв. своеобразная ситуация складывалась на Дальнем Востоке, отошедшем к Российской империи в результате подписания Айгуньского (1858 г.) и Пекинского (1860 г.) договоров с Китаем. Решающая заслуга в присоединении дальневосточных территорий принадлежит графу Н.Н. Муравьеву-Амурскому. Из деловой и частной переписки Н.Н. Муравьева-Амурского видно, что он являлся сторонником экономической и социальной свободы и противником произвола государства в экономике. Либеральные идеи были положены в основу проекта колонизации Приамурья, разработанного Н.Н. Муравьевым-Амурским, ими он руководствовался в своих практических шагах настолько, насколько это было возможно в середине XIX в. для государственного чиновника [2, с. 283–284, 293, 519]. Известно, что колонизационный проект Н.Н. Муравьева-Амурского не был осуществлен, и в конце 1850-х гг. правительство ограничилось переводом в новый край небольшого количества государственных крестьян. Однако возможность предоставления земли в собственность всем желающим переселиться на Амур была предусмотрена. В это время Сибирский комитет, организующий переселение, еще не высказывался определенно в пользу личного землевладения, но исходил из того, что крестьяне сами отдадут предпочтение частной, а не общинной форме собственности. После отмены крепостного права, когда было открыто свободное переселение в Приамурье, Сибирский комитет уже прямо заявлял о том, что «прежде всего, необходимо дать идущим в Амурский край переселенцам возможность приобретать в свое владение и в свою собственность участки земли, могущие обеспечить их существование в будущем» [20, с. 2, 5].

Нормы поземельных отношений в регионе устанавливались в документах, регламентирующих переселение¹. С 1861 г. всем желающим водвориться на дальневосточных территориях предоставлялось право выбора форм землевладения и землепользования. Право частной собственности на землю можно было получить, выкупив у государства по 3 руб. за десятину любой приглянувшийся участок, в том числе и выделенный первоначально во временное владение. Предусматривались равные права наделения землей для российских и иностранных подданных [10, с. 179]. При пролонгации Положения от 26 марта 1861 г. наиболее важные изменения коснулись предоставления земли иностранным гражданам и порядка приобретения частной собственности на землю. В этих вопросах государство пошло на определенные ограничения. С 1882 г. льготные условия получения земельного участка сохранялись только для русских подданных. Иностранцам же льготы могли быть предоставлены только с разрешения генерал-губернатора Восточной Сибири и «в заслуживающих особого уважения случаях». В 1892 г. из-за наплыва китайцев и корейцев, воспринимавшегося как потенциальная угроза в случае обострения отношений между странами, приобретение земель иностранцами в Амурской и Приморской областях было полностью запрещено [20, с. 3–4]. Одновременно для российских подданных размер участка, приобретаемого в частную собственность, был ограничен 400 десятинами. Продажа в одни руки участков более 400, но не свыше 1000 дес. допускалась под промышленные предприятия и только с разрешения генерал-губернатора. В 1895 г. в связи с началом железнодорожного строительства в регионе было запрещено приобретение земли в 100-верстной полосе по обе стороны от линии строительства, а это были наиболее привлекательные для переселенцев места водворения.

В 1894 г. Приамурский генерал-губернатор С.М. Духовской предпринял ряд мер с целью предотвращения спекуляции купленными у казны землями. 23 января была установлена дифференцированная плата за землю: цена в 3 руб. за десятину сохранялась для отдаленных районов, а в более обжитых местностях она повышалась до 6 руб. за десятину [3. Оп. 1. Д. 111. Л. 18]. С 21 июня обязательным условием приобретения земельной собственности становилось обеспечение дополнительных вложений в землю сверх

¹ «Положения Сибирского комитета о правилах для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири» (26 марта 1861 г.), пролонгированные законами «О некоторых изменениях в правилах о льготах переселенцам в Приамурский край» (1882 г.) и «О продлении действия правил, касающихся переселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях и об изменении и дополнении сих правил» (1892 г.)

покупной цены. Получивший разрешение на приобретение участка вносил в местное казначейство половину его стоимости, после чего губернатор распоряжался об отводе земли в пользование сроком на три года. В течение этого времени покупатель должен был вложить в обработку и приобретение инвентаря дополнительно не менее одной стоимости для участков размером до 100 дес., не менее двойной стоимости для участков от 100 до 400 дес., не менее четверной стоимости для участков размером более 400 дес. [3. Оп. 1. Д. 111. Л. 24]. Если по окончании трехлетнего срока специальная комиссия подтверждала произведенные затраты, покупатель завершал выкуп земли, внося в казну вторую половину стоимости и оплачивая межевые работы. После завершения межевых работ выдавался план и крепостной акт на владение землей [4. Оп. 1. Д. 5. Л. 260].

Проблема введения частной собственности на землю на дальневосточной окраине вызывала разногласия как внутри правительства, так и среди местной администрации. Еще в 1882 г. при обсуждении изменений в действующее законодательство по переселению на Дальний Восток министр внутренних дел граф Д.А. Толстой предложил прекратить отвод казенных земель для последующей продажи их в собственность. Ему возражал генерал-губернатор Приамурского края А.Н. Корф, считавший, что такие меры могут привести к замедлению развития промышленности, сельского хозяйства, разработки природных богатств на Дальнем Востоке. Государственный совет поддержал А.Н. Корфа [20, с. 5]. В высших эшелонах власти осознавали, что в случае отмены права приобретать казенные земли в Амурской и Приморской областях затормозится экономическое развитие края, и Россия может лишиться реальной возможности его заселения.

В целях скорейшего заселения региона и прекращения «хищнического хозяйствования» местная администрация пыталась стимулировать приобретение земли в частную собственность. 9 октября 1884 г. А.Н. Корф подписал указ, снижавший цену на крупные земельные участки в Южно-Уссурийском крае. Он предлагал отдавать землю «даже даром, но так, чтобы каждый мог получить только один раз» [18. Ф. 702. Оп. 5. Д. 61. Л. 13]. 20 февраля 1896 г. Хабаровской городской думой было принято постановление «Об отдаче пустующих городских земель в частную собственность», теперь застройка частными лицами разрешалась только при приобретении в частную собственность, а не в арендное пользование [18. Ф. 702. Оп. 5. Д. 71. Л. 10]. В 1899 г. дополнительные льготы и упрощение процедуры приобретения земли были предложены Приамурским генерал-губернатором Н.И. Гродековым [18. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1063. Л. 7–11].

Таким образом, управленческие решения дальневосточных генерал-губернаторов А.А. Корфа, Н.И. Гродекова, С.М. Духовского свидетельствуют о понимании ими роли и значения частной собственности на землю. Сторонником либеральных поземельных отношений можно считать и военного губернатора Амурской области А.С. Беневского, который в 1899 г. при обсуждении проектов развития земельных отношений так подчеркивал преимущества частной собственности: «Хотя не все проданные участки эксплуатируются, но ... значительным большинством собственников заведены в приобретенных имениях хозяйства, из которых некоторые являются образцовыми для здешнего края, в то время как в крестьянских обществах хозяйство нередко ведется хищнически» [20, с. 5]. Военный губернатор Приморской области Н.М. Чичагов считал необходимым поощрять переходы крестьян к подворно-наследственной форме землевладения [15, с. 140]. Противоположную позицию занимал военный губернатор Амурской области К. Н. Грибский, полагавший, что частновладельческие хозяйства не показали никаких преимуществ по сравнению с обычным крестьянским двором, а правительство, «отдавая значительную часть земли в частную собственность, ... лишается возможности регулировать земельный вопрос в будущем» [20, с. 6].

Несмотря на отсутствие единого мнения среди местного чиновничества, в начале XX в. законодательство развивалось в сторону укрепления частной собственности на дальневосточной окраине. 22 июня 1900 г. было впервые разрешено создание хуторских хозяйств на заполненных переселенческих участках, где не хватало земли для образования полноценного селения. 18 июня 1901 г. были утверждены «Правила об отводе частных земель в Сибири», распространявшиеся и на Дальнем Востоке, которые увеличили предельный размер подлежащих отчуждению участков казенной земли до 3 тыс. десятин. 6 июня 1904 г. новыми «Правилами о добровольном переселении сельских обывателей и мещан – земледельцев» возможность перехода к подворному землевладению была облегчена не только для целых обществ, но и для отдельных хозяев [20, с. 7].

Очередные шаги к утверждению в крае частного землевладения были сделаны в ходе реализации столыпинской аграрной реформы. Распространение на дальневосточные области действия Указа от 9 ноября 1906 г., Закона от 14 июня 1910 г. и «Положения о землеустройстве» от 29 мая 1911 г. подтолкнуло процесс внутринадельного размежевания в местной деревне [15, с. 143–147].

Изучение опыта переселения привело правительство к выводу о необходимости проведения дальнейшей колонизации восточных

районов на основе купли-продажи земли и максимального ограничения возможности возникновения общинного владения при переселении крестьян. В III и IV Государственные думы были внесены проекты «Правил о предназначении свободных казенных земель в пределах Европейской России для обеспечения нуждающихся в земле крестьян» и «Положения о поземельном устройстве крестьян и инородцев на казенных землях Сибирских губерний и областей», предусматривавшие предоставление даровых земель переселенцам только в труднодоступных в хозяйственном отношении местностях; помощь в оформлении собственных прав на те земли, которые уже были освоены домохозяевами; разверстание на хутора и отруба не только наделных крестьянских земель, но и переселенческих участков [17, с. 186–188]. Несмотря на то, что законодательного утверждения данные проекты не получили, определенное влияние на поземельные отношения они оказали. К 1917 г. на землях, отведенных под переселение в Амурской области, было выделено под хутора 1163 участка площадью 45904 дес. и под отруба 4830 участков площадью 183938 дес. [21, с. 101].

На рубеже XIX-XX вв. была предпринята попытка стимулировать создание в крае дворянского частного землевладения. Положение Комитета Сибирской железной дороги от 22 июня 1900 г. о переселении на казенные земли дворян предусматривало бесплатное отведение им в собственность участков размером от 60 до 100 дес. на каждую семью при условии, что земли не будут пустовать. 18 июня 1901 г. дворянам предоставлялся ряд льгот: право долгосрочной аренды казенных земель на срок до 99 лет и возможность увеличения предельного размера покупаемого участка свыше 3000 дес. в случае создания «значительных и полезных для края сельскохозяйственных предприятий». Меры, нацеленные на развитие аренды государственных земель, облегчение их дальнейшего перехода в частную собственность предпринимались и на местах. Однако дворян, желавших обзавестись землевладением на Дальнем Востоке, было мало. Например, среди землевладельцев Амурской области они составляли всего 1,3 % [20, с. 7–8, 18].

Наибольшее распространение частное землевладение на Дальнем Востоке получило в земледельческой Амурской области, где с 1866 по 1905 г. его площадь увеличилась с 30,3 дес. до 44,6 тыс. дес., а в 1913 г. достигла 46,9 тыс. дес. Приобретение земли населением активизировалось начиная с 1880-х гг. Пик покупок приходится на 1890–1895-е гг., когда размеры частного земельного владения увеличились на 25,2 тыс. дес., что в два раза превышало площадь всего частного землевладения за предыдущие 30 лет. В Приморской области к 1905 г. в частной собственности на-

ходилось 18,8 тыс. дес. угодий [20, с. 11]. Основными покупателями были мещане и крестьяне, приобретавшие землю не для спекуляции, а для обработки своим трудом и организации промышленных производств. К 1913 г. мещанам принадлежало 45,7 % частных угодий, крестьянам – 35,6 %. При этом удельный вес крестьянства среди владельцев земли постоянно увеличивался: в 1897 г. им принадлежало только 21,6 % земельной собственности. Средняя величина участков составляла 101 дес., более половины владельцев имели в собственности до 100 дес. [9, с. 16].

К 1917 г. на Дальнем Востоке в частном владении находилось 67 тыс. дес. Частное землевладение в Амурской области составляло всего 1,5 %, а в Приморской – 0,19 % от общей земельной площади, находящейся в общественном пользовании [14, с. 296; 15, с. 147]. В данном случае речь идет о так называемой легитимной частной собственности, владельцы которой прошли необходимые процедуры межевания и юридического оформления. Однако в начале XX в. повсеместно распространялись переходные к частным формы землевладения. На Дальнем Востоке – это захватная, преобладавшая до начала XX в., и подворная, набиравшая популярность в процессе массового притока столыпинских переселенцев. Скрытой формой личного владения можно считать и покупку земель в старожильческих общинах новоселами в начале XX в. Захваченную или купленную у населения, но не оформленную в установленном порядке землю можно, используя терминологию Э. де Сото, рассматривать как внелегальную частную собственность [16].

Пользование землей по праву захвата способствовало формированию у дальневосточного крестьянства этики частного собственника. По свидетельству А.А. Кауфмана, один раз захватив землю, крестьянин считал себя её полноправным хозяином. Он распоряжался землёй, руководствуясь исключительно собственными хозяйственными соображениями: мог, не спрашивая никого, продавать и сдавать землю в аренду, дарить её и передавать по наследству как по завещанию, так и в обычном порядке законного наследования. На практике реализуя права владения, пользования и распоряжения, такой крестьянин фактически являлся полным, ничем не ограниченным собственником захваченной им земли. Для охраны своего права он не останавливался ни перед насилием, ни перед обращением к авторитету старосты и волостного суда, которые всегда ограждали его от всякого вторжения [8, с. 54].

Первые поселенцы в условиях земельного простора не испытывали потребности в укреплении земли в собственность. Однако в начале XX в. рост переселения создал угрозу вовлечения старожильческих участков в общинные переделы. В 1861–1881 гг. на

Дальний Восток прибыло 11634 лиц крестьянского сословия, в 1882–1891 – 25223 чел., в 1892–1901 гг. – 58541 чел. [15, с. 46, 51, 53]. В годы столыпинского переселения только на официально отведенных переселенческих участках водворились более 135 тыс. человек, еще более 101 тыс. определили место поселения самостоятельно. Стремясь сохранить за собой освоенные земельные угодья, старожилы начинают процесс размежевания и перехода к подворному землевладению. Немаловажным побудительным мотивом для крестьян в это время становится и истощение естественного плодородия почв, что делало необходимым финансовые и трудовые вложения в совершенствование агротехнологий. Уже в 1899 г. участники съезда сельских хозяев, состоявшегося во время Амурско-Приморской выставки, высказались за подворное владение, исходя из принципа, что только на собственной земле стоит производить коренные улучшения [12, с. 15]. В 1900–1903 гг. крестьяне Амурской и Приморской областей подали 126 ходатайств о размежевании надельных земель. В Амурской области к 1913 г. более 40 селений разделили надельную землю – 457 456 дес. – на участки единоличного пользования. В 1914 г. в канцелярии Амурского переселенческого района находились ходатайства от 50 селений о внутринадельном размежевании 398 909 дес. Не высказались окончательно за переход от общинного землевладения к подворному 49 селений, располагавших 207 958 десятинами. В Приморье к 1917 г. крестьянами было основано 342 селения, из них 229 – старожильческие, возникшие еще до начала XX в. К 1912 г. 36 селений, располагавшие более 200 тыс. дес., завершили процесс размежевания и перешли к единоличной форме землепользования. К 1917 г. в производстве находились ходатайства 164 сельских обществ о подворном размежевании 1 064 883 дес. [подсчитано по: 1, с. 193–194; 15, с. 140–144]. Таким образом, в 66 % амурских и 58 % приморских селений начался переход к подворной форме землевладения. Очевидно, что при благоприятных внешних условиях его завершение было только вопросом времени.

Начало XX в. отмечено ростом земельных конфликтов между старожилами и новоселами, в которые оказалась вовлечена четверть крестьянских общин. Как следует из письменных прошений о разрешении земельных споров, значительная их часть возникала в результате незнания или нежелания знать границы наделов. Старожилы захватывали больше земель, чем могли обработать, в результате этого удобных для сельского хозяйства участков не хватало уже новоселам. Последние вынуждены были устраиваться собственными усилиями: разыскивали обществу, готовые их принять, и нередко уплачивали так называемые «вступные деньги»,

превышающие иногда 50 руб. с души [3. Оп. 1. Д. 216. Л. 27]. Общее число переселенцев, купивших землю у односельчан, определить практически невозможно, но имеющиеся сведения говорят о постоянном росте их числа. В 1900–1905 гг. 597 семей, вселившихся в приморские старожильческие деревни, выплатили за землю 118 799 руб., или в среднем по 199 руб. на семью. За один только 1909 г. по приемным договорам сельских обществ в Приморье было принято 1617 семей, в общей сложности они должны были выплатить за землю 290 493 руб., или по 179 руб. на семью. Нередко цена участка в Приморье достигала 2-4 тыс. руб., в 1910 г. была зафиксирована рекордная цена за купленный крестьянский надел – 6700 руб. В Амурской области с 1901 по 1909 г. в старожильческие селения переселилось 2 436 семей, заплативших за землю значительные суммы [15, с. 148; 21, с. 103–105].

Слабой стороной складывания новых поземельных отношений стало отсутствие у крестьян четкой потребности в юридическом оформлении прав владения. Официальный рынок земли был значительно уже ее внезаконной купли–продажи. До начала 1890–х гг. в Амурской области зарегистрировано всего 179 поземельных сделок, в 1891–1910 гг. – 441. На первом этапе преобладало приобретение в собственность казенных участков: на 165 случаев продажи государственной земли приходилось всего 14 случаев покупки у частных лиц. С 1891 по 1910 г. количество сделок почти выровнялось: в это время зафиксировано 233 продаж казенных участков и 208 – частных земель, причем с 1901 по 1910 г. на 39 государственных продаж приходилось уже 133 частных [подсчитано по: 9, с. 17].

Вовлечение в рыночный оборот все большего количества частных владений сопровождалось ростом цен на землю. Вплоть до начала XX в., когда переселенцы предпочитали приобретать казенные участки, цена на них колебалась вокруг установленной законом: в среднем за десятину до 1901 г. платили 3,3 руб., в 1901–1905 гг. – 4,5 руб., в 1906 – 1910 гг. – 6,1 руб. В частной продаже до конца XIX в. цена одной десятины колебалась от 3,2 до 16 руб., чаще приближаясь к минимальной. В 1891–1910 гг. на Дальнем Востоке цены за одну десятину колебались от 2,3 до 100 и более руб., что зависело от качества земель, их расположения, количества надворных построек и наличия инвентаря. Цена на частные участки в первом десятилетии XX в. в 3-4 раза превышала стоимость казенных земель и в среднем составляла 22,6 руб. за десятину [подсчитано по: 5, с. 15; 20, с. 12].

Подведем некоторые итоги. На рубеже XIX–XX вв. на Дальнем Востоке складывались относительно благоприятные условия для развития частной собственности на землю: наличие достаточного

количества свободной и пригодной для ведения сельского хозяйства земли, либеральные нормы регулирования поземельных отношений, доступные цены. Очевидно и стремление крестьянства к закреплению за собой земельных прав. Однако частная собственность на землю так и не стала базовым институтом в регионе. Ее распространение тормозили имевшиеся бюрократические ограничения, незавершенность законодательного оформления механизмов перехода к частному землевладению, отсутствие развитой правовой культуры основной массы населения. Негативную роль сыграл и увеличивающийся в начале XX в. приток переселенцев, с которыми на Дальний Восток проникала идеология «черного передела». Вместе с тем спорным остается устоявшийся в историографии вывод о господстве общинной собственности на землю и неудаче политики «насаждения» частной собственности на землю в восточных окраинах. Быстрое распространение в дальневосточной деревне переходных форм землепользования свидетельствует об альтернативности сложившейся ситуации.

Список литературы

1. Барбенко Я.А. Крестьянское расселение в Приморской области как часть русской колонизации Приамурья во второй половине XIX в.: дис. ... канд. истор. наук / Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. – Владивосток, 2010.
2. Барсуков И. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский. Биографические материалы по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам. Репринтное изд. – Хабаровск, 1999.
3. Государственный архив Амурской области (ГАО). Ф. 15-и (Канцелярия Военного губернатора Амурской области, Генерал-губернаторства Восточной Сибири с 1884 г., Приамурского Генерал-губернаторства 1857–1917 гг.).
4. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. и-286 (Органы управления Амурского, Забайкальского и Уссурийского казачьих войск 1851–1922 гг.)
5. Домбровский, Я. Частновладельческие хозяйства в Амурской и Приморской областях // Приамурские ведомости. – 1897. – № 165 (23 февр.). – С. 11–20.
6. Земельная собственность, отношение русских людей к владению землей / Институт русской цивилизации [Электронный ресурс] – URL: <http://www.rusinst.ru/articletext.asp?rzd=1&id=7010&abc=1>
7. История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции: в 5 т. Т. 3: Крестьянство периода позднего феодализма (середина XVII в. – 1861 г.) / отв. ред. И. Д. Ковальченко – М.: Наука, 1993.
8. Кауфман А.А. Крестьянская община в Сибири. По мест. исслед. 1886–1892 г. – СПб., 1897.
9. Ковалев В.Т. О частновладельческом хозяйстве в Амурской области. – Хабаровск, 1902.

10. Ковальчук М.А., Тесля А.А. Земельная собственность в России: правовые и исторические аспекты XVIII – первая половина XIX вв. – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2004.
11. Куренышев А. А. На пути к частной собственности на землю. Союз земельных собственников России // Вопр. истории. – 2002. – № 6. – С. 36–57.
12. Материалы съезда сельских хозяев на Амурско-Приморской выставке. – Хабаровск: Тип. канц. Приам. Ген.- губерн., 1899.
13. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.): в 2 т. – 3-е изд., испр., доп. – Т. 1: Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.
14. Обзор земледельческой колонизации Амурской области. – Благовещенск, 1913.
15. Осипов, Ю.Н. Крестьяне-старожилы Дальнего Востока России. 1855–1917 гг. – Владивосток: изд-во ВГУЭС, 2006.
16. Петров В.И. История земельного права за 1000 лет – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ecology.md/section.php?section=history&id=3853>
17. Пожигайло П. А. Столыпинская программа преобразования России (1906–1911). – М.: РОССПЭН, 2007.
18. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 1 (Приморское областное правление); Ф. 702 (Канцелярия Приамурского Генерал-губернаторства).
19. Сото Э. де. Иной путь: Экономический ответ терроризму / пер. с англ. Б. Пинскера. – Челябинск: Социум, 2008.
20. Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. Вып. II. Частновладельческое хозяйство в Амурской области. Т. III. – СПб., 1913.
21. Щагин Э.М. Очерки истории России, ее историографии и источниковедения (конец XIX – середина XX в.). – М.: ВЛАДОС, 2008.

УДК 94(47)"18":378(091)

Е. В. Костина

Основание военно-учебных заведений в России в начале XIX века

В статье описывается деятельность правительства России в начале XIX в. по преобразованию армии и военно-учебных заведений. Подробно рассказывается о программах обучения в училищах и кадетских корпусах, прослеживаются изменения в этих документах. Автор статьи делает вывод о значимости военного обучения в преобразовании армии.

The article describes the activities of the government of Russia in transforming the army and military educational institutions. Details on training programmes in the vocational schools and cadet corps, traced their change. The author of the article makes a conclusion about the importance of military training in the transformation of the army.

Ключевые слова: Россия, правительство, великий князь, армия, война, реформа, полк, военное училище, кадетский корпус, образование, офицер, военная подготовка.

Key words: Russia, the government, the Grand Duke, army, war, reform, regiment, military school, cadet corps, education, officer, military training.

Во все времена военная тема и тема армии были объектом пристального внимания со стороны многих ученых и исследователей, поскольку вооруженные силы выполняют функцию не только оборонительного щита страны, но и политической силы, влияющей на статус державы на международной арене. Кроме того, состояние армии отражает политическую и экономическую состоятельность государства. На сегодняшний день существует огромное количество исследований, посвященных армии, быту и положению военнослужащих в разные периоды, проведен также анализ всех военных действий.

Многие исследователи описывают события 200-летней давности, связанные с войной 1812 г., победой русских войск над Наполеоном. Многие историки считают, что армия России по численности и уровню подготовки не была готова одолеть столь мощного соперника. Для нападения на Россию Наполеон сформировал так называемый

мую «Большую армию» численностью около 640 тыс. чел. при 1372 орудиях. Россия же могла противопоставить Франции гораздо меньшие силы: армия состояла из пехоты – 400 тыс. чел., кавалерии – 70 тыс. чел., артиллерии и казачьих формирований – 100 тыс. чел. [2, с. 122]. По мнению историков, русскую армию к победе привели такие факторы, как, прежде всего, самоотверженность русского народа, полководческий талант военных деятелей, измененная тактика ведения боя, более удобная система управления армией и ее перевооружение. Однако всему этому предшествовала долгая и кропотливая работа по преобразованию армии в связи с назревающими изменениями политической обстановки в Европе.

Одним из первых шагов стало образование Военской комиссии 24 июня 1801 г. для рассмотрения положения войск и их устройства, поскольку суммы на их содержание очень возросли. Так, согласно сведениям, собранным в Военной коллегии по части сухопутных войск, в 1796 г. армия состояла из 54-х кавалерийских и 221 пехотного полка, и всего в ней числилось 338264 чел. Согласно тем же сведениям через два года сухопутная армия состояла только из 39 кавалерийских, 101 пехотного и 9 артиллерийских полков, и численный ее состав сократился до 261124 чел. В то же время, несмотря на то что количество полков резко сокращалось, возрастало их содержание. Так, например, на содержание Кирасирского полка, состоявшего из 907 нижних чинов строевых, в 1796 г. было выделено чуть больше 11 тыс. руб. Два года спустя на содержание 722 нижних чинов строевых того же полка потребовалось на 7 тыс. руб. больше. Как видим, за два года (с 1796 по 1798) армия сократилась более чем на 77 тыс. чел., при этом содержание ее значительно увеличилось [5. Д. 251. Л. 8 об.-9, 11–12].

Решением этого и ряда других вопросов должна была заняться воинская комиссия под председательством великого князя Константина Павловича. Как считает военный историк Л.П. Богданов, преобразования 1801–1805 гг. коснулись в основном вопросов организационного и хозяйственного порядка. Были сформированы новые пехотные и кавалерийские полки, однако это не дало значительного увеличения численности армии. А меры, предложенные воинской комиссией, не затрагивали основ устройства, комплектования и боевой подготовки армии – все эти преобразования будут осуществлены несколько позже, в 1806–1811 гг. [1, с. 35–45].

Однако историки в своих исследованиях не рассматривали военно-учебные заведения в качестве неотъемлемой части преобразования армии, хотя данный аспект очень важен. В предлагаемой статье будет рассмотрен вопрос образования военно-учебных заведений в России в начале XIX в.

В 1801 г. князь Зубов предложил создать военные училища или корпуса в 17 губерниях для воспитания благородного юношества. Для осмотра мест, составления необходимых расчетов (для их постройки и содержания) был отправлен генерал-майор Бегичев [4. Д. 37 Л. 1]. Как видим, первый шаг на пути подготовки военных кадров был сделан уже в самом начале преобразований. Однако государство не в силах было направлять большие средства на учреждение и финансирование подобных заведений. Возможности экономики не позволяли в полном объеме удовлетворять даже потребности войск, не говоря уже о средствах на учебные корпуса. «Поступил так, как и все поступают... потом отдали нас в гарнизон, одежду справили рекрутскую, шинель серую дали, – ничего, так себе, только узка да коротка, – шапку такую, как арестанты носят, сапоги дали, шитые из горелой кожи, ну и погнали нас в город...», – так описывал вступление в ряды армии некто Д.С. в рассказе «Сослуживец», опубликованный в «Военном сборнике» [3, с. 153].

Одной из первостепенных задач государства было снабжение действующей армии: обеспечить достойным обмундированием и снаряжением, а также провиантом и фуражом. Поэтому бремя финансирования учебных заведений большей частью легло на плечи дворянства. Однако дворяне проявляли инициативу не только в пожертвовании средств, но и предлагали правила приема и обучения воспитанников. Так, например, в 1802 г. дворянство Пензенской губернии «предположило воздвигнуть... для неимущих дворян училище..., располагая взнести на это 90000 рублей... Ныне окончена добровольная подписка и начертаны к заведению училища правила...» [8. Д. 107. Л. 17].

По этим правилам в военное училище должны были приниматься дети старше восьми лет с предоставлением документов, подтверждающих дворянское происхождение, а также медицинских справок о состоянии здоровья и отсутствии хронических заболеваний. Осмотр и прием детей в училище предполагалось осуществлять в присутствии начальника губернии, губернского и уездного предводителей и директора данного учебного заведения. В училище могли обучаться неимущие дворяне, всего до 25-ти чел., на содержание каждого из которых предполагалось по 120 руб. в год «для одежды, пищи и учителей». Для других дворянских детей обучение должно было стоить 180 и 100 руб. в год с проживанием и без, соответственно [8. Д. 107. Л. 19–23 об.].

Разработана была также программа обучения. «Питомцев Пензенского дворянского училища обучать: Закону Божьему, россий-

скому языку как то: чтению, чисто- и правописанию и правилам грамматическим, немецкому языку так же, как и российскому, французскому языку с точным соблюдением всего того, что сказано о российском и немецком, географии математической и гражданской, истории, полной арифметике, геометрии и плоской тригонометрии с главными доказательствами, рисованию, военной архитектуре или фортификации [8. Д. 107. Л. 20 об.].

Из этого можно сделать вывод, что к началу XIX в. в существовавших и вновь основывавшихся военных заведениях не было как таковой единой учебной программы, а дворяне, как «инвесторы», по сути, являлись, таким образом, заказчиками обучения своих детей.

На содержание кадетских корпусов и их воспитанников в начале XIX в. выделялись большие средства согласно штатам 1792 г. Из сведений о кадетских корпусах 1801 г. на обмундирование одного кадета в год расходовалось на повседневный мундир, шляпу и перчатки 17 р. 31 коп., шесть рубашек, пять пар чулок, три галстука, два утиральника – 14 руб. 53 коп., одну пару сапогов и пять пар башмаков – 6 руб. 50 коп., а на два года предназначался парадный мундир – 27 руб. 77 коп. Что касается постельных принадлежностей, то каждому кадету в год полагалось по три простыни и шесть наволочек – 5 руб. 55 коп.; на три года предназначалось байковое одеяло, а на четыре года – матрац с двумя подушками. Итого на содержание одного кадета выделялось 58 руб. 38 коп. в год [5. Д. 230. Л. 10].

Согласно положению о содержании гимназистов или классных учеников на одного гимназиста 2-го отдела в год выделялось 38 руб. 35 коп. – на кафтан с камзолом и двумя суконными штанами, шляпу, галстуки, четыре пары нитенных чулок, три пары «башмачных», пару сапог, четыре рубахи, на две перемены верхних наволочек на два года, два полотенца, две простыни, одеяло, два носовых платка, перину с двумя подушками и тоновыми наволочками, железную кровать. В эту сумму входил так же расход на стирку белья – 3 руб., пошив белья, починку обуви и прочее – 2 руб. На одного гимназиста 3-го отдела в год расходовалось немного меньше – 27 руб. 94 коп. [5. Д. 230. Л. 11]. Как видим, содержание кадетов и гимназистов начала XIX в. было очень хорошим, а в обмундировании недостатка не было.

Прием в кадетский корпус осуществлялся согласно указам императора. Допускались только дети от 8 до 11 лет с подтверждением их дворянского происхождения. Те, кто соответствовал телосложением и ростом, отправлялись в роту под руководство

офицеров, а более слабые «определяются в малолетнее отделение под присмотр женский».

Обучение и воспитание в кадетском корпусе было организовано согласно уставу корпуса, изданному еще в 1772 г., а военные занятия проводились по уставу 1797 г. [5. Д. 230. Л. 15–15 об.], который, по сути, являлся переводом прусских военных уставов. Таким образом, для более качественной и совершенной подготовки военных кадров в кадетских корпусах, не смотря на хорошее снабжение и содержание, необходимым стало внедрение новой программы обучения, что и произошло несколько позже.

Согласно докладом Бегичева, деньги на основание военных училищ предлагали также начальники других губерний, не входивших первоначально в план князя Зубова. Общая сумма добровольных пожертвований составила 887 965 руб. Кроме денег, дворяне осуществляли и другие пожертвования. Например, «для помещения училища, предположенного на Волыни, тайным советником Адамом Чарторыским отдан каменный замок с садом...», дворянство Нижегородской губернии, помимо 30 000 руб., предложило «на жалованье чинам по 6 000 и на случай возвышения цен на припасы по 4 000 рублей ежегодно», в Оренбургской губернии коллежский помощник Ф. Шапошников «объявил готовность поставить 50 000 кирпичу, 200 бревен и человека на услуги училища вечно», жители Тобольска же выделили 3 554 руб. и 100 сажень дров одновременно [6. Д. 222. Л. 14-20 об.]. Эти факты свидетельствуют о заинтересованности дворян в создании военных училищ.

После получения от Бегичева основных сведений в 1803 г. по приказу императора была создана временная комиссия о военных корпусах для рассмотрения проекта их устройства. Председателем этой комиссии был назначен цесаревич Константин Павлович [4. Д. 475. Л. 5]. Таким образом, первые изменения в системе военного образования и воспитания в XIX в. прошли под его руководством.

Результатом двухлетней деятельности комиссии стали предварительные Устав и штаты военных училищ, план военного воспитания (как в училищах, так и в высших кадетских корпусах) и окончательное решение по проекту князя Зубова. По инициативе комиссии существовавшие ранее училища «на иждивении дворян остаются на своем основании с предоставлением воспитанникам оных права поступать по экзаменам в кадетские корпуса...» А программа обучения в этих училищах должна была, по мере возможности, соответствовать программе обучения в других военных

училищах [7. Д. 1651. Л. 3 об.]. Как видим, начала складываться единая система военного образования.

Согласно новому плану «военное воспитание благородного юношества, определяющего себя на службу в армии, начинается в губернских военных училищах и оканчивается в двух высших кадетских корпусах в Санкт-Петербурге». Комиссией определялось количество воспитанников в училищах – «до 3000 человек, разделенных на 15 рот, каждая по 200 воспитанников» и возрастные рамки – от 7 до 9 лет. Срок обучения составлял 7 лет [7. Д. 1651. Л. 4].

Для кадетских корпусов был также составлен план обучения. Четырехгодичный курс для обоих корпусов стал одинаковым, и для каждого года обучения предполагались определенные дисциплины. Кроме точных и гуманитарных наук, кадеты должны были изучать такие предметы, как: фортификация – правильная, иррегулярная, полевая; полиорсетика или наука атаки и защиты крепостей; тактика, стратегия и расположение лагерей; артиллерия, механика криволинейного движения, статика и механика движения прямолинейного; физика и часть оптики, нужная для военного глазомера; для отделения инженеров предназначался также курс гидротехнической архитектуры, а для кавалеристов – курс скотолечебной науки [7. Д. 1651. Л. 5–5 об.]. Новая программа обучения вполне соответствовала требованиям того времени, и впоследствии выпускники кадетских корпусов качественно изменили состав армии. Приобретенные в процессе обучения навыки и знания в дальнейшем способствовали победам на полях сражений в 1812 г.

В этом же докладе комиссия предлагает создать Совет о военных корпусах. 29 марта 1805 г. председателем новой организации император назначил цесаревича Константина Павловича. Совет немедленно должен был приступить к устройению в назначенных местах губернских военных училищ и к преобразованию высших кадетских корпусов. Впоследствии от Совета был учрежден особый комитет для составления уставов и штатов для всех подобных учебных заведений. Этот комитет в 1808 г. издал временную инструкцию по обучению войск – «Примечание о последних переменах в учении». Инструкция, не нарушая основных положений устава 1796 г., вместе с тем указывала на необходимость обучать войска действиям в колоннах и рассыпном строю в различных условиях военной обстановки.

Итак, оценивая причины победы русской армии в войне 1812 г., наряду с такими факторами, как самоотверженность русского народа, более удобное управление армией за счет расписания войск по

дивизиям, перевооружение, следует обратить внимание и на увеличившееся количество подготовленных в специальных учебных заведениях офицеров. Таким образом, основание в России военно-учебных заведений и реформа программы подготовки военных кадров сыграли большую роль в победе 1812 г. и явились частью преобразования армии того периода.

Список литературы

1. Богданов Л. П. Русская армия в 1812 году: организация, управление, вооружение. – М., 1979.
2. Казаков А. В. Военная история России: курс лекций. – СПб., 2000.
3. Карпущенко С. В. Быт русской армии XVIII–XX века. – М., 1999.
4. РГИА. Ф. 733. Оп. 86.
5. РГИА. Ф. 1147. Оп. 1.
6. РГИА. Ф. 1286. Оп. 1.
7. РГИА. Ф. 1341. Оп. 6.
8. РГИА. Ф. 1347. Оп. 5.

А. В. Апанасенок, К. В. Симоненков

**«Старообрядческий вопрос» в жизни предреволюционной
российской провинции: 1905–1916 гг.
(на материалах Курской губернии)¹**

В статье рассмотрена история реализации закона о свободе вероисповедания 1905 г. на российском провинциальном уровне. Опираясь на факты из истории старообрядческих общин Курской губернии, авторы демонстрируют достижения и проблемы веротерпимости, имевшие место в последние годы существования Российской империи.

The work is devoted to the history of realization of religious freedom law of 1905 on the provincial level. Basing on the facts from Old Believer's history in Kursk region, the authors demonstrate achievements and problems which had place in the last years of Russian Empire existence.

Ключевые слова: религия, старообрядчество, власть, веротерпимость, провинциальная Россия.

Key words: religion, Old Belief, authority, religion tolerance, provincial Russia.

К настоящему моменту в России сформировалась демократическая модель отношений между государством, обществом и религиозными организациями. Если в Российской империи лишь официальное православие имело статус государственной религии, а в советское время всякая религия рассматривалась как негативное явление, более или менее терпимое, но подлежащее полному изживанию в исторической перспективе, то сегодня Российское государство декларирует намерение доброжелательно относиться к разным конфессиям. Это, бесспорно, положительный сдвиг, полностью соответствующий произошедшим в стране демократическим преобразованиям. Отечественная модель государственно-церковных отношений, как представляется, должна учитывать историческое, культурное и религиозное своеобразие страны и поддерживать религиозные структуры, которые внесли и способны вносить сегодня позитивный вклад в поддержание её национального достоинства.

К числу таких конфессий относится старообрядчество. Оно представляет собой православие в его наиболее консервативной

© Апанасенок А. В., Симоненков К. В., 2012

¹ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 12-31-01231.

форме и, в отличие от новообразовавшихся сект и «иностранных» религий, хранит традиции русской культуры. В то же время в сознании многих россиян староверы по-прежнему являются чуть ли не «диссидентами», а отношение к ним со стороны властей остаётся достаточно сдержанным.

Попытка объяснить историческую несправедливость такого рода была предпринята в монографии О.П. Ершовой «Старообрядчество и власть». Автором было высказано мнение, что трудности, испытываемые сегодня старообрядчеством в процессе конфессионального возрождения, имеют корни в дореволюционном прошлом России. В частности, указывается, что именно тогда сформировалось представление о мнимом «вреде», который приносят государству «раскольники», а ограничительно-запретительные мероприятия по отношению к ним были нормой [3, с. 194]. Признавая справедливость данного тезиса, нужно отметить, что имперский период российской истории располагает и положительным опытом в отношениях власти и старообрядческих сообществ. Цель данной статьи – рассмотреть, каким образом решался «старообрядческий вопрос» в 1905–1916 гг., используя при этом материалы типично-провинциального региона России – Курской губернии.

Предваряя анализ имеющихся данных, нужно сказать, что судьба старообрядчества в царской России вплоть до XX в. была предопределена его скептическим отношением к господствующей церкви. Последняя, как известно, была тесно связана с государством, считалась его главной идеологической опорой, а потому любое отклонение от официального православия рассматривалось как вызов действующей власти. Поэтому неудивительно, что государственные структуры вплоть до начала XX в. считали своим долгом борьбу со староверием. Её необходимость обосновывалась церковными историками, которые в многочисленных трудах доказывали, что «раскол от начала до конца есть следствие невежества», это «тяжёлая болезнь русской церкви» [12, с. 5], а сами «раскольники» – это носители фанатичного упрямства и гордыни, диких суеверий и религиозных заблуждений. Некоторые доходили даже до того, что называли старообрядцев «орудием враждебных России партий за границей» [15, с. 6].

Отступление от господствующей церкви до 1905 г. было связано с лишением ряда гражданских прав и массой неудобств (отрицание законом браков, заключённых вне православной церкви, признание детей от таких браков «незаконнорожденными», запрет занимать общественные и государственные должности и т. д.) [11, с. 11–18]. Пропаганда или же «внешнее оказательство» «противных» православной церкви учений вообще влекли за собой уголов-

ную ответственность [9, с. 217–220]. Богослужения «в лесных трущобах», закрытие полицией молитвенных помещений, священники, перевозимые в телегах под стогом сена, аресты наставников – все это типичные сюжеты истории «ревнителей древнего благочестия» в XIX в. [1, с. 62]. К началу XX столетия такое положение вещей в глазах образованных современников стало выглядеть откровенно нелепым, поскольку старообрядческий мир в целом являл собою здоровую с нравственной точки зрения часть общества.

Правовой статус, а вместе с ним и условия жизни староверов изменились в 1905–1906 гг. Определила эти перемены ситуация в стране. В 1905 г. из-за нерешенности важнейших государственных вопросов (аграрного, рабочего, национального, вероисповедного и т. д.) и неудачного хода Русско-японской войны в России сложилась критическая ситуация, сделавшая невозможным существование прежнего государственного порядка. Правительство вынуждено было вернуться к курсу, начатому в 60-е гг. XIX в., и пойти на проведение преобразований демократического характера, предполагавших, в частности, ослабление контроля государства над общественной жизнью. Новые принципы взаимоотношений государства и общества нашли отражение в «Манифесте об усовершенствовании государственного порядка» 17 октября 1905 г., обещавшем населению «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов» [9, с. 41].

В соответствии с этими принципами должен был быть решен и старообрядческий вопрос, тем более что в условиях общественно-политического кризиса правительство было заинтересовано в том, чтобы снять оппозиционность многомиллионной старообрядческой массы и заручиться поддержкой промышленного капитала старообрядцев-предпринимателей. Поэтому еще до выхода в свет Манифеста 17 октября был издан Именной Высочайший указ Правительствующему сенату «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. [6, с. 304]. В нём принимались следующие постановления. Признавалось, что «отпадение от православной веры в другое христианское вероучение или исповедание не преследуется по закону». Присваивалось наименование «старообрядцев» взамен «раскольников» всем, кто «приемлет основные догматы православной церкви, но не признаёт некоторых обрядов и отправляет службу по старопечатным книгам». Религиозным обществам старообрядцев присваивалось наименование общин, за ними признавалось право на владение движимым и недвижимым имуществом. За духовными лицами, избираемыми общинами старообрядцев для отправления духовных треб, закреплялось наименование на-

стоятелей и наставников, причем лица эти «по утверждению их в должностях надлежащею правительственною властью» подлежали исключению из мещан или сельских обывателей (если они к этим сословиям принадлежали) и освобождению от призыва на действительную военную службу. Отменялись запреты по отношению печатания и ввоза в Российскую империю старообрядческих богослужебных книг. Старообрядцы уравнивались в правах с «лицами инославных исповеданий в отношении заключения ими с православными смешанных браков». Ведение метрических книг для записей рождений, браков и смерти старообрядцев возлагалось на их духовных лиц [6, с. 304–305].

17 октября 1906 г. вышел ещё один Высочайший указ «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий» [13, с. 178]. Согласно этому указу старообрядцам предоставлялось свободное исповедание их веры, отправление обрядов и образование религиозных общин для целей религиозных, просветительных и благотворительных. Общины – самоуправляющиеся единицы с правом юридического лица – имели право на приобретение и отчуждение собственности, на иск и ответ в суде, образование капиталов и т. д. Община могла вести хозяйственные дела и избирать духовных лиц. Образовывалась она подачей заявления, подписанного 50 полноправными и совершеннолетними лицами, с последующим внесением в реестр губернским правлением. Названные законы полностью легализовали старообрядчество как отдельную конфессию на территории России. Начался новый период во взаимоотношениях «ревнителев старины», государства и общества. Длился он недолго – до 1917 г., однако успел получить у староверов название «золотого века». Анализ процессов, происходивших в Курской губернии, показывает, что данный эпитет появился не напрасно.

Еще до объявления Указа о свободе вероисповедания, 2 марта 1905 г., курскому губернатору пришел циркуляр из МВД, в котором ему предлагалось собрать и предоставить информацию о фактах «безосновательного стеснения свободы вероисповедания раскольников и сектантов, а также принять меры для устранения таковых» [2. Оп. 3. Д. 767. Л. 40]. Губернатор отдал соответствующие распоряжения уездным исправникам, в результате чего уже в апреле – июне 1905 г. были распечатаны все закрытые в предыдущие десятилетия молитвенные дома, за исключением тех, которые представляли опасность «из-за своей ветхости» [2. Оп. 3. Д. 767. Л. 42–44].

Сами «ревнители старины» также немедленноотреагировали на появление вероисповедных свобод. Как писал в своем отчете

курский архиепископ Питирим, «с опубликованием этого указа старообрядцы Курской епархии, доселе спокойные, заволновались: начали устраивать публичные религиозные процессии, крестные ходы, проводы покойников в полном облачении; кое-где перестроили молитвенные дома наподобие православных храмов с колокольным звоном. В религиозной жизни курского старообрядчества происходят заметные изменения, далеко не утешительные для Православной церкви и миссии» [8. Оп. 442. Д. 2158. Л. 31].

Новым явлением стало активное и беспрепятственное распространение старообрядческой литературы, прежде всего издаваемых в Москве и Санкт-Петербурге журналов «Старообрядец» и «Старообрядческий вестник», а также газеты «Слово правды» [8. Оп. 442. Д. 2217. Л. 36]. Распространявшие их агитаторы-начетчики из Москвы, Нижнего Новгорода, Тулы, по свидетельству курского «противораскольничьего» епархиального миссионера И. Рябухина, «разъясняли старообрядцам о дарованных свободах» и новых правах, тем самым способствуя вовлечению их во «всеобщее старообрядческое движение в России» [10, с. 5]. В «Обзорах» Курской, Воронежской и Тамбовской губерний после 1905 г. также постоянно отмечается, что старообрядцы стали чувствовать себя увереннее. «Внутренне раскол крепнет и организуется», – говорилось, например, в «Обзоре Курской губернии» за 1908 г. [5, с. 71].

С 1907 г. на региональном уровне начался процесс организации старообрядческих общин как юридических лиц. Первые такие общины были организованы на территории Курской губернии. Так, уже 17 февраля 1907 г. Курским губернским правлением была зарегистрирована Рыльская община старообрядцев Ветковского согласия [2. Оп. 3. Д. 742. Л. 1]. В ходе последующих семи лет свое существование в Курской губернии официально оформили еще двенадцать общин староверов [2. Оп. 3. Д. 742]. Впрочем, эти официальные структуры охватили далеко не всех «ревнителем древнего благочестия», а только наиболее организованную часть старообрядческого мира. Образование общины с правом юридического лица в том или ином месте зависело, прежде всего, от наличия в нем авторитетных и энергичных людей, способных надлежащим образом оформить нужные для регистрации документы, а в дальнейшем вести дела новообразованной общины. В относительно крупных населенных пунктах таковыми обычно были лица купеческого звания или их дети. Становясь председателями или членами Совета общины, они брали на себя контакты с властями, строительство молитвенных помещений, поиск священнослужителей, при этом часто решая вопросы, непосильные для малообеспеченных людей. Например, купец П.И. Резвых из уездного г. Обояни, помимо того, что дал деньги на

строительство храма, несколько раз посылал своих сыновей на поиски священнослужителей (которых тогда не хватало) за пределы губернии. Первый священник был найден в Богородском уезде Московской губернии, второй – в Гомельском уезде Черниговской [2. Оп. 2. Д. 12414. Л. 18, 79]. В селах же роль организаторов общин на себя брали «крепкие» крестьяне, которые входили потом в Совет вместе со «стариками» [2. Оп. 2. Д. 13325, 14889].

В отличие от предыдущего периода (до объявления вероисповедных свобод), когда возможность легального открытия отдельного молитвенного помещения была скорее теоретической, чем практической, после издания Указов 1905–1906 гг. строительство таковых в большинстве случаев перестало быть большой проблемой. Теперь в соответствии с законом 17 октября 1906 г. для получения разрешения на постройку молитвенного дома старообрядческой общиной необходимо было, во-первых, постановление самой общины и, во-вторых, проект будущего строения, соответствующий требованиям Технического устава. Участие Духовной консистории или МВД в принятии соответствующего решения законом теперь не предполагалось. Поэтому время с 1906 по 1916 г. ознаменовалось бурным строительством старообрядческих храмов.

Сохранившиеся документы Губернского правления (куда подавались проекты) свидетельствуют, что некоторые из них (во Льгове, Обояни, Рыльске, 2-й Воробьевке Шигровского уезда, селе Ивановском Льговского уезда и Овсянниково Курского уезда Курской губернии) имели весьма внушительные размеры и вид настоящих церквей – с куполами и колокольней [2. Оп. 2. Д. 12414, 12644, 12649, 13325, 15259]. Другие молитвенные дома выглядели скромнее, обычно представляя собой большие избы с крестом над дверями или на крыше [2. Оп. 2. Д. 14889]. Всего же за десятилетний период в губернии было построено более двадцати молитвенных домов – во всех более или менее крупных старообрядческих населенных пунктах. В некоторых случаях «ревнителю старины» начинали строительство, даже не испрашивая официального разрешения (например, в с. Камышном Суджанского уезда, с. Самодуровка Фатежского уезда, с. Приходьково Дмитриевского уезда) [2. Оп. 2. Д. 15308, 15627, 16580]. До 1905 г. такие моленные были бы немедленно опечатаны, теперь же старообрядцы просто подвергались денежным штрафам [2. Оп. 2. Д. 15627. Л. 14].

Впрочем было бы наивным полагать, что после 1906 г. все проблемы остались в прошлом, а отношение официальных органов к староверию стало определенным и спокойным. Одномоментно изменить порядок вещей, существовавший на протяжении столетий, не может, как известно, ни одна реформа, какой бы востребованной она

ни была. Ни господствующая православная церковь, ни русская бюрократия не были готовы к кардинальной ломке взаимоотношений со старообрядческим миром. «Золотой век истории старообрядчества не был вполне золотым, много в нем было всякого рода примесей: наряду с полученной свободой шли и прогрессивно укреплялись принуждения, насилия и преследования за верования...», – писал о 1905–1917 гг. уже упоминавшийся Ф.Е. Мельников [4, с. 521]. Действительность отнюдь не во всем соответствовала духу закона 1905 г. Местные чиновники, привыкшие к неравноправному положению староверов и зачастую видевшие в общинах «ревнителю старины» «дойных коров», далеко не всегда были склонны менять свое отношение к староверию. Архивные документы дают тому достаточно много подтверждений. Например, в соответствии с циркуляром МВД от 2 марта 1905 г., предписывавшим «принять меры для устранения безосновательного стеснения свободы вероисповедания» [2. Оп. 3. Д. 767. Л. 40], курский губернатор обратился к Духовной консистории с просьбой вернуть через полицейское управление отобранные из старообрядческих моленных в прежние времена иконы, книги и другие богослужебные принадлежности. Консистория уведомила, что она находит это затруднительным «ввиду неполучения ею по сему предмету распоряжения высшего духовного начальства» [2. Оп. 3. Д. 767. Л. 42]. Губернатор не стал настаивать, и старообрядческие ценности так и не попали в руки к прежним хозяевам.

Другой пример связан с незаконным запретом староверам строить молитвенный дом. В 1910 г. старообрядцы д. Викторовки Рыльского уезда во главе со своим уставщиком А.А. Якушевым подали соответствующее прошение вместе со всеми необходимыми документами в Губернское правление, однако получили отказ из-за вмешательства консистории (не имевшей на это права). Последняя сочла, что строительство может «произвести большой соблазн среди немногих проживающих там православных во главе с сельским старостой, уже готовых перейти в старообрядчество» [2. Оп. 2. Д. 14868. Л. 17]. Только обращение непосредственно к министру внутренних дел помогло старообрядцам в дальнейшем добиться пересмотра решения и построить молельню пять лет спустя [2. Оп. 2. Д. 14868. Л. 61].

В годовом отчете о своей деятельности за 1915 г. курский епархиальный миссионер П. Осокин с возмущением отмечал, что попечитель земской школы в старообрядческой (!) деревне Бирюковке старообрядец [7, с. 568]. Следовательно, такие случаи тогда были редкостью, и видеть старовера на ответственной должности было непривычно. Наконец, в том же 1915 г. на Всероссийском старообрядческом съезде был поднят вопрос о том, что старообрядческих

священников и наставников по-прежнему забирают в армию в ряде губерний (в том числе и Курской), игнорируя тем самым их духовный статус [17, с. 1020].

Впрочем подобные явления были скорее рецидивами прежних притеснений, чем следствием целенаправленной вероисповедной политики. Светские власти постепенно привыкали следовать новым законам. Анализ дел по регистрации общин в Курской губернии после 1911 г. показывает, что в большинстве случаев серьезных проблем при юридическом оформлении общин у староверов не возникало. Имевшие место задержки были связаны скорее с чиновничьей волокитой, чем с намеренным препятствованием со стороны властей. Например, внесение в реестр Боевской общины (Фатежский уезд Курской губернии) растянулось на три года из-за неточного оформления староверами необходимых для этого случая документов [2. Оп. 2. Д. 16580].

Сохранившиеся в фонде Курского губернского правления документы свидетельствуют, что после 1910 г. оно перестало учитывать мнение духовных властей по поводу разрешения староверам строить молитвенные дома в том или ином месте. Неудачей, например, закончилась попытка рыльского окружного миссионерско-просветительского братства Серафима Саровского сорвать в 1912 г. строительство старообрядческого храма в г. Рыльске [2. Оп. 2. Д. 15259. Л. 18]; в 1914 г. был отклонен донос священника из с. Самодуровка Фатежского уезда о якобы «иезуитских» верованиях местных старообрядцев, преследовавший цель закрытия их молитвенного дома [2. Оп. 2. Д. 16580. Л. 4].

Более того, в некоторых случаях появление старообрядческой церкви стало восприниматься местной общественностью как знаменательное событие, обладающее духовной значимостью. Об этом говорит, например, факт, имевший место в Обояни и получивший освещение на страницах центрального старообрядческого журнала «Церковь». 5 сентября 1910 г. здесь был освящен крупный старообрядческий храм во имя святителя Василия Великого. Освящение храма совершал сам архиепископ московский Иоанн (в сослужении местного священника о. Василия Михайлова и трёх приглашённых, а также дьякона московского Рогожского кладбища о. Иоанна Хрусталёва), выступал известный хор Рогожской общины. При освящении присутствовало много «лиц господствующего исповедания», в том числе городской голова и вся местная администрация [14, с. 1123].

В целом легализация старообрядчества явно улучшила его положение, а кроме того, способствовала оздоровлению межконфессиональных отношений в обществе. Например, было сильно поколеблено представление радикальных староверов-беспоповцев о

существующей власти как пособнице антихриста. Характеризуя настроения курского старообрядчества в целом, составители «Обзора Курской губернии» еще в 1908 г. отметили, что в отношении «ревнителей старины» к православному населению, духовенству и властям не замечается прежней неприязни [5, с. 73]. С другой стороны, со страниц местных печатных изданий (как, впрочем, и центральных) постепенно ушло оскорбительное слово «раскольники», а вместо него появилось «старообрядцы». Оценки и суждения, высказываемые «никонианами» по поводу «старой веры», стали более сдержанными и лояльными. Журнал «Церковь» писал по этому поводу, что «... после провозглашения религиозной свободы в России отношения старообрядцев к старообрядцам стали более дружественными и братскими. Не говоря уже о том, что теперь более не слышать со стороны их насмешек над старообрядчеством, они восхищаются уставностью старообрядческих богослужений, которые им приходится видеть при открытых церковных процессиях старообрядцев» [16, с. 1205].

Таким образом, провозглашение вероисповедных свобод привело к заметному оживлению жизни провинциального старообрядческого мира и активному вовлечению его членов в общественную жизнь. Конечно, процесс фактического обретения староверами религиозных прав происходил в провинциальной России небеспрепятственно. В отличие от законодателей, исходивших из соображений государственной пользы, местные власти порой руководствовались устоявшейся привычкой видеть в староверах неравноправных членов общества. Однако курские материалы свидетельствуют, что эта привычка постепенно изживалась, накануне 1917 г. «старообрядческий вопрос» был близок к своему благополучному разрешению.

Список литературы

1. Апанасенок А.В. «Закон законом, а истинная вера одна»: из истории становления веротерпимости в провинциальной России начала XX века // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. история России. – 2009. – № 1. – С. 61–67.
2. Государственный архив Курской области. Ф. 33. – Курское губернское правление.
3. Ершова О.П. Старообрядчество и власть. – М., 1999.
4. Мельников Ф.Е. Краткая история Древлеправославной (старообрядческой) церкви. – Барнаул, 1999.
5. Обзор Курской губернии за 1908 г. Курск, 1909. – 176 с.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. XXV, отд. 1. – СПб., 1908.
7. Расколо-старообрядческая жизнь // Миссионерское обозрение. – 1915. – № 8. – С. 1315–1317.
8. Российский государственный исторический архив. Ф. 796 – Канцелярия Св. Синода.

9. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. – М., 1988. – Т. 6.
10. Рябухин И. О состоянии раскола и деятельности противораскольнической миссии в Курской епархии за 1908 г. // Курские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. – 1909. – № 3. – С. 73–77.
11. Свод законов Российской империи. – СПб., 1857. – Т. 14.
12. Смирнов П.С. История русского раскола, известного под именем старообрядчества. – Одесса, 1898.
13. Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате за № 245. – СПб., 1906.
14. Старообрядческая жизнь // Церковь. – 1910. – № 45. – С. 1122–1123.
15. Субботин Н.И. Раскол как орудие враждебных России партий. – М., 1867.
16. Хроника // Церковь. – 1910. – № 49. – С. 1204–1205.
17. Хроника // Церковь. – 1915. – № 50. – С. 1020–1021.

К. В. Симоненков

Старообрядчество Курского края в условиях советской антирелигиозной кампании 1920-х – 1930-х гг.

В статье рассмотрена история борьбы советских властей со старообрядчеством в первые послереволюционные десятилетия. Опираясь на материалы Курского края, автор рассматривает формы и методы этой борьбы. В работе делается вывод о том, что основным фактором разрушения традиционной конфессиональной культуры староверов стало закрытие культовых сооружений и репрессии против священнослужителей в 1930-е гг.

The work is devoted to the struggle of Soviet authorities against Old Belief in the first post-revolutionary decades/ Basing on materials of Kursk region, the author examines the forms and methods of this struggle. There is a conclusion in the work that the main factor of destruction of traditional confessional Old Believer's culture became closure of churches and persecution of priests in 1930-s.

Ключевые слова: религия, старообрядчество, власть, советский строй, Курский край.

Key words: religion, Old Belief, authority, Soviet regime, Kursk region.

Изучение истории религии в России стало в последние десятилетия достаточно популярным в академической среде. В то же время многообразие и сложность вопросов, встающих перед исследователями в рамках данной проблематики, определяют значительное количество научных проблем, требующих своего разрешения. Одной из таких проблем является историческая динамика развития конфессиональной культуры центральной России на протяжении XX в. неотъемлемое условие ее изучения – анализ социально-политических и идеологических факторов, влиявших на религиозный быт верующих в этот период, а также выявление степени их разрушительного воздействия. Исчерпывающий анализ такого рода в отечественной науке до сих пор не проведен. В частности, несмотря на то, что борьба с религией стала одной из основополагающих характеристик советского строя, ее динамика и степень эффективности на разных этапах советской истории не становились предметом масштабных исследований. Недостаточно изучены и формы антирелигиозных мероприятий, направленных на отдельно взятые конфессиональные сообщества, находившиеся вне РПЦ. Данная статья призвана способствовать восполнению этого пробела. Ее задача – охарактеризо-

вать условия существования провинциальных старообрядческих общин в 1920-е – 1930-е гг. в условиях активной антирелигиозной кампании советских властей. В частности, автор обратился к судьбе старообрядческого сообщества Курского края – типично-провинциального региона центральной России, до 1928 г. входившего в состав Курской губернии, с 1928 по 1934 г. – в состав Центрально-Черноземной области, а с 1934 г. существующего в виде отдельной Курской области.

Староверие имеет достаточно прочные корни на курской земле – как показывают исследования А.В. Апанасенка, оно стало здесь реальной силой уже в XVII в. и на протяжении последующих столетий укрепило свои позиции [1, с. 114–120]. К 1917 г. старообрядчество было второй по численности (после православия, имевшего до революции статус государственной религии) конфессией Курского края. Оно имело здесь до пятидесяти тысяч приверженцев, располагало как минимум тринадцатью официально зарегистрированными общинами (и гораздо большим количеством незарегистрированных), десятками церквей и молитвенных домов [2, с. 142–146].

Современниками, включая представителей господствующей церкви, старообрядцы признавались наиболее религиозными («крепкими в вере») людьми. Например, в 1916 г. курский архиепископ Питирим призывал собственных клириков и прихожан брать пример со староверов в деле соблюдения уставной полноты. Он писал: «... в этом нам у старообрядцев надо поучиться, так как читают они всегда внятно, с особым благоговением, без малейших опущений и, благодаря такому строго уставному служению и неторопливому чтению, свободно выстаивают свои службы в продолжение 5–6 часов сряду...» [13. Оп. 442. Д. 2754. Л. 33]. Ощутимым было влияние представителей «старой веры» на региональную экономику – среди них было много зажиточных крестьян и успешных предпринимателей [2, с. 144–145]. Однако сильные стороны старообрядческого сообщества (крепость религиозных традиций, экономическая состоятельность) после 1917 г. в глазах новой власти оказались «пороками». Соответственно, старообрядческие общины должны были стать едва ли не главными мишенями советского «перевоспитания».

Архивные документы свидетельствуют, что кампания по борьбе с религией на территории Курского края началась в годы Гражданской войны. В сентябре 1919 г. при губернских, городских, районных и волостных народных комитетах были созданы отделы, координировавшие антирелигиозную пропаганду [9, с. 100]. Впрочем, активной их деятельность стала в начале 1920-х гг., после установления относительной стабильности. Именно к этому моменту относится первая

серьезная попытка коммунистов-активистов «узнать врага в лицо», т. е. выяснить «позиции религии» в Курской губернии.

В 1921–1922 гг. в соответствии с циркуляром НКВД местные исполкомы провели анкетирование (опрос) населения в уездах. Основными вопросами типовых анкет стали, во-первых, «какова посещаемость храмов?» и, во-вторых, «каково отношение населения к возможности закрытия храмов и использованию их под культурно-просветительные нужды?». Выяснилось, что посещаемость культовых сооружений весьма высока, а к их закрытию население отнюдь не расположено. Так, во Льговском уезде Курской губернии посещаемость церковей оказалась более 90 %, в других уездах доля активных верующих оказалась немногим меньше, при этом было замечено, что наиболее посещаемыми являются старообрядческие храмы [4. Оп. 1. Д. 341. Л. 36].

При составлении списков церковей и молитвенных домов по волостям оказалось, что наибольшая концентрация культовых помещений опять же наблюдается в местах проживания староверов. Так, в одной только Уколовской волости Щигровского уезда в шести граничащих между собой деревнях находились одна церковь и пять старообрядческих молитвенных домов [4. Оп. 1. Д. 703. Л. 16 об.]. Такая же картина наблюдалась и в соседних Николаевской волости Щигровского уезда (с. Боево, д. Щурово) [5. Оп. 1. Д. 188. Л. 183] и Сергиевской волости Фатежского уезда (с. Дерлово, с. Шумское, с. Скородное) [4. Оп. 1. Д. 700. Л. 37]. Данные такого рода убедили действующую власть, что в старообрядческой среде антирелигиозная кампания будет проходить труднее, чем в любой другой. Возможно, именно в силу этого обстоятельства региональные отделения созданного в 1925 г. «Союза воинствующих безбожников» наиболее бурную деятельность развили в районах со старообрядческим населением [6. Оп. 1. Д. 81. Л. 3].

Нужно отметить, что до 1929 г. антирелигиозная борьба советской власти и советских активистов на провинциальном уровне велась преимущественно ненасильственными методами, была ориентирована на рост «сознательности» и «просвещение масс». Пик активности в проведении антирелигиозной пропаганды приходился на религиозные праздники. Например, издавались специальные указания «О проведении Комсомольской Пасхи» или «антирождественской кампании» [11, с. 179]. В методическом письме о проведении антирождественской кампании курским кабинетом политпросветительской работы говорилось: «Основными установками антирождественской кампании в городе будет отказ от религиозных рождественских праздников и замена их днями индустриализации на тех предприятиях, которые еще не перешли на непрерывную неде-

лю. В деревне антирождественская кампания должна пройти под знаком усиления темпа коллективизации сельского хозяйства, поднятия урожайности и организации бедных слоев на борьбу с кулачеством. В районах со старообрядческим населением центр тяжести антирелигиозной кампании должен пасть на 6 и 7 января» [6. Оп. 1. Д. 81. Л. 1].

Показательны мероприятия, которые должны были стать непременным атрибутом проведения таких «комсомольских празднеств». Среди них – «клубные вечера» для обсуждения вопросов о несовместимости науки и религии, а также для изучения основ учения Дарвина; инсценировки, высмеивающие «попов» и библейские сюжеты. При этом использовались буффонады и частушки. По итогам работы местных кабинетов политработы проводились «соревнования безбожников» [6. Оп. 1. Д. 81. Л. 2]. Впрочем в старообрядческих населенных пунктах такие соревнования не отличались значительными достижениями, тем более что агитаторы часто оказывались лишенными необходимого культурного уровня. Их действия были грубыми, часто оскорбляли верующих. Например, из отчетов «безбожников» следует, что в некоторых уездах старообрядцев задерживали и насильно брили им бороды [8. Оп. 1. Д. 448. Л. 82 об.]. Интересно, что в то же самое время в отчетах районных чиновников в адрес областной власти представителям местного старообрядческого мира давалась положительная характеристика: «отношение к Советской власти старообрядцев благонадежное; воинскую повинность они отбывают наравне с другими; пропаганд никаких не ведут» [4. Оп. 1. Д. 707. Л. 19].

В целом позиции старообрядческого сообщества на территории Курской губернии в 1920-е гг. оказались мало поколеблены. Советские пропагандисты явно недооценили сложность решения вопросов, касающихся веры. Общественное мнение в пользу атеистических мероприятий государства так и не было сформировано. «Специальное исследование, которое было проведено местными властями в 1928 г., показало, что в разных районах, позже вошедших в состав Курской области, посещаемость церквей и молитвенных домов составляет от 75 до 95 %, при этом самая высокая посещаемость – опять же в пунктах, населенных старообрядцами [14, с. 203–204].

Конец 1920-х гг. ознаменовался для советского государства уже сточением внутривполитического курса. Началось строительство «однородного социалистического общества», в сфере экономики предполагавшее полную ликвидацию рыночных отношений, а в духовной сфере – монополию коммунистической идеологии. Небольшие успехи в деле духовного «перевоспитания» сельских жителей заставили власть интенсифицировать борьбу с религией. В феврале

1929 г. Л.М. Каганович разослал по стране письмо под названием «О мерах по усилению антирелигиозной работы». В этой директиве партии, комсомольцы, члены профсоюзов и других советских организаций подвергались разному за недостаточную активность в «процессе изживания религиозности». Тут же давались четкие приказы по вопросам усиления антирелигиозной пропаганды.

В апреле 1929 г. президиум ВЦИК принял постановление «О религиозных объединениях», по которому религиозным общинам дозволялось лишь «отправление культов» в стенах молитвенных домов, просветительская и благотворительная деятельность категорически воспрещалась [15, с. 191]. Началась кампания по закрытию храмов и уничтожению духовенства как социальной категории. Теперь власти обращали еще более пристальное внимание на старообрядческие общины: во-первых, последние оказывались наименее склонными поддаваться на пропаганду, а во-вторых, представлялись строителям социализма «рассадниками кулачества».

В 1929 г. на территории Курского края насчитывалось 40 старообрядческих обществ (под обществами понимались объединения верующих, имевших собственный храм или молитвенное помещение, священника или уставщика). Несмотря на периодически имевшие место идеологические нападки со стороны властей, позиции «старой веры» на региональном уровне казались довольно прочными. Однако, на протяжении последовавшего десятилетия курский старообрядческий мир испытал самый сильный удар в своей истории. В феврале 1929 г. руководство одного из округов (Михайловский районный административный отдел Льговского округа) потребовало от местной старообрядческой общины в десятидневный срок освободить помещение молитвенного дома. После выполнения требования этот дом был переоборудован под школу. В октябре того же года были внезапно закрыты церковь в с. Ивановском и молитвенный дом в с. Бирюковке (тот же округ), через месяц под засыпку хлеба был занят молитвенный дом в с. Поныри (Фатежский округ). Весной 1930 г. «кулак» Т.А. Россинский – старообрядческий уставщик из д. Овсянниково – был арестован, а являвшийся его частной собственностью молитвенный дом был определен под сельскую школу. Тогда же перестала действовать церковь в с. Чаплыгино (Курский округ). В 1931 г. церковь с. Скородное вскоре была разобрана. В 1932 г. та же участь постигла старообрядческую церковь в с. Нижние Деревеньки (Льговский округ) и молитвенный дом в Курске (ул. Дружининская, 46). В 1934–1937 гг. закрытие церквей и молитвенных домов продолжилось [7. Оп. 4. Д. 1, 2, 4, 5, 6, 7, 20, 30, 55]. Последней из старообрядческих культовых сооружений была закрыта церковь Дм. Солунского в г. Льгове – это случилось в феврале 1941 г. К началу Великой Оте-

чественной войны в пределах Курской области не осталось ни одного легально действующего старообрядческого храма [7. Оп. 4. Д. 11. Л. 46, 81].

Борьба с традиционными формами церковной жизни была дополнена борьбой с основными носителями религиозных традиций. Судьба старообрядческих священнослужителей и близких к ним по общественным функциям людей («уставщиков» и «наставников») стала самым трагическим обстоятельством в антирелигиозной кампании 1930-х гг. Закрытию культовых сооружений обычно сопутствовали аресты их служителей, которым предъявлялось обвинение в «антисоветской деятельности». Так, согласно сохранившимся документам, в 1930 г. в с. Чаплыгино был арестован местный уставщик И.А. Дюкарев, а в д. Боево – священнослужитель Л.М. Дорофеев, в 1931 г. во время закрытия церкви в с. Скородное был задержан священник М. Семенихин. Все они получили по несколько лет тюремного заключения или ссылки. В 1937 г. были арестованы наставник и уставщик старообрядческой общины с. Бирюковка Большесолдатского района И.Г. Полунин и И.Т. Мезенцев. Через месяц после ареста оба были расстреляны за «контрреволюционную деятельность». В том же году в заключении скончались уставщик из с. Овсянниково Т.А. Россинский (арестованный в 1930 г.) и старообрядческий епископ Ростова-на-Дону и Курский Пансофий (арестованный в 1933 г.) [10, с. 140]. В 1937–38 гг. вновь были задержаны вернувшиеся из заключения И.А. Дюкарев и Л.М. Дорофеев. Сохранившиеся материалы их дел очень ярко характеризуют ситуацию 1930-х гг., когда любой служитель культа, продолжая исполнять свой религиозный долг, находился под «дамокловым мечом» советской репрессивной машины.

В первом уголовном деле можно прочесть: «Дюкарев Иосиф Александрович, 1870 г. рождения, уроженец Пашковского сельсовета д. Чаплыгино Стрелецкого района Курской области, проживает в данной деревне, без определенных занятий, тайно служит в старообрядческой церкви попом, семейный. Социальное положение – кулак ... В 1930 г. был судим за невыполнение хлебопоставок сроком на три года, раскулачен и лишен избирательских прав, хозяйство все изъято и передано в колхоз. В 1934 г. возвратился из заключения».

Из показаний свидетелей следовало, что: «Дюкарев, служитель старообрядческого культа, всегда после окончания богослужения остается в его доме со своими приспешниками – бывшими кулаками, ведут антисоветские разговоры». «Дюкарев И.А. ведет контрреволюционную агитацию». Из показаний самого уставщика: «... с приходом в стране Советской власти я не был ее сторонником; в последующем мое враждебное отношение к ней укрепилось еще и благодаря тому,

что я являюсь сейчас непоколебимым приверженцем религии старообрядческого направления». Данное дело было направлено на рассмотрение тройки УНКВД по Курской области. Приговор оказался жестоким – старообрядческий наставник был расстрелян [З. Д. 11134. Л. 2–12]. При этом у подсудимого не было никаких шансов оправдаться – с момента обвинения уставщика до приведения приговора в исполнение прошло всего 10 дней.

Материалы другого следственного дела чуть менее печальны, однако также свидетельствуют о непреклонном стремлении советских властей разрушить прослойку «крепких в вере» старообрядцев. Здесь говорится: «Дорофеев Л.М., 1892 года рождения; по происхождению – из крестьян. Место жительства – с. Боево, Золотухинского района Курской области. Социальное положение – служитель культа (старообрядец)». «...ранее проводил контрреволюционную агитацию, например на подрыв колхозного строя и против мероприятий советской власти, за что был намечен к аресту, но скрылся». «18.06.1937 г. в 12 часов ночи в церковной сторожке Дорофеев собрал кулаков и единомышленников и разъяснял им, что врагов народа Тухачевского, Якира и Корка и других расстреляли неправильно, и призвал агитировать крестьян, чтобы они не вступали в колхозы». Из обвинительного заключения: «Дорофеев Л.М. обвиняется в том, что он достаточно изобличен в контрреволюционных высказываниях, направленных против ВКП (б) и Советской власти». Из приговора: «подвергнуть наказанию в виде лишения свободы сроком на 8 лет с поражением избирательных прав сроком на 5 лет после отбытия меры наказания» [З. Д. 2231. Л. 1–8].

Судя по воспоминаниям курских старообрядцев, подобная участь постигла многих священнослужителей и наставников. Кроме поломанных судеб и человеческих трагедий, репрессии повлекли драматические последствия для религиозно-культурной жизни всего старообрядческого сообщества региона. Священники, уставщики, наставники играли огромную роль в сохранении староверами традиционного образа жизни. Именно они были главными хранителями, «ревнителями» старинных устоев и благочестия. На этих людей, знавших основные жизненные правила, смотрели как на обладателей всех тех качеств, которые необходимо приобрести следующему поколению. Духовные лица наблюдали за «правильностью» жизни своих подопечных, благословляя их на важные поступки или, наоборот, порицая за грехи. Они же часто занимались обучением местных детей. Отсутствие такого лица автоматически приводило к разладу в духовной жизни общины.

Таким образом, изученные материалы дают возможность констатировать, что агитационно-пропагандистские мероприятия по дис-

кредитации религии, проводившиеся в старообрядческой среде в 1920-е гг., не стали основным фактором разрушения традиционной конфессиональной культуры староверов. Отдельно взятая антирелигиозная пропаганда часто оказывалась скорее данью советской идеологии, нежели действенным средством воздействия на сознание верующих. Гораздо более драматическую роль в судьбе старообрядческой культуры Курского края сыграло уничтожение культовых сооружений, равно как и аресты священнослужителей (наставников, уставщиков). Удар по центрам религиозной жизни (т. е. храмам), а также главным носителям традиций оказался гораздо эффективнее массовой антирелигиозной пропаганды.

Список литературы

1. Апанасенок А.В. Старообрядческий мир в социально-культурной и религиозной истории Центрального Черноземья в XIX – начале XX в. // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2009. – № 28. История. Вып. 34. – С. 114–126.
2. Апанасенок А.В. Старообрядческий мир Центрального Черноземья в XIX – начале XX в.: численность, расселение, социальный состав // Науч. ведомости Белгор. гос. ун-та. История. Политология. Экономика. Информатика. – 2009. – № 9(64). – Вып. 11. – С. 140–147.
3. Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Курской области. Ф.10.
4. Государственный архив Курской области. Ф. Р-323.
5. Государственный архив Курской области. Ф. Р-594.
6. Государственный архив Курской области. Ф. Р-1954.
7. Государственный архив Курской области. Ф. Р-3322.
8. Государственный архив общественно-политической истории Курской области. Ф. 65.
9. Емельянов С.Н. Попытки модернизации органов церковного управления Русской Православной Церкви в условиях религиозной политики государственных органов власти в годы Гражданской войны (1917–1920). – Курск, 2002.
10. Краткое жизнеописание святого священномученика Пансофия, епископа Ростова-на-Дону и Курского, канонизированного Освященным Собором 2004 г. // Древлеправославный календарь. – Клинцы, 2005.
11. Масальская А.С. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. – М., 1996.
12. Панкратов А. В. Белокриницкая иерархия // Православная энцикл. – М., 2002. – Т. 4.
13. Российский государственный исторический архив. Ф. 796.
14. Церковь, общество и власть в советской России (1918–1937): сб. докт. – М., 2004.
15. Цыпин В. Русская Православная Церковь. 1925–1938. – М., 1999.

Сведения об авторах

Апанасенок Александр Вячеславович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск; e-mail: apanasenok@yandex.ru

Веретенко Валентина Александровна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: itropov@yandex.ru

Гаирбекова Зинаида Саидахматовна – аспирант, Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований; e-mail: vernem-sya@mail.ru

Гостенков Анатолий Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: itropov@yandex.ru

Костина Елена Владимировна – аспирант кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: Elena-kostina2007@yandex.ru

Кузовлев Андрей Евгеньевич – аспирант, Балтийский государственный технический университет «Военмех» имени Д.Ф. Устинова; e-mail: laguna-esthar@yandex.ru

Мухина Зинара Зиевна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных наук, Старооскольский технологический институт имени А.А. Угарова (филиал) НИТУ МИСиС; e-mail: mukhiny@mail.ru

Польская Елена Васильевна – аспирант кафедры истории, Дальневосточный государственный аграрный университет; e-mail: sve-tasms@freemail.ru

Симоненков Константин Владимирович – аспирант кафедры истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет; e-mail: simonov-k2012@yandex.ru

Смирнова Алла Александровна – доктор исторических наук, профессор, проректор, Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств; e-mail: allasmir@mail.ru

Стасюкевич Светлана Михайловна – кандидат исторических наук, профессор кафедры истории, Дальневосточный государственный аграрный университет; e-mail: svetasms@freemail.ru

Стогов Дмитрий Игоревич – кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории культуры, государства и права, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»; e-mail: belgrigorij@yandex.ru

Фролов Михаил Иванович – доктор исторических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: itropov@yandex.ru

Требования к научным статьям

К публикации в Вестнике Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина принимаются статьи, отражающие широкий спектр актуальных вопросов исторических наук.

Обязательным условием публикации результатов научных работ для кандидатских исследований является наличие отзыва научного руководителя, несущего ответственность за качество представленного научного материала и достоверность результатов исследования. Публикации результатов докторских исследований принимаются без рецензий.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция журнала оставляет за собой право отбора статей для публикации.

Требования к оформлению материалов

Материал должен быть представлен тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи не менее 18 и не более 26 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman Cyr, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок в автоматическом режиме Word.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: [5, с. 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

2. Автореферат

Автореферат содержит:

- название статьи и ФИО автора – на русском и английском языках.
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом 300–350 знаков с пробелами.
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языках.

3. Сведения об авторе

Содержат сведения об авторе: фамилия, имя, отчество полностью, место работы и занимаемая должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

В случае несоблюдения настоящих требований, редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Статью, оформленную в соответствии с прилагаемыми требованиями, можно:

- выслать по почте в виде распечатанного текста с обязательным приложением электронного варианта по адресу: 196605 Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10. Кафедра истории, каб. 207^а;
- отправить по электронной почте: E-mail: itropov@ya.ru

Статьи принимаются в течение года.

Редакция оставляет за собой право вносить редакционные (не меняющие смысла) изменения в авторский оригинал.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Редакционная коллегия:

196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин,

Петербургское шоссе, 10

тел. (812) 476-90-34

Для заметок

Научный журнал

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

**№ 3
Том 4. История**

Редактор *В. Л. Фурштатова*
Технический редактор *Н. П. Никитина*
Оригинал макет *Н.П. Никитиной*

Подписано в печать 21.09.2012. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 8,25. Тираж 500 экз. Заказ № 800

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10

РТП ЛГУ 197136, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 25а